

Ирина Фургал

Возвращение солнца

Цикл «Деревянная сабля». Книга первая

Ирина Фургал

**Возвращение солнца. Цикл
«Деревянная сабля». Книга первая**

«Издательские решения»

Фургал И.

Возвращение солнца. Цикл «Деревянная сабля». Книга первая /
И. Фургал — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506740-1

Попавшую в беду компанию молодёжи государи Някки отправляют подальше от столицы. Но месть соперников короля могла бы настичь друзей где угодно, если бы не юный волшебник Миче Аги. В пути молодые люди открывают вред для всего живого возрождённых из прошлого светильников-солнц. Пока их продают, выдавая за полезное изобретение, но могут применить как оружие в борьбе за власть. Продолжать путешествовать, вникать в семейные тайны, бороться за любовь?.. Друзья Миче пытаются предотвратить переворот...

ISBN 978-5-00-506740-1

© Фургал И.
© Издательские решения

Содержание

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА	6
ЧАСТЬ I. ДЕРЕВЯННАЯ САБЛЯ	6
Глава 1. Маг с Верхнезадвиженской улицы	6
Глава 2. Дочь авантюристов	13
Глава 3. Друг Чудила	17
Глава 4. В парке у моря	24
Глава 5. Странная рекомендация	32
Глава 6. В доме моих врагов	40
Глава 7. Кораблик, идущий не туда	45
Глава 8. Благородное предательство	49
Глава 9. Камень Кереичиките	52
Глава 10. Миче, принёсший солнце	62
Глава 11. Доброе сердце Эи	66
Глава 12. То, что никому не нужно	71
Глава 13. Заступничество Кохи	75
Глава 14. Невозможность поговорить	80
Глава 15. Меняются планы	87
Глава 16. После дождей	96
Глава 17. Деревянная сабля	106
ЧАСТЬ II. СВАТОВСТВО МИЧЕ	114
Глава 1. Анчутская мудрость	114
Глава 2. Сплошные потрясения	118
Глава 3. Трогательная забота	122
Глава 4. Ночные визиты	125
Глава 5. Душевная болезнь	132
Глава 6. Тот самый день?	137
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Возвращение солнца

Цикл «Деревянная сабля». Книга первая

Ирина Фургал

Цикл

ДЕРЕВЯННАЯ САБЛЯ

Книга первая

© Ирина Фургал, 2019

ISBN 978-5-0050-6740-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-6741-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА

ЧАСТЬ I. ДЕРЕВЯННАЯ САБЛЯ

Глава 1. Маг с Верхнезадвиженской улицы

Всё началось сразу и внезапно в мой первый настоящий рабочий день с визита мелкой и пушистой девчонки, до того пронырливой, что вздумай я встать на пороге, она просочилась бы в мой дом сквозь меня.

Маленькая авантюристка с пшеничными косами, не отвлекаясь от важных детских проказ, умудрилась так или иначе повлиять на все события и даже помочь спасти власть законных правителей, хоть и утверждает до сих пор, что это сделал я, а не она.

Однако, до её визита где-то в районе обеда, мне предстояло ещё суматошное утро, и другие встречи, и всё, что случилось в этот день и в следующие дни начала моей новой жизни, имело в будущем свой отклик.

В ту пору я, молодой волшебник нашей столицы Някки, только-только окончил университет и, прямо как сейчас, был энергичен и полон надежд и планов. Я мог бы жить с родителями, но захотел самостоятельности (стеснялся их присутствия в начале своей трудовой деятельности). Дед оставил мне дом – и я переехал туда, на Верхнезадвиженскую улицу в Повыше, районе чуть более, чем средней престижности.

Первым делом в газетах и на столбах я дал объявление: «Волшебник с высшим образованием (слово „опытный“ из любви к справедливости отринул) даст исчерпывающую консультацию, изготовит амулет, заглянет в ваше будущее, объяснит причины того, что с вами происходит в данный момент. Расценки умеренные».

Я решил начать зарабатывать и этим ремеслом тоже. В моих глазах оно не менее почётно, чем ювелирное дело, а деньги были нужны до зарезу: хватит уже родителям тратиться на меня и моё образование, не дешёвое, между прочим. Тем более, что мой очень младший брат собрался пойти по моим стопам, а отец той весной неудачно упал, и ему требовалось длительное и дорогое лечение. Дорогое даже несмотря на то, что у нас полно знакомых в Лечебнице у источников – например, доктор Шу и его сын, приятель детства. Чтобы маме было легче, я собирался всё лето держать у себя это жутко вертлявое существо, Рики Аги, младшего сына моих родителей.

Но лето ещё не началось. Через два дня после выпускного бала я, выпроводив, наконец, рабочих и женщин, нанятых для уборки, остался один в отремонтированном здании поджидать клиентов. В моём собственном доме!

Желающие погадать не обязаны были явиться сегодня. Я мог бы ждать первого неделю, тихо и спокойно выполняя текущие заказы на кольца и ожерелья. Тайком от заказчиков превращать их в амулеты, настраивая на удачу просто так. Совершенно бесплатно. Чтобы потренироваться. Но я сказал себе: пусть придёт хоть кто-нибудь, кому требуется помощь предсказателя. Если сбудется – моя карьера окажется удачной, а доход – постоянным и высоким. Ну и накликать. Клиенты посыпались, как яйца на головы незадачливых артистов.

Звякнул колокольчик над калиткой, и я уже встречал тонюсенькую девушку в сером унылом платье не по фигуре, с распущенными волосами, похожими на свалывшийся конский хвост. Хм. Если человек не пользуется средствами для красоты волос, он должен навертеть пучок и спрятать его под платок или шляпку.

Девушка затравленно оглянулась чуть пройдя вперёд по дорожке. В её руках была торба: я решил, что ей пришлось сделать вид, будто собралась на рынок.

– Дрась, – пискнула она голосом задушенного мышонка. – Я Ня. Ва. Во.

И она протянула мне белый листок, сорванный со столба. Может, трусишка хотела сказать: «Ваше вот объявление»?

– Моё, – сознался я, приглашая её в кабинет. – Простите, не расслышал, как вас зовут.

Не в меру застенчивая клиентка вознамерилась упасть в обморок на дедушкину любимую клумбу. Вот ведь жуть: что-то не так сказала!

Мять красивые цветы я не позволил, подхватил дамочку под ручку и ввёл в кабинет, как королеву.

– Так как же вас зовут? – продолжал я добиваться. Надо было наладить контакт.

– Ня! – покраснев, сообщила она. Ну нет. Такого имени не бывает.

– Аня? – догадливо переспросил находчивый маг, то есть я. Клиентка радостно закивала, а я сообщил своё имя. Она продолжала кивать в том же темпе.

Некоторое время я бился с чудачкой, пытаюсь выяснить, что привело её ко мне. Потом бросил и взял в руки карты – они скажут, в чём тут проблема. Я был уверен, что в здоровье. Но видя, что волшебник приготовился к гаданию, девушка вдруг заговорила быстро и сбивчиво, глотая окончания слов, зато чётко выговаривая «кажется», «может быть», и «что же делать?» Бывает, что люди во взвинченном состоянии вываливают на предсказателя кучу сведений о своей жизни. С одной стороны, это мне на руку, а с другой – клиент не даёт слова вставить: чтобы убедить его в правдивости гадания, я должен рассказать немного о его прошлом. Аня была трусишкой. Сделав над собой героическое усилие и придя ко мне, она спешила выложить всё, пока не иссякло мужество.

Оказалось, что Ане не перед кем отчитываться, в том, куда она идёт. Девушка жила одна, ей шёл девятнадцатый год (чудеса, право, я думал, что ей шестнадцать). Её вечно обсчитывали и всучивали дурной товар за непомерную цену, однако она ни разу не теряла кошелёк, и её никогда не обворовывали, не совсем уж Аня растяпа. Я был изумлён, когда узнал, что она дочь известной нашей певицы. Мать была своеобразной, колоритной, яркой. Настолько яркой, что к ней лучше бы не подходить совсем, как к пожару. Дочка, явившаяся ко мне, казалась соринкой, попавшей в огонь. Аню плющили, как серебряную пластинку на наковальне: оба родителя желали видеть в ней копию взбалмошной матери.

Девчонке влетало за то, что она предпочитала, сидя на чердаке, читать и тихо мастерить куклам платья, а не устраивать концерты перед соседями, как, говорят, в детстве устраивала их наша звезда. Аню презирали и за то, что она не желала скакать на самодельной сцене, и за то, что она слишком весело болтала с соседкиной дочкой. Не так болтала! Не то говорила! С чего бы так весела? Не так оделась. Не такой нос и размер ушей. Слишком высокий голос. Чересчур длинные ноги. Прочие части тела отличаются от материнских. Страшилище и тощий урод – таков был приговор любящих родителей. В результате Аня предпочла вообще ни с кем не болтать, никогда не петь и носить только то, что скинула ей матушка с царственных плечищ. За эти свои усилия безмолвная дочь получила ещё большее презрение и подозрение в умственной отсталости.

– Что ты всё молчишь? – налетали на неё. Когда приходили гости, а это были всё больше интересные и знаменитые люди, Ане запрещалось выходить в комнаты, где шло веселье. Она подслушивала незаметно разговоры, истории, песни. Некоторые друзья семьи даже не помнили, а может, и не знали, что у звезды Някки есть ребёнок. Порой Аню вытаскивали на улицу с приказом играть. И ей самой очень этого хотелось. Хотелось весело хохотать, носиться с девочками, задирать мальчиков, громко выкрикивать слова считалки... Но, по большей части, Аня сидела одна, прижав к себе куклу и просто наблюдая за сверстниками.

Потому что, если ребята всё-таки вовлекали девочку в забаву, дома ей доставалось за то, что она играла не так, как надо.

– Меня, наверное, стыдились – и правильно делали! – ломая руки и глотая звуки, сообщила Аня. – Что делать – я могла опозорить семью! Говорили, что меня нельзя показать народу. Что мне в жизни одна дорога: замуж за какого-нибудь дуралея вроде сына Мале. Знаете, тех Мале, которые держат модную лавку и парикмахерскую вместо того... ну, вместо того...

– Вместо того, чтобы служить в наших доблестных войсках, – закончил я, сдерживая смех, потому что эти самые Мале, в роду которых едва ли не все военные – друзья нашей семьи. Я бы сказал, лучшие друзья. Аня, конечно, этого не знала.

– Может быть, это потому, что мне нравится шить, – жалобно предположила девушка. Видимо, ей не хотелось замуж за дуралея. – А учиться на певицу меня не взяли.

Чувствовал я, что, когда это случилось, Аня решила, что её жизнь кончена.

– Папа перестал денежки давать, – всхлинула она. – Может быть, это правильно, толку от меня, кажется, нет. Ни на что не гожусь. Вроде бы я неудачница.

Просто удивительно, до чего можно довести ребёнка нелюбовью! Выросшая Аня могла бы стать конкуренткой Мале и прославить семью не хуже родителей. Но нет! Требовали от неё невозможного – быть другим человеком. Махнули на неё рукой, обрекли на роль домашнего несчастья.

Моему негодованию не было предела. Оно переплелось с жалостью, я рвался немедленно помочь затюканной Ане и еле-еле дождался конца рассказа.

Я знал, конечно, что родители Ани месяцев шесть назад утонули во время морской прогулки. Девушка сперва пребывала в тоске, сидя у окошка и совсем растерявшись. В ужасе вздрагивала, когда ей мерещился стук распахнувшейся двери – мать всегда резко дёргала створку. Продолжала мастерить одежду не себе, а куклам. Единственное, на что хватило у неё смелости – сдавать три комнаты, да и то, по настоянию горничной, которая, собственно, всё и устроила, и сама же всё контролировала. А вот Аню бросало в дрожь при мысли обратиться в контору и поговорить о наследстве. Две комнаты она сдавала студентам, а третью...

– Одному такому человеку... – залившись краской поведала девушка.

Она вдруг влюбилась, пугаясь собственного чувства. Если бы не это, Аня, возможно, со временем осмелела бы и изменилась. Завела бы друзей, продолжила образование. Если бы любовь была настоящей и взаимной, она преобразила бы Аню. Но девушкам, не знающим себе цену, редко везёт. Парень, казалось, отвечал взаимностью, хоть Ане не верилось, что такое может быть. Правда, он был грубоват, холодноват и заглядывался на других, но это, право, такие мелочи! Потом он уехал в родной город, и от него ни слуху, ни духу. Может, она что-то не так сделала? Не погадаю ли я за умеренную цену? Ей очень хотелось продолжения сказки и возвращения оборота.

Карты (и здравый смысл) абсолютно точно говорили, что у девушки всё печально. Парень изображал чувство, чтобы не платить за постой, а уехал – и выкинул дурочку из головы, и собрался жениться на другой. Это обычная судьба подобных девиц. Если они не меняются, хорошая любовь не приходит.

И как сказать такое прямо в широко распахнутые серые глаза? Я тяжело вздохнул. Придётся врать. Мы, предсказатели, имеем право соврать или что-нибудь утаить, когда надо. Нацелю-ка бедняжку на новую жизнь, покажу, куда надо идти: туда, где интересно, много веселья и её будущих друзей, а, значит, и мужчин. Взгляды изменятся сами, лишь только раздвигнутся горизонты. Жизнь заиграет новыми красками, принесёт Ане радость, новые возможности, новую любовь, уверенность в себе. Аня привыкла подчиняться – сейчас это мне поможет. Я очень умный, а главное, хитрый волшебник с высшим образованием. Я сказал:

– Так, Аня. Для того, чтобы узнать будущее, не хватает участия с вашей стороны.

– Ова? – прошелестела клиентка. Я перевёл это как «какого?»

– Не хватает ярких цветов. Почти лето на дворе, и в сером не гадают. Честно! Зачем вы надели это платье? Надо соблюдать условия. Условия, необходимые для работы с предметами гадания. Иначе контакта нет. Без контакта нельзя.

И тут – ох, надо же, какая идея! – мне показалось забавным сыграть с Аней шутку. Созорничать по-мальчишески. Мне только на днях исполнилось двадцать лет, и я никак, ну никак не мог удержаться. Мне кажется, на моём месте вы бы тоже не смогли.

– Аня, – наклонившись к ней, я расширил глаза и заговорил потусторонним голосом, – прямо сейчас ступайте по этой улице вниз, в магазин. Вам совершенно необходимо купить ту вещь, которую я назову. Ту вещь, на которую с моей помощью укажет сам Радо, хранитель солнца и покровитель влюблённых. Через меня он передаст свою волю! Только эта вещь придаст вам сил, чтобы пройти страшные испытания, которые предстоят. Испытания ради любви! Мужайтесь, Аня. Купить эту вещь вам придётся в модной лавке Мале. Да-да. Именно, в лавке Мале.

Глупышка замотала головой. Видимо, маме-певице нравились люди в форме, а тех, кто пренебрёг военной службой, она сильно не одобряла. Но вредный предсказатель Миче был неумолим. И даже не опасался гнева светлого Радо, который только приветствует безобидные шутки. А уж если ради любви...

А ещё мне захотелось вдохновить Аню на дальнейшие подвиги эффектным зрелищем.

Я раскрыл сжатые в кулаки ладони – и все свечи, сколько их ни было в моём кабинете, разом вспыхнули, а шторы на окнах резко сдвинулись, создав полумрак. Аня не заметила движения пальцами, от которого розовато-золотистые прозрачные всполохи, поднимаясь от огненных язычков, пошли плясать под потолком, образуя кольца, спирали и сердечки – такие рисуют девочки в тетрадах. Вниз осыпалась мерцающая, словно крохотные алмазики, пыльца – мои одноклассницы всегда приходили в восторг, когда я устраивал такое на танцах. Визжали и прыгали, пытаясь схватить блестящие пылинки – уж очень они завлекательны. Аня же сгорбилась, сжалась и молчала. Только глаза горели любопытством и пальцы вздрагивали.

– Вот она, эта вещь! – самым, что ни на есть колдовским тоном объявил я и указал на штору. Розовые сердечки стали алыми, стеклись к центру тёмной портьеры, пошевелились, принимая задуманную мной форму – и вот уже клиентка, раскрыв от удивления рот, смотрит на платье, такое, что даже меня оно потрясло, когда я увидел его впервые в витрине лавки Мале. Что-то забыл. Ах да! Кружева.

– Это платье, – завывал я, – есть только там...

– Я зна... – неожиданно выдохнула Аня. Ну и ну! Она знает! Приглядывалась, наверное, и облизывалась, да боялась на себя примерить. Ничего, я ей разрешу.

– Купите платье, купите шляпку и туфли, попросите сделать себе самую красивую причёску, – настаивал я, – и помните: вам непременно помогут!

– Яркое! Очень яркое! – запищала испуганная Аня, отгораживаясь ладонями от блестящих пылинок. – Никогда, кажется, такого не... Это не моё!

– Будет ваше! От судьбы увиливать бесполезно! – увеличил я силу голоса и сияние вокруг алого платья. – Хотите вернуть любовь – слушайте меня! Карты говорят, любовь даётся тем, кто одевается весело. – (Ничего подобного они не говорили, это я нёс отсебятину). – Придёте ко мне через неделю в этом наряде, Аня, и я скажу вам что-то хорошее. И, кстати, пылинки можно ловить.

Ошеломлённая Аня моргнула, кивнула и судорожно сжала кулак, не рискуя посмотреть, что за вещицу поймала вместо пылинок. В детстве мне не хватало умения проделывать одну штуку. Очень хотелось, чтобы гости у меня на дне рождения таким образом получали маленькие приятные штучки: конфетки, изюминки. Я всё работал и работал над сложным фокусом. Сейчас получилось всего лишь в четвёртый раз. Это магия Радо, магия огня, света и световых безобидных эффектов. Ох, как впечатлило Аню волшебство!

Я заставил её поклясться, что в течение недели она дважды посетит вечером парк и прокатится на каруселях, дважды прогуляется по набережной из конца в конец, сходит на выставку древностей, поднимется на вершину горы Иканки, побывает в театре на комедии и проведёт день с друзьями.

Это будет тяжело, очень тяжело, говорил я, но нужно выдержать испытания.

– У меня не др, – выдохнул этот ужас. На самом деле, я уже понял, что ей до слёз хочется иметь подруг, хотя бы одну или двух.

– Завести! – рявкнул я, но опомнился и сбавил тон, и снова придал ему потусторонность. – Если будете вступать с людьми в разговоры – хотя бы просто спрашивать дорогу, рано или поздно завяжется беседа. Родственные души потянутся друг к другу! Сегодня вам предстоит самое страшное – разговор с госпожой Мале по поводу обновок и выбор причёски. Только точное соблюдение инструкций даст нам ожидаемый результат: контакт с гадательными принадлежностями и возвращение любимого.

И ещё я по ходу дела наговорил Ане кучу хороших слов. Да-да, про серые глаза, про цвет волос, про красивый голос и смех, которого не слышал, и про фигуру, которую было не разглядеть из-за бесформенной одежды. Про то, что она внимательная, раз у неё не крали кошелёк, и оборотистая, раз сдаёт комнаты, что она непременно озаботится наследством и откажется от услуг молочницы, что нагло сбывает ей подпорченный творог. Что её визит ко мне – показатель ума и большого потенциала. Даже не знаю какого. Творческого, ляпнул я, заговорившись вконец. Кажется, она в жизни не слышала в свой адрес ничего подобного, поэтому совсем оцепенела на стуле. Только щёки покраснелись и глаза горели ярко-ярко. В конце моей хвалебной речи девушка даже кокетливо поправила лохматую прядку на лбу. И выговорила чётко и радостно, как нормальный человек:

– Спасибо.

– То-то же.

– А любовь? – Аня тревожно и с надеждой глянула на карты, которые я уже начал собирать. Это был такой взгляд! Но ведь я ей уже всё сказал...

Рука дрогнула, часть карт упала на стол и сложилась в изумительную композицию, говорившую о будущем Ани. О будущем, свободном от прошлого, от страха, неуверенности и тяжёлых воспоминаний. О будущем, не связанном с ушедшей любовью, на которую девушка пришла погадать. Потому что визит ко мне – начало её новой жизни. Обстоятельства изменились. Сейчас. Их изменил я.

Я даже растерялся. Покашлял, чтобы скрыть смущение и ликование.

– Вы стоите на пороге любви, – объявил я. – На пороге хорошей любви и больших перемен. Никаких сомнений. Главное, слушайте меня.

Ну и что вы думаете? Окрылённая Аня залопотала что-то о том, что её неверный возлюбленный вернётся к ней непременно, ведь она будет послушна и немедленно отправится в лавку Мале.

Девушка слышать не желала о том, что любовь будет новой, и упрямо цеплялась за веру в возвращение своего негодяя.

Я рассердился на такое непонимание, но не сильно. Что с неё взять – влюблённая девчонка! Видел я таких! Никто не обязан верить мне сразу, но в моём голосе звучала обида, не замеченная повеселевшей и похорошевшей от радости Аней:

– Следующий визит через неделю. С отчётом и в красном платье.

Девушка расплатилась, покочевряжилась немного, утверждая, что лучше купить ярко-серый наряд, но сопротивление было легко сломлено. Я запугал Аню, сказал, что путём гадания узнаю, соблюдаются ли инструкции. Чуть что – откажусь иметь с ней дело. Привыкшая подчиняться девчонка зашуршала серым подолом вниз по улице, а я смотрел, стоя перед калиткой. Едва скрывшись с моих глаз, Аня, конечно, разжала кулак, чтобы взглянуть, что за чудо выло-

вила она из мерцающей пыли. Я слышал, как девушка по-детски счастливо взвизгнула. А ещё у неё в авоське лежала коробочка. Я просил передать её госпоже Мале. В коробочку незаметно положил Анин аванс и записку с просьбой учесть эти деньги и, если надо, поверить в долг, когда Аня, не вступившая ещё в права наследства, станет расплачиваться. В конце концов, это теперь мои деньги, имею право поступать с ними, как хочу. Тётя Марина Мале, привыкшая к моим чудачествам, не станет спрашивать Аню ни о чём. Если же девица сейчас не пойдёт за красным платьем, то мне не нужен её аванс, пусть считает, что она вообще не была у предсказателя Миче.

Я вернулся в кабинет, потушил свечи, развеял сердечки и блестяшки, раздвинул шторы. И дал себе слово, что моя дочка никогда не услышит, что она неудачница и страшилище. Представил я комнату, залитую утренним светом, похожую и не похожую на одну из тех, что наверху. Комнату маленькой девочки, такой весёлой, такой тёплой спросонья. Она прыгает прямо ко мне в руки и говорит, что любит. А я ей в ответ: «Голос у тебя какой-то не такой. Щёки толстые. Думаешь, тебя кто-то будет за это любить? И что это за суси-пуси? А ну замолчи, раз не умеешь нормально разговаривать!»

Чтобы я вот так? Своей девочке? Я представил укоризненный взгляд её мамы...

Свою дочку я очень любил бы, я бы и её маму...

И тут опомнился и замотал головой, чтобы избавиться от наваждения.

Зачем я опять так размечтался о невозможном для меня?

*

Ну, а затем, прямо сразу, явился пьянчужка. Такой, что ого-го. Я даже не успел перекусить, потратив весь короткий перерыв на переживания по поводу Аниной судьбы. Решив развеяться, налил в чайник воду, но тут колокольчик позвал меня к калитке.

– Тёш-шу того... – забормотал пришедший типус пьяным басом.

– Чего? – не понял я.

– Кх-х-х! – пояснил он, вытаращив глаза. Я испугался:

– Убить? Нет, уважаемый, я никого не...

– Чем? – спросил пьяница и качнулся вперёд, обдав меня жуткой вонищей.

– Ничем, – отказался я от убийства.

– Нечем удобрить? – огорчился клиент.

– Удобрить что?

– Удобрить тёш-шу.

– Тёшша – это что? – глупо спрашивал я. Отвращение к пьянице мешало нормально соображать. Может, меня перепутали с садоводом?

– Тёш-ша – это мать, – откатнулся назад «уважаемый». – Мать как бишь её? Да. Её мать. Жены значит.

– Тёща, что ли? – додумался я.

– Тёш-ша, – кивнул гость и чуть не клюнул при этом садовую дорожку, потому что в отремонтированный дом пустить такого пришельца я не решился. – Тёш-шу удобрить хочу.

Я утомился. Мне ещё больше захотелось чаю, а этого изверга вытолкать прочь. А дядька вещал:

– Тёш-ша зла. Забрала от меня дочь свою. Нечего с таким жить, сказала. А я чё? Я ничё. Я с горя пью. Тёш-ша зла. Удобрять надо.

Дошло!!!

– Что ли, делать добрее?

– Ну да, – обрадовался клиент. – Мулент хочу. Деньги есть. Во, глянь. – На его ладони возникла достаточная сумма. – Я зарабатываю, слышь. Жена, слышь, как в масле каталась. А я чё? Я пью, да. Но ведь и расслабиться надо. А? – с некоторым сомнением пьяный зять глянул на меня.

Вид денег в руке покинутого мужа обрадовал меня чрезвычайно.

– Эй, – воскликнул я. – Хочешь бросить пить?

– Я? Нет. Почто? А тѣш-шу бы удобрил.

– Жди тут.

А я, знаете ли, пьяниц не терплю. Эти посиневшие, опухшие типы, что толпятся на рынках, омерзительны. Не лучше и важные господа в белых богатых дворцах, которые спяну гоняют жен, детей и слуг. Недавно я сильно поругался с доктором Шу в компании его коллег. Они, видите ли, утверждают, что привычка с утра до ночи хлебать крепкие напитки, это болезнь. С чего взяли? Скорее, больны женщины, что терпят вонючку и мерзость у себя дома. Проливают слѣзы над несчастной своей судьбушкой, и всё нянькаются с потерявшим человеческий облик хамом, вместо того, чтобы бросить его к чёртовой бабушке. Скажите мне, это нормально?

– Миче бывает агрессивен, вы же понимаете, – сокрушённо покачав головой, сообщил дядя Шу коллегам. Тут я заткнулся, поскольку друзья давно объяснили мне, каких обвинений и подозрений следует опасаться его пациентам.

И очень хорошо, что жена ушла от пьяного типа, но я не собирался сейчас его воспитывать. Моя задача – получить плату за амулет.

Я побежал в дом и вскоре вернулся со снадобьем, сделанным в конце осени. Зелье отбивает охоту к спиртному. Лучше всего у тех, кто сам хочет бросить пить. Да, лучше всего у них, а изначально – только у них. Но, раздобыв рецепт и приступив к изготовлению, я подумал, что неплохо бы наделить зелье новыми свойствами. Требуется ещё испытания, но уже ясно, что будучи незаметно или обманным способом подливаемо в пищу пьянице, оно может избавить от пристрастия к горячительным напиткам. Не у каждого, но может. Ещё предстояло выяснить, почему не у каждого, и кому конкретно помогает. Так отчего не всучить его пришельцу? Жене от этого вреда не будет, а тѣщин зять пускай сам как хочет. Придѣт с претензией – я выкручусь как-нибудь.

Приготовление этого снадобья было моей дипломной работой. Профессора качали головами и очень меня одобряли. Я заслужил высший балл, потому что, испробовав варево на преподавателе бытовой магии, совершенно излечил его от пьянства. До этого никому не удавалось.

– Что значит кровь анчу! На твоём изобретении можно разбогатеть, Миче, – говорили мне.

На самом деле, не разбогатеешь. Отец убедил меня воздержаться от рекламы зелья, от всяких лишних о нём разговоров: можно восстановить против себя тех, кто занят производством и продажей вина. Придут с ружьями и факелами поджигать мой дом.

Я сказал клиенту, вернувшись к калитке из кабинета:

– Будем тѣщу удобрять. Станешь пить по ложке утром и вечером – и тѣща тебя полюбит.

– А мулент? – ну хочется человеку.

Я протянул зятю серебряный треугольник на шнурке. Символ перевёрнутого бокала.

– Носи, чтобы тѣща к тебе добрей стала.

Расплатившись честь по чести, гражданин выкачнулся за калитку.

– Уф-ф! – выдохнул я и, взяв на заметку, что надо сделать ещё такого снадобья, отправился на кухню. Заморенный тѣщиным зятем, я жаждал чаю. Я был уверен, что следующего клиента дождусь лишь в конце недели, и поэтому, улыбаясь, сжимал в кулаке пусть не первую плату за мои волшебные дела, но первую в самостоятельной жизни, и был счастлив.

*

На плите тосковал совершенно холодный чайник. Надо же – я не зажѣг под ним огонь. Облизнувшись, схватился за спички – и тут снова звякнул колокольчик.

Это пришёл почтальон Филька, я давно с ним знаком. Почтальоном он был, пока учился в школе, а теперь желал учиться на архитектора, а заодно собирался помогать родителям в лавке строительных материалов. Филька, как и я, вступал в новую жизнь, и хотел соответствующий амулет. Ну и получил его. Тем более, что мои предыдущие амулеты: на успешную учёбу и постоянный заработок ему понравились. А новый понравился его рыжему псу: тот скакал, гавкал и лизал серебряную подвеску, всё то время, пока Филька крутил её в пальцах. Филькин любимец решил, что это игрушка для него и приглашал нас порезвиться.

Я потирал руки, глядя на закипающий чайник, когда явилась соседка, подруга мамы.

– А, Миче, вот ты и начал свою карьеру! – закричала она от калитки. – А дай-ка ты моему болтусу что-нибудь для дальней дороги. Он опять собирается за товаром. Я тебе капинку принесла, небось знаю порядок.

Я не стал бы брать с маминой подруги платы за амулет, но положено дать волшебнику хотя бы капинку, а то талисман потеряет силу.

На самом деле соседка принесла ещё пирожков, печь которые мастерица. Я предвкушал чаепитие с болтовнёй о том, о сём, но тренькнул колокольчик, и женщина, проявив деликатность, убежала через калитку, ведущую из сада в переулок.

Пришла семейная пара, давно желающая завести ребёнка. Я был третьим магом, к которому они обратились. Они даже ездили в Джату! Я не сдержался и воскликнул с возмущением:

– Послушайте! Вы пришли не к тому!

Странные люди, ждущие чуда! Два моих предшественника не устояли перед искушением запудрить им мозги, и по нескольким неделям вытягивали деньги. А я обозлился и потратил меньше часа на лекцию о шарлатанах, объяснил, что чуда не будет, и порекомендовал паре Лечебницу и хорошего доктора. Денег с них, конечно, не взял, не за что. Но муж купил у меня золотое кольцо для жены, и это хорошо: я уже говорил, что выходящие из моих рук украшения настроены на удачу и благополучие.

Только проведив супругов, я вспомнил, что на огне стоит чайник. То-то меня давно беспокоил противный запах! Так и есть. Чайник сгорел, пришлось проветривать кухню и ставить воду в кастрюльке. Фу! Я совсем задохнулся от дыма.

И тут-то на мою голову свалилась эта девчонка!

Дзинь-дзинь.

Я пошёл навстречу.

Глава 2. Дочь авантюристов

Девочка выглядела как обычная девочка лет десяти – одиннадцати. Ровесница моего очень младшего брата. На ней было точь-в-точь такое платье, какое мама хранила на память о своих детских годах. Оно было коротко и мало, и по этой причине натянута на груди, как на барабане, а пояс отрезали, потому что на талии он не сходился. Глаза у девчонки были заплаканными, выражение мордочки – сердитым, а руки и колени – в земле.

– Вот, – сообщила она и шмыгнула носом. – Пришла.

Можно подумать, я не заметил.

– Так давай письмо, – улыбнулся я, наивно принявший девочку за дитя улицы, которому кто-то из моих друзей поручил отнести мне записку. – Давай письмо, я заплачу тебе цагрик, я сегодня богатый.

Она сверкнула глазами:

– Это я вам заплачу. У меня у самой есть цагрик, даже шесть. Этого хватит?

– На что? – сдерживая смех, спросил я. Девчонка, как все девчонки, влюбилась, наверное, и хочет амулетик в форме сердца. Таких у меня целые связки.

Наверное, ей было страшно, потому что, судорожно вздохнув и выпучив глаза, она шепнула:

– Чтобы погадать.

– Но милая, на детей не гадают, нельзя. И ведь твой, хм... избранник, он тоже ребёнок.

Карты и прочее – всё будет врать.

– Какой избранник? При чём тут дети? Мне надо узнать, живы ли мои родители. Мама и папа.

А вот это уже серьёзно.

– Проходи, – пригласил я девочку.

– Сначала скажите, хватит ли шести цагриков, – пожелала она знать.

– Хватит двух, – соврал я, хотя это ведь просто смешно.

В кабинете сердитая и запачканная клиентка мигом перестала хлюпать носом и двумя руками схватила статуэтку кошки с колокольчиком на шее. А надо сказать, что дед привёз её аж с Дрианских островов.

– Тебе кто разрешил? – спросил я.

Вот лично я, например, в одиннадцать лет сказал бы: «Извините», – и поставил на место. Девочка же вздрогнула, статуэтка взлетела, кувыркнулась и брякнулась ей на макушку, где я поймал её и водрузил обратно на подставку.

– Уй-я! – простонала девочка.

– Больно? – испугался я: однозначно будет шишка. – Ну-ка, дай посмотрю. Ещё и царапина!

Ранку я обработал пошептал над нею, чтобы скорее затянулась, и спросил у клиентки:

– Ты откуда такая дёрганная?

– Вы бы тоже задёргались, если бы по мокрому тоннелю прямо из моря поднялись в пещеру, а потом – в другую, а там всякие кости, и летучие мыши, и рисунки такие страшные, с глазами. Там всё что-то шуршало и пищало – ужас! Надо было больше еды с собой брать. И холодно очень. Пришлось всё время ходить в одеяле.

Я рассмеялся. Что за ерунда!

– Ты рассказываешь мне сказку, да? С чего бы это тебя понесло в жилища моих древних и жутко диких предков? Туда взрослые-то не ходят – боятся.

– Мне надо было, – вздохнула обладательница шести цагриков. – Мы на экскурсию поехали, все наши дети. Туда, в долину. А я заранее всем запаслась, ну и улизнала по пути, на привале. Знаю, где вход. Там, по обе стороны, такие же кошки сидят.

– Да, только высеченные в скале, здоровенные такие, – подхватил я. – Зачем ты туда пошла? Говорят, в пещерных городах водятся привидения. Тебя нашли? – Я сам поразился глупости вопроса.

Девочка пожала плечами.

– Нет там привидений. Летучие мыши есть. Зверьки какие-то есть. А привидений не видела.

Она подошла к зеркалу и задумчиво уставилась на свою, взлохмаченную мною, причёску.

– Нашли, – горько сказала дурочка. – Только я на след напала, как все налетели, как завопили: «Ай-ай, как можно, да мы тебя три дня уже ищем!». Ну и наказали.

Одной рукой девочка попыталась поправить пшеничные волосы, другой – машинально погладила то место, к которому применяются средства убеждения и воспитания.

– Думаете, почему я в таком платье? До сих пор в саду работаю по часу в сутки, а за ворота гулять не пускают, – трагически поведала она. – Вот, сделала подкоп и выползла.

– Зачем?

– Погадать.

– Скажи, ты в какой школе учишься? Где живёшь? – на всякий случай я решил убедиться, что это не заведения для несчастных душевнобольных.

– В школе номер восемь учусь. Живу в приюте. Называется «Прибежище».

– Ясно. Знаю о нём. И сам в той же школе учился.

Я облегчённо вздохнул. Просто девочка. Любительница приключений.

– Зачем ты ходила в жилища анчу? – потребовал я ответа.

– Как зачем? Искала маму и папу. Сначала их туда понесло, а потом уж меня. Их искать.

– Так-так-так, – до меня начало доходить. Только ненормальные способны лазить по этим норам, по этим мрачным дырам. За что некоторые, как говорят, и поплатились. – И кто же у нас мама и папа? Путешественники – авантюристы по фамилии Паг?

– Ну да. Я – Лала Паг. Я что, не сказала?

Вот так случай!

Никогда бы не подумал, что мне выпадет честь гадать на этих странных, и, как говорят, не вполне благонадёжных людей.

– Девочка, – проговорил я, – известно, что в год, когда твои мама и папа пропали, твой дедушка обращался к моему дедушке. А тот был предсказатель поопытнее меня. Пагов разыскивала полиция и две экспедиции. Вторая отважилась сунуться в пещеры и не вернулась. Потом искали эту экспедицию, но не нашли. Я ещё удивляюсь, как отыскали тебя. Наверное, не далеко от входа ушла.

– Это верно. Гадали и другие люди, не только твой дедушка, – согласилась Лала. – Но не при мне же. Когда родители пропали, я маленькая была.

– Ладно, – сказал я и добавил: – Посмотрим.

И, торопясь завершить это дело, достал гадательные принадлежности, старые и верные, ещё дедовы. Абы кому на них не гадаю.

– Я читала про гадания. Вы меня не проведёте. Всё говорите, как есть, – зачем-то предупредило меня дитя блудных родителей.

– Гадала бы сама, – буркнул я.

– Хочу, чтоб ты, – фамильярно заявила малявка.

Получилось очень похоже на то гадание, что когда-то совершил мой дед, который меня учил. Я доказал глупышке, что мне незачем её обманывать. Это было легко: девочка немного знала сочетания карт.

– Они живы – уже хорошо, – вздохнула Лала. – Так говорили и раньше. Их нет поблизости от меня, но они есть в недостижимом месте. Где? У них где-то бурная жизнь. Любовь друг к другу. Путь к власти в этом недостижимом, хитрости, уловки. Как это может быть, ведь они мои мама и папа? Поиск. Чего они ищут? Лучше б меня нашли. Я не сказала? Они меня любили. Мне так кажется... Другие дети. Или ребёнок. Представляешь? Дети! Другие! Не я. Сомнительные дела, нечестные деньги... Миче, это всё не про них. Они ведь мои. Они хорошие, правда. Разоблачение... Разочарование... Я очень разочарована, очень. Что это за карта, а?

Эта карта в таком сочетании указывала на то, что нечестные деньги, возможно, добыты путём преступления. А если учитывать, что сверху в раскладе карта «бес», то можно прямо говорить о неоправданной жестокости. Да ещё, заметьте, к младшему члену семьи: слева картинка «щенок». Но не рассказывать же об этом разочарованному ребёнку.

– Ну, – протянул я, – думаю, «Прибежище» не такой уж плохой приют, если тебя искали, а такие платья у вас только для садовых работ.

– Нормальный, – отмахнулась Лала. – Очень хороший. Только я ведь там в каникулы не живу. Вот беда – меня забирают Корки. Ну, их все знают. Они наши дальние-дальние-дальние родственники.

Я присвистнул. Большуший дом Корков на Вершинке знают все.

– Те самые Корки, что вечно грызутся с нашими государями из-за престола?

Девочка захихикала.

– Да, считают, что триста лет назад их родственники Охти заняли это большое кресло незаконно. «Корк должен был стать королём, но эта глупая чернь предпочла Охти...»

Лала очень похоже изобразила своего напыщенного дядюшку, и мы с ней расхохотались.

– Ой, не могу, – смеялся я. – Так Паги ведь в родстве и с государем. Отчего он не забирает тебя на лето? Отчего ты не живёшь во дворце?

– Ты что? – растопырила она глаза и пальцы. – Мы и с Корками совсем почти не родственники. Очень дальнее родство. А ты говоришь, государь. Ха! Там родство прямо такое же.

– Корки могли бы забрать тебя к себе насовсем. Всё-таки семья. Не говори только, что им не хватает цагриков на твоё содержание.

– Наверное, хватает, – хмыкнула Лала. – Я не знаю. Только если бы я жила у них и зимой, я бы чокнулась. Я бы скончалась безвременно. Я тебе точно скажу: «Прибежище» гораздо лучше. Я бы хотела там на лето оставаться.

«Так давай, погости у меня! У меня есть очень младший брат, и ты будешь с ним играть!» – чуть было не вырвалось у меня. Мне понравилась Лала, хоть она и была родственницей очень плохих людей.

Но я уже был не мальчишкой, а взрослым осторожным человеком. Я сдержался, потому что вспомнил, что связываться с Корками – призывать беду на свою голову, а заботиться следует в первую очередь о себе. И, знаете ли, раз королевские враги считают нормальным на зиму сдавать девочку в приют, пусть и очень неплохой, а летом терпят её у себя, значит, всё не так просто. Значит, тут умысел и замысел, и соперникам Охти что-то нужно от дочери Пагов. Хорошо, если они всего лишь, как некоторые опекуны, нацелились на её деньги...

Подумав так, я, взрослый человек, сдержался и осторожно произнёс совсем другое. Да-да, **АБСОЛЮТНО ДРУГОЕ**:

– Хочешь, я поговорю с директрисой «Прибежища» – пусть тебя отпустят на лето погостить в моей семье? Может, твой дядюшка рад будет тебя не видеть? О! Я знаю госпожу Лилию Лио и её дочерей всю жизнь, и особенно дружу с Кэти. Всем ясно, что у нас тебе будет веселее.

Лала оказалась умнее меня. Она вздёрнула нос и приняла вид до смешного высокомерный:

– Ну ты и даёшь! Кто ж меня отпустит к тебе? Ты мне кто? Госпожа Лио считает, что я, со своим характером, обязательно должна общаться с роднёй. Это она так говорит, а на самом деле дядю с тётей боится. Знаешь, что с ней сделают Корки? Ой-ой! Да они озвереют, если узнают, что я гощу у анчу – они вас терпеть не могут и просто поубивать готовы. Анчу ведь дикари и выглядят не как люди. Ты не в курсе, кто устроил большую резню среди вас где-то примерно сколько-то лет назад?

Любому другому я дал бы в ухо, но не девчонке же. Поймав мой зверский взгляд, она залепетала:

– Ой, прости, прости.

– Да ладно, – простил я. – Ну, приходи поиграть, вроде, почти соседи.

Лала выложила на стол два цагрика, как договаривались. Я пытался не взять, но козявка задушила меня аргументами – и просто всучила мне эти деньги. Интересно, почему дочь богатого рода Пагов совсем не имеет карманных денег?

– Я пойду, – сообщила девчонка. – А то опять искать будут. Да ещё ведь до вечера надо собраться, дядя пришлёт за мной слугу.

Она снова захлюпала носом. Стояла, опустив голову, и не торопилась уходить.

– Что, плохо тебе у дяди? – полюбопытствовал я.

– Бывает хуже. Вот, например, Мадина... Однажды её схватили за волосы и треснули лбом о дверь. Потому что она заступилась за старшего брата. Никому не говори. Я плакала и кусалась. Зуб выпал. Хорошо хоть молочный. Ну да ладно, лето же быстро кончается.

И, не дорассказав трагической истории своей родственницы, Лала махнула рукой и побежала по дорожке к выходу со двора. Я смотрел ей вслед и думал про темноглазую Мадину, которой ещё хуже, в том ключе, что не нужна ли той срочная помощь, погадать, например. Кто такая эта Мадина? Дочь главы рода, Кырла Корка, его средний ребёнок.

Потом я повернулся к зеркалу и с минуту внимательно себя разглядывал. Почему я выгляжу не как человек? У меня всё, как у людей: голова, руки, ноги – всё на своих местах. Я не ленив, образован и, смею думать, неплохо воспитан. Дружу со спортом, у меня хороший голос, я играю на музыкальных инструментах и знаю магию. У меня в руках ремесло (и даже не одно), с которым я никогда не буду голодать. У меня полно приятелей там и тут, мне чаще весело, чем грустно. Я не имею привычки дуться и, смакуя, копить обиды. Да, я вспыльчив, но схватить женщину за волосы и треснуть о дверь... Для этого надо быть такой злобной, гнусной мерзостью, как... Будем говорить откровенно – как отец этой самой Мадины. Я слышал, конечно, что родители в этом семействе далеко не добры к трём своим детям, но не подозревал, до какой степени. Вы понимаете – и старшее, и младшее поколение скрывает это, проболталась только Лала Паг. То ли от простодушия, то ли, наоборот из вредности или хитрости.

Какого же чёрта, скажите мне, Кохи, старший из Коркиных детей, вечно цепляется ко мне, и довёл уже до того, что попадись он мне сейчас, я немедленно настучу ему по глупой башке? Он, значит, не считает меня человеком, а сам позволяет трескать сестру и себя о дверь! Замечательная семейка.

Меня затрясло от негодования, сжались кулаки. Думаете, я не знаю, что думают об анчу подобные Коркам люди? Знаю, и сталкиваюсь с этим постоянно, и даже сержусь не каждый раз – какой смысл? Я и сейчас плевать хотел на Коркино мнение. Просто представил, как Кохи, рослого, сильного парня, эту мою вечную вражину, шарахает о дверь его папочка, а потом тот встаёт, отряхивается, потирает шишку и идёт себе в парк подражаться со мной. Как это понимать?

Но очень быстро я бросил размышлять над этой проблемой. Я, конечно, отличаюсь от прочих людей, так, как отличается от своих собратьев, скажем, снежно – белый воробей. Только не надо думать, что у меня красные глаза. Глазам анчу положено быть обыкновенными, в основном, очень светлыми. У нас с мамой они серые, а у папы и Рики – светло-голубые. Мама может накрасить ресницы чёрной тушью. От этого лица анчу, конечно, делаются выразительней, но я же не стану пользоваться женскими уловками. Тем не менее, я совсем не плохого мнения о своей внешности. Скорее даже наоборот. А Кохи может и дальше клацать зубами, пожалуйста.

Тут я вспомнил, что у меня на огне кастрюлька с водой, и помчался на кухню. Меж тем колокольчик у меня за спиной тренькнул, дзинькнул, и снова, и опять. Что такое? Я мигом влил в совсем выкипевшую кастрюльку воду и побежал к калитке.

Глава 3. Друг Чудила

Там топталась небольшая толпа. Надо же – очередь! Ко мне! Народ хотел консультаций и амулетов. Дело небывалое: никто не может пользоваться такой популярностью в первый же день. Я ведь не лоточник на рынке. Пусть объявление дал заблаговременно, но всё же...

Удивляясь про себя, я быстро отпустил двух безответно влюблённых парней, одну безоглядно влюблённую даму под вуалью, молодого вельможу, одетого для маскировки по-простецки, и отметил про себя, что клиенты у меня всё больше знатные и не бедные. Вельможа, подумал я, вообще вёл себя странно: будто не погадать зашёл, а просто поболтать о том, о сём. Мои предсказания не произвели на него никакого впечатления, зато мы обсудили много инте-

ресных вещей: новую театральную постановку, новую поэму новомодного поэта, нового коня самого вельможи, которого я в глаза не видел, мой новый костюм и новый сорт выющейся розы. Очень приятное, хорошее новое знакомство. Додумывая эту мысль, я снова долил воду в уставшую кипятиться кастрюльку и поскакал в кабинет, где оставил на минутку мать большого семейства, как раз желавшую знать, не ждёт ли её в будущем достаток.

Вы спросите, что может насоветовать молодой человек, только-только окончивший университет? Нельзя злоупотреблять советами, но известно, что иногда пара слов может изменить чью-то судьбу. Я специально обучался этому искусству. И в школе, и в университете отмечали, что в порыве вдохновения я говорю уверенно и убедительно, а бояться и сомневаться у меня сейчас совершенно не было времени.

В сумерках я понял, что молодец. В очередной раз сбегав на кухню и сняв, наконец, с огня несчастную кастрюлю, я вернулся к последнему клиенту, худому молодому мужчине в широкополой шляпе, скрывающей лицо. Представляете, он попросил меня продать ему волшебную контрабанду! У меня! Разве я могу быть пособником воров?

– Гадость какая! – возмутился я. – Ступай себе, почтенный, говорю тебе, нет у меня подводных плавающих огней и взрывчатых шариков нет. Я делаю амулеты, а не магическое оружие.

Но приставучий парень нудел и нудел, старательно отворачиваясь от света. Я готов был поклясться, что тонкие усы и маленькая бородка на его лице не настоящие. Странно хрупкие пальцы, выглядывающие из длинных рукавов рубахи, нервно подрагивали. На двух из них были заметны не тронутые загаром участки кожи – следы от колец. Я даже моргнул: не от женских ли?

– Так ведь это приносит доход. Ты б занялся. Добудь мне хотя бы огни. Я заплачу. Даже больше того. Я говорю с тобой от имени цеха... ты понимаешь, какого. Тебе нужно покровительство.

Тут я малость струхнул. Молодого неопытного мага решил прибрать к рукам цех воров. И как быть? Где искать защиты, если начнут угрожать моей семье? То есть, я могу что угодно сделать сейчас с этим парнем при помощи магии. Могу, например, обездвижить и сдать полиции. За себя я сумею постоять, но как же моя семья? Это моё слабое место, я всюду вижу опасность для неё, об этом все знают. Да, испугался, но постарался взять себя в руки.

Пожалуй, я сейчас вот что сделаю: наложу на грабителя заклятие недельной трясушки, и пусть он больно прикусывает язык каждый раз, как попытается заговорить. Например, со своим главарём обо мне. Вытолкаю его вон. Пусть примут к сведению моё предупреждение, пусть боятся связываться со мной! Авось отстанут, а я пока разужнаю...

В области двери раздался шорох. Я вздрогнул, аж подскочил. Вор напрягся на стуле и потянулся к поясу.

– Покровительство у него уже есть, – тихо сказал из тёмного коридора ступок тени. Шаг – и он оказался на свету.

Как всегда, весь из себя такой красивый и подтянутый, уверенный и весёлый. Умеющий при необходимости так усмехнуться в лицо недругу, что тот и в штанишки наделать может.

– И такое покровительство, что тебе не дотянуться. Топай отсюда, пока я не принял меры.

Говоря это, мой задушевный друг Чудила отступил от двери и широким жестом показал вору, где выход. При виде моего приятеля, тот убрал руку с рукояти кинжала и почему-то расплылся в улыбке. Это странно. Миг мне казалось, что нежеланный гость заговорит с Чудилкой, как со знакомым, но этого не случилось, он юркнул мимо полевой мышкой, прошуршал по дорожке и звякнул колокольчиком.

– Вы знакомы? – удивлённо спросил я.

Но дружок мой тоже выглядел озадаченным.

– Ты знаешь, Миче, я со многими знаком. Даже с не совсем правильными людьми знаком. Но этого в первый раз вижу. Наверное, он просто что-то слышал обо мне.

Скорей всего, так и есть, кто ж не слышал о Чудиле?!

– И запирай на ночь двери, – сказал он мне.

Для своего прозвища Чудик очень рационален. Он складывает в уме большие числа, знает, куда лучше вложить средства, и, если рискует, то всегда разумно, составив план и просчитав все варианты. Думаете, из-за этого отличия от нас, бесшабашных студентов, он заслужил своё прозвище? Нет. Чудила просто чудит. Вы поймёте, сейчас рассказывать не буду. Он сын богатого и влиятельного человека, приехал из другого города для учёбы в университете, а потом решил остаться в столице. Студентом, он работал в конторе, где был на хорошем счету, ходил в любимчиках у хозяина и неплохо зарабатывал. Что интересно, загадочный хозяин прощал ему все безумства. Что за контора, хотите вы знать? До некоторого времени у меня не было сомнений в том, что она занимается охраной природы – я потом объясню, почему, и всё расскажу подробней. Замечу только, что я лично принимал участие в проверках нескольких фабрик. Проверки были организованы самим Чудилкой, борцом за чистоту окружающей среды – так откуда возьмутся сомнения? Мы дружим с детства, потому что мальчиком он с родителями приезжал на выходные и на каникулы в Някку. У родителей в столице были дела и родственники.

– Ну, – спросил Чудила, усевшись напротив меня, – помогла тебе наша реклама?

– Реклама?

– Да. Уж как мы с Мальком расхваливали тебя направо и налево!

Малёк – это Лёка, сын супругов Мале, тех самых, торгующих красными платьями. У меня два лучших друга: Чудилка и Лёка.

– Зачем вы расхваливали меня? – озадачился я. – Ко мне и так всегда... ну, время от времени, люди погадать приходили.

– Помочь хотели, – радовался Чудилка. – И ведь помогли, правда? Слушай, предскажу тебе будущее: с нашей помощью ты очень быстро разбогатеешь. И женишься.

– Нет, не буду жениться.

Я смеялся. Кстати такая деталь: на ремонт дома я попросил займы у него, а не у родителей. Чудилка очень привязан к моим маме и папе, но он ни капельки не удивился, услышав мою просьбу. Потому что, знаете ли... Не очень родители одобряют моё увлечение магией и гаданиями, считают это низким занятием, не делающим чести фамилии Аги. Сейчас так многие считают. В нашей стране вообще не поощряются занятия, связанные с колдовством. Чудо просто, что в тот год, когда мне пришла пора становиться студентом, в университете вдруг открыли факультет магии и объявили набор тех, кто имеет способности. Нас оказалось шесть человек. На следующий год приняли пятерых. И было заявлено, что на этом всё. Будущей весной, выпустив студентов, факультет перестанет существовать.

В пору, когда мои сокурсники тихо-тихо возмущались этим решением, я этого не понимал: ведь сама светлая Эя или, иначе, Винэя, чьим именем названа наша планета, наделяет человека магическими способностями. Отказаться от её даров – значит призвать в свою жизнь несчастья. Папа и мама не препятствовали моей учёбе, хоть и ворчали немного. Но теперь, нарезвившись, я должен был вплотную заняться семейным бизнесом.

А кто сказал, что я не занимаюсь? Разве я плохой помощник? Я давно постиг тонкости ювелирного мастерства, торговли за прилавком и заключения сделок. Я всего лишь превращаю свои изделия в амулеты и талисманы. Мне кажется, это не повод для того, чтобы осуждать меня и обсуждать, как сдать дом деда и бабушки посторонним людям. Понимаете, этот дом дорог мне. Я в нём родился. Я любил родителей мамы. Здесь полно милых моему сердцу вещей. Я подсуетился, и переехал сюда, поступив самовольно, и было мне довольно тяжело на душе, но будущее казалось увлекательным.

– О! – сказал я Чудилке. – Спасибо за то, что расхваливали. А я думаю, что это приходят соседи да богатенькие гаврики? Причём маскируются под соседей.

Чудила был доволен как щенок, которого чешут за ухом:

– И как она на вкус, эта самостоятельная жизнь? Два дня в трёх кварталах от родительского дома – не слишком ли тяжёлое испытание для махателя волшебной палочкой?

– Не пользуюсь волшебной палочкой, – надулся я. – Ни палочкой, ни...

– Палочкой, тряпочкой – всё равно. У тебя есть, что съесть?

Я повёл приятеля на кухню, по пути рассказывая о злоключениях вечно кипящей кастрюльки. Вода в ней, конечно, остыла, и пришлось снова ставить посудину на огонь. Попутно я обнаружил, что еды нет абсолютно никакой. Выпечку, принесённую соседкой, я неосмотрительно оставил на столе, и теперь её меланхолично дожёвывал Чудилкин конь. Он так всегда поступал: просовывал морду в окно и съедал то, что считал съедобным.

– Н-да, – сказал я, прижав к себе последнюю булочку. – Хотел сбегать в лавку. Не вышло. Будем пить чай. И убери отсюда своё чудовище.

– Он не чудовище, а Сокровище, – оскорбился хозяин прожорливого коня.

– Сколько раз говорить: оставляй его за воротами...

– Нельзя обижать животных.

– Отводи его в конюшню, а не бросай, где попало. В прошлый раз он объел мне крыжовник!

– Это не он. Это гусеницы. Лошади не едят колючки.

– Этот ест. Вместе с гусеницами. Зато я теперь буду голодным.

– Так ты и не обедал? – пожалел меня товарищ. – Что бы ты делал без меня?

– Ты принёс мне поесть?

– И попить.

С этими словами Чудила выставил на стол бутылку вина. Оказывается, раньше, чем меня, он посетил кухню и спрятал в углу корзину с разными вкусными вещами.

– Отметим твой первый рабочий день. Кстати, как тебе девочка?

Я задумался.

– Девочка? Которая?

– Ты, друг мой, ошалел сегодня от обилия молоденьких клиенток? – со смехом спросил Чудила.

– Есть немного.

– Я о девочке, о Лале Паг.

– А! Ну да! – вспомнил я. – Так это ты её сюда прислал? Посоветовал потратить последние два цагрика на бессмысленное гадание? Паги пропали без вести.

Чудила сделал вид, что огорчён.

– Во-первых, не бессмысленное. Время от времени надо же посматривать, не будет ли уже какой-нибудь вести? Во-вторых, я не советовал. Лала на меня обижена. Не послушала бы меня. Я просто прилепил объявление на столб ограды в том месте, где она рыла подкоп. В-третьих, хотел, чтобы вы познакомились. В-четвёртых, не ожидал, что ты сдерёшь с ребёнка деньги.

– Да откуда ты её знаешь?

– Подружился года три назад. Как раз перед тем, как её мамочка с папочкой ринулись в очередную авантюру и пропали.

Я глотнул замечательного Чудилкиного вина (где он такое достаёт?) и шутливо погрозил ему пальцем:

– Чувствую, ты имеешь в этом деле свой интерес. Может, тебя привлекают выдуманные сокровища Пагов? Но, думаю, девочка не знает ни о чём таком, иначе Корки давно бы уже прибрали их к рукам. Набрали бы банду головорезов и устроили переворот. Кстати, ты не из Корков?

Это наша шутка такая, с детства ещё. Друг друга поддразниваем.

Чудила захихикал и замахал обеими руками.

– Лучше утопиться, чем быть сыном Корков. А ты забыл, как меня зовут?

Чудилу зовут Петрик. Петрик Тихо. Выслушав мои шуточные заверения, что я с ним знаком, он вдруг наклонился над столом и поманил меня пальцем. Я наклонился тоже.

– Страшная тайна, Анчутка, – зашептал он мне в ухо. – Я знаю, что это за сокровища. Только я и мои родители, а теперь и ты. Это не деньги и не камни, это записи об их открытиях. Возможность попасть в другой мир. Земля, Эзокка, Иллен...

Зная Чудилу и помня гадание, я сначала ему безоговорочно поверил, а потом сразу взял быка за рога:

– Я не хочу в эти миры!

Мой товарищ сделал удивлённые глаза и выдал:

– Но это ведь так интересно!

– Это не интересно, – остудил я его пыл. – Стоит открыть Проходы – и нашему миру конец. Стоит сунуть тебе на Землю свой любопытный нос, как инопланетяне явятся сюда со страшным оружием, со своими порядками и торговлей ужасными, неправильными продуктами. Мы же читали с тобой: земляне очень агрессивны и не терпят чужого мнения и образа жизни. На Эзокке, как ты знаешь, когда-то водились воинственные волшебники в огромных количествах, изобретатели Великой Запретной магии. Они сами себя погубили, но как знать, может, не все. Да ну их. Мы против таких младенцы. На Иллене, говорят, вообще, всем управляют не люди, а лисы, на...

– Стоп-стоп. На Землю мы соваться не будем.

– Никуда не будем, ясно? Открытие Проходов грозит бедой. Никто не вправе...

– Так мы бы побывали где-нибудь и вернулись. Просто посмотрели бы. Нашли бы Лале её родителей.

– Думаешь, Проход есть в той пещере, куда ты загнал бедную девочку? Да, я понимаю, это сделал ты.

– Так ведь я же её и нашёл. Я следил за ней.

– Понятно, кто там шуршал и распугал всех привидений.

– Она знает, Миче, я убедился. Нет, не так. Не знает, а может найти это место. Что-то слышала, что-то читала.

– Так ведь записей нет.

– Значит есть. Только все думают, что Паги спрятали сундуки с золотом. А это тетради. Подумай, вдруг родители Лалы не могут вернуться с той стороны. Жалко их.

– Мы тоже не вернёмся. Пропали люди из экспедиции.

– Тем более. Мы их вернём.

– Отстань.

– Ты жесток.

– А ты – интриган. Пусть Паги остаются там, где они сейчас находятся. Дедушка не хотел иметь с ними дел, говорил, что ходят про них слухи недобрые.

– Мне просто интересно.

– Умерь любопытство. К тому же, есть Корки. Они спят и видят навредить нашему добродушному государю. Они выследят девочку и приведут сюда несчастья. Приведут неблагонадёжных Пагов, где-то в каком-то Недосягаемом добившихся власти. Нет. Лала должна жить спокойно. Не внушай ей надежду.

Вы сейчас отчасти поймёте, почему Петрика зовут Чудилой.

Я думал, он прицепится, и будет развивать эту тему, и настаивать на своём, и говорить, как здорово побывать в других мирах, но он улыбнулся, кивнул, и поднял бокал.

– Ты прав, впрочем, как всегда, прекратим глупую болтовню, – сказал он, высовывая в окно руку с солёной корочкой: даже и не подумал отвести Сокровище в конюшню. – Ты должен знать, Миче, что девочка недавно сама пришла ко мне и просила содействия. Ей, видишь ли, тошно летом у дяди жить, лучше уж искать маму и папу на просторах Вселенной. Я ей ответил твоими словами. Ещё указывал на то, что в подземной стране можно покалечиться. Или даже шею свернуть. Только чувствовал, что она всё равно полезет в твои родовые норы, хоть я ей и запретил. Думал: как предотвратить? Когда Лала пришла, был вечер, я собирался в поездку, она меня случайно застала. Два дня меня потом не было в городе, ты знаешь, дела нельзя было отложить.

– Два? Ты отсутствовал дольше. Ты не явился на экзамен, и тебе пришлось его сдавать вместе с двоечниками прямо перед вручением диплома. Твоё начальство дало тебе бумагу о том, что обязанности задержали тебя там, куда ты ездил.

– Рассказываю. На второй день вернулся почти ночью. Утром на третий вышел из дома, чтобы ехать в «Прибежище», предупредить госпожу Лили. И тут по улице катит Кэти, её дочь. Остановила лошадь, и мы поболтали немного. Я говорю, надо следить за Лалой, потому что ей хочется полазить по пещерам, а Кэти так и ахнула. Оказывается, директриса как раз увезла подопечных на экскурсию в долину. Я оседлал Сокровище, наплевал на экзамен, и поскакал следом. Что я за болван, Анчутка?! Почему не написал директрисе письмо с дороги? Не отправил телеграмму? Почему не подумал, что раз ребёнок пришёл ко мне с такими идеями, значит, вот-вот что-то намечается, поездка в долину, например. Но знаешь, если бы не было экскурсии, Лала нашла бы другой способ добраться до пещер. Поразительной смелости девочка. И авантюристка, как все Паги. И чуть не случилась беда! Представь, не успею я вовремя, Лала свалилась бы в подземную реку. Я ухватил её на самом краю.

– Не терзай себя, – посоветовал я. – Ты вернулся раньше, чем дошло бы твоё письмо. Да и телеграмма вряд ли застала бы начальство в «Прибежище». Был большой переполох?

– Да! Когда я явился ко входу, внутри было столпотворение. Напомни-ка мне: впервые за сколько веков? Все искали одну Лалу. Ты бы слышал, как она ругалась, когда я оттащил её от обрыва! Лягнула меня! Пещеры – они ведь опасны, Анчутка. Мне они не понравились. Там рисунки такие... с глазами.

Чудила показал руками, какие именно глаза у рисунков. Выходило, что очень большие.

– Зачем же ты приклеил на ограду объявление? – спросил я.

– Ну... Чтобы Лала познакомилась с тобой. Нет, чтобы ты познакомился с ней и при случае сказал то же самое. Чтобы дошло до неё! Детей надо воспитывать.

– Всё равно ты интриган, – пробурчал я. – И ведь не сказал мне, что пропал не по работе, а в пещерах.

– Хотел сначала познакомить тебя с Лалой, – виновато забормотал Чудилка. – Хотел, чтобы ты не лекцию ей прочитал по моей просьбе, а естественно отругал. От души. Даже шесть цагриков специально потерял у ограды, чтобы уж точно Лала к тебе помчалась. И, кстати, разве у нас с тобой было время поболтать в эти дни? Лёке я рассказал.

Вы видите, каков этот Петрик? Его волнуют воспитание и безопасность девочки, а вовсе не сокровища и не тайны Вселенной. Это мне очень нравится в нём.

Я не стал ему объяснять, что до разговора о путешествиях по мирам у нас с Лалой дело не дошло. Однако, решил про себя, что обязательно отругаю её при встрече, раз уж мы теперь знакомы.

Подкрепившись, Чудила предложил пойти в парк и почудить там.

– Идём, – обрадовался я. – Зайдём за Мальком. Кстати, почему он сам за нами не зашёл?

– Понятия не имею.

*

Чудилка всё-таки завёл Сокровище в конюшню, и, болтая ни о чём, мы побрели к дому Мале, что ниже по улице. В освещённой витрине по-прежнему красовалось красное платье и разные женские штучки. Сумочки, ремешки и шляпки. Справа от входа светилась вывеска: «Парикмахерская господина Мале. Добро пожаловать». Это я, поколдовав немного, сделал так, чтобы вывеска светилась.

Сам Иванко Мале и его жена мирно ужинали.

– О, мальчики, – хлопнула в ладоши мама Малька. – Вы голодные?

– Нет, – хором сообщили мы и спросили: – А где Лёка?

– Да вы садитесь, – наплевав на наше «нет» прогудел высоченный хозяин дома. – Лёка отправился с девушкой в парк.

– С девушкой? – удивились мы.

– Ах, такая девушка странная, – засмеялась тётушка Мале и заговорщицки мне подмигнула. – Сказала, её прислал ты, Миче, за тем платьем, что в витрине. И коробочку мне передала. Симпатичная девушка, но затюканная. Я даже думала, у неё местами паралич. Например, в руках, в ногах и во рту.

– Да, – поддакнул дядюшка Мале.

– А потом ничего, – говорила его жена. – И платье ей подошло, и юбка с блузкой, и жакет в мелкую клеточку, и ещё кое-что. Всё купила, как увидела себя в зеркале.

– Да, – вставил супруг.

– И подстриглась? – спросил я, узнав в странной девушке Аню.

– Да, – сказал господин Мале. – Стала гораздо, гораздо красивей. Если б вы знали, мальчики, как женщину меняет причёска! Порой мы с вами смотрим и не поймём в чём тут дело, отчего девушка так хороша, а ведь это красиво уложенные волосы...

И так далее, и так далее. Супруга парикмахера скучала, слушая это в миллионный раз, а мы успели съесть по пирожку. Наконец тётя Марина смогла вставить словечко:

– И знаешь, Миче, она, девушка эта, оказалась дочкой одной финтифлюшки, актрисульки одной, что моему благоверному по молодости глазки строила: парень-то видный, особенно, как форму надевал!

– А то! – кивнул дядя Иванко. – В ту пору родня хотела меня, как водится, навсегда на таможенную службу отдать. Да только ни служба, ни финтифлюшка меня не привлекали. Какие там актрисульки при моей-то Маринке! – и он, согнувшись почти пополам, поцеловал супругу в макушку. Я знаю, у них с ранней юности любовь.

– Так значит, Лёка сегодня не с нами, – подвёл итог Чудила. – Ну-ну. Пошёл он, значит, с девушкой в красненьком платье? Так-так.

– Ну и ладно, и пожалуйста, – добавил я, показывая, что пусть его как хочет, взрослый уже, и может гулять с кем угодно.

– Не обижайтесь, мальчики, – весело сказала тётушка Марина. – Вы ведь тоже гуляете с девушками.

Услышав такие слова, я задумался, с какими это девушками я гуляю, почему во множественном числе? А Петрик покраснел и опустил глаза, словно был в чём-то виноват. Чего ему стыдиться? Для того и молодость, чтобы знакомиться и влюбляться. Правда, мой дружок ещё ни разу никем не увлекался по-настоящему, несмотря на многочисленные знакомства. Среди девчат даже ходили слухи, будто он безнадежно в кого-то влюблён. Это не так. Я бы знал. Чудилка совершенно не похож на человека, страдающего от неразделённой любви. Правда, о Мадине, дочери Корков, он отзывался так, как ни о какой другой девушке. Но это же бред – предположить, что такой хороший человек увлётся родственницей известных негодяев.

– Да мы-то что? Мы ничего, – пятясь к двери, забормотали мы, имея в виду, что не сердимся на Лёку.

Я и Чудила вышли на улицу, пахнущую свежестью, морем и ночными цветами.

– Так значит, ты подослал Мальку девушку? – оскорблённым тоном уточнил приятель.
– Я не с этой целью.

Мы расхохотались. Малёк самый тихий из нас, а смотри-ка, как быстро сориентировался.
– Идём в парк, – сказал я, – а то и там всех разберут.

На самом деле меня волновало, чтобы не разобрали одну, самую лучшую девушку, и по мере того, как мы спускались, я всё ускорял и ускорял шаги. И улыбался в предвкушении встречи. Я не видел её с выпускного вечера, не понимаю, как так могло получиться.

Глава 4. В парке у моря

Посмотрите же, до чего он прекрасен, мой город. Он золотой и зелёный, он белый и голубой. Он террасами сбегает к морю, он карабкается по склонам, он шумит ветвями и площадями. Над его переменчивым морем кружат вольные птицы, провожающие и встречающие корабли. Ночью в парках туман и пар от целебных горячих источников, днём – свет, свет и свет на всём и везде, кроме тенистых уголков, где приятно укрыться влюблённым, где радостно посидеть в прохладе. Широкие ступени, крутые улицы, каменные дома со смешными деревянными пристройками, гомонящий порт, иноземная речь, запах рыбы, хвои, цветников и солёной воды...

А кто-то ведь скажет: чересчур много чужаков, вот-вот разведётся грязь, да того и гляди будут драки. Кому-то хватит ума с топором бросаться на дивную иву, приют желающих целоваться. Кто-то осуждает карусели и неумеренный смех. Кто-то пинает щенка разглагольствуя о всеобщем счастье. А тот вон плюёт на ограду дома, в котором внезапно завёлся доход и молодая хозяйка красивее, чем у плователя. Кто-то скажет: тревожные признаки упадка культуры и традиций, мир катится в бездну... с такими-то жёнами.

Я смеюсь втихаря. Я говорю: глядите на то, что вам приятней. Кто хочет – видит Зло и Тьму, кто хочет – Доброту и Свет. Каждый знает свою красоту в придуманном для себя мире. Каждый находится там, где приятней ему. Мне приятней в смешном доме с пристройками, в саду, где цветёт сирень, где соседи собираются вместе на праздники. Из окна видно море, и я улыбаюсь, вспоминая о вчерашней болтовне ни о чём и о тех, кто улыбался мне. Думаю, это красивый мир. Радуюсь, что живу в нём, вижу его и слышу его звуки.

Это говорю вам я, Миче Аги, один из последних потомков пещерного народа анчу. Моему народу всегда приходилось нелегко, и мне положено бы говорить другое, но, знаете ли, не хочется.

*

В парке играла музыка, и чем ближе к оркестрам, тем громче был смех, чем дальше от них – тем слышнее шорох ног и листья, шуршание моря, лижущего гальку, и лай собак с ближайших улиц. Где-то всё залито светом фонарей и цветных фонариков, где-то темнота и густые тени, и видно множество звёзд и огней на горах и в море. Мы с Чудилкой, само собой, придерживались людных мест.

Я всё крутил головой, вглядываясь в женские лица и прислушиваясь к женским голосам. Не прошло и пятнадцати минут, как нам встретилась стайка наших бывших сокурсниц, и мы примкнули к весёлым, раздурявшимся девушкам. Чудилка усмехнулся, когда я ринулся к ним с заранее протянутой в сторону Наты рукой. От счастливой улыбки у меня даже шевельнулись уши. И так, улыбаясь во всю возможную ширь, я начал было жаловаться на хлопоты с переездом и ремонтом, которые целых два дня не позволяли мне навестить её. А у Наты такие глаза, и так светло она на меня смотрела, что я подумал: а стоит ли сейчас толковать о ремонте? И увлёк её поближе к музыкантам. И мы как раз танцевали с этой замечательной

девушкой, когда я на кого-то наступил, и этот кто-то взвыл и ткнулся носом мне в спину. Как вежливый человек, я сдержал ругательство и обернулся, чтобы извиниться.

– Простите, – пискнул раздавленный чересчур знакомым голосом.

– Ты! Ах ты!.. Где родители? – рявкнул я, поймав за шиворот собственного очень младшего братца. – Понятно, ты опять здесь один, хоть отец запретил...

Вполне справедливо, надо сказать. Это я, маг и взрослый человек, могу за себя постоять. А если на десятилетнего потомка анчу нападёт шайка подвыпивших сторонников Корков?

– Миче, он не один, – обняв меня за плечи, шепнула Ната. Её дыхание приятно пощекотало мне шею, а русые волосы – щёку, от чего мурашки забегали по спине.

Из-за плеча моего сорванца выглядывало глазастое существо с двумя бантиками. Я сразу сбавил тон. Позорить Рики я не буду. В конце концов, я при таком раскладе как-то дожил до своих лет.

– ...запретил тебе соваться сюда без карманных денег. Есть? – закончил я нравоучение.

– Нет, – не растерялся хитрый братец.

– На, – сунул я ему в руку несколько монет. И шепнул: – Будешь держаться на виду – никому ничего не скажу. И угости девочку чем-нибудь вкусным.

– Есть, командир, – весело вякнуло хулиганистое существо и, представьте только, взяв свою девочку за ручку, повёл её к лотку с мороженым.

– Ната, – выдохнул я, – гляди, он уже скоро целоваться начнёт!

Моя спутница нежно засмеялась и мы вернулись в круг.

– Что такого страшного, Миче? Вспомни, во сколько лет мы поцеловались в твоём саду, – проворковала она.

– А! О! – мудро сказал я и тоже засмеялся. Это очень забавные воспоминания о легкомысленном детстве.

Я танцевал с Натой, но краем глаза следил за Рики, который, как обещал, держался поблизости. Он понимает, что я волнуюсь за него. А Ната – она такая девушка, что многие хотели бы с ней потанцевать. Я не против, нет, но, когда кто-нибудь подходил спросить у меня разрешения, я думал, что он, конечно, перебьется.

Через какое-то время мы, все вместе, вся наша компания, стояли у карусели, хрустели сладкими палочками и махали руками моему Рики и его девочке. А сзади них – вот уморато! – сидели Малёк и Аня в красном платье. Колени Малька находились, по-моему, выше ушей, потому что он чрезвычайно высокий парень. Девушка засмушалась, узнав меня, а наш дружок весело улыбался и время от времени тоже помахивал рукой. Девчонки восторженно повизгивали, и за нашими с Чудилой спинами обсуждали незнакомку. Скромная лапочка – таково было их мнение. Да, надо признать, что красный цвет прямо-таки изменил Аню. Прямо-таки в лучшую сторону. Я был уверен, что под кружевом у неё приколоты на счастье обычная швейная булавка – та самая, которая оказалась в её кулаке, когда она поймала блестящую пылинку.

– Интересно, кто из нас раньше женится? – задался вопросом Чудила. – Думаешь, тихоня преподнесёт нам сюрприз?

– Сюрприз нам преподнесёт вон кто, – пробурчал я, указывая на очень младшего братца. Он как раз галантно помог своей девочке сойти с карусели. Вот паршивец, весь в меня!

На выходе поднялась суматоха, и Ане вместе с Мальком удалось улизнуть, хоть девчонки и караулили их, желая рассмотреть Аню и всё про неё разузнать.

– Идёмте, найдём их, – подначивали одни.

– Имейте совесть, дайте людям спокойно погулять, – спорили другие.

А Чудила вдруг больно толкнул меня в бок.

– Глянь, кто там?

А я, видите ли, в то время... Именно так: в то время я плоховато видел, но очки носил не всегда. В тот вечер, например, я их забыл. Плохое зрение – наследство предков, обитавших

в полутьме подземных городов. От них же – белого цвета волосы и не поддающаяся нормальному загару, очень, очень светлая кожа. Оттого такие, как Корки, не любят анчу. Им кажется, что мир хорош только тогда, когда все вокруг смуглолицы. Да и то найдут к чему придраться.

– Где? Кто? – я похлопывал себя по карманам в поисках очков.

– Да вон же, там, за скамейкой.

– Там?

– Да нет, за фонтаном. Вон тот, гляди.

– И кто это?

– Ловкач. Да, наверное, он.

– И что?

– Так с кем он?

– Не знаю. С девушкой? Вроде, кто-то в шляпе.

– Ой, дурной! – это Петрик обо мне.

– Не дурной, а слепой, – поправил я.

– Прости, забыл.

Чудила поволок меня сквозь толпу к скамейке, стоящей в тени куста. Я, натываясь на гуляющих, торопился за ним, потому что хватка у приятеля железная. Наши девушки остались у карусели. Петрик говорил на ходу:

– С Ловкачом вор, что сидел у тебя. Я его хорошо рассмотрел.

Для меня осталось загадкой, как вообще можно рассмотреть что-либо через всю площадь, но теперь и я видел, как ещё один наш приятель глянул в нашу сторону, а некто в шляпе, смутно похожий на знакомого друга контрабандистов, сразу же растворился в темноте.

Широко улыбаясь, Воки Ловкач шагнул к нам.

– О! – налетел на него Чудила и потряс за плечи. – Он ничего тебе не сделал? Ничего не украл? Чего он хотел, этот, в шляпе?

– Этот? – Ловкач озадаченно оглянулся. – Дорогу просто спросил. Ему к Старой площади надо.

Чудила прямо руками всплеснул:

– Он вор! Ха! Не знает, как пройти! Ха! Проверь кошелёк, ты, растяпа!

С этими словами Петрик лично и ловко похлопал Воки по бокам, словно бывалый полицейский.

– Кошелёк пропал, – огорчённо поведал Ловкач и вывернул карманы. – Нет кошелька.

– Ну всё, теперь не поймать, – Петрик совсем расстроился.

– Да ладно, денег там было мало. Сам кошелёк жалче. Дядин подарок. – Ловкач повздыхал, а потом обратился ко мне: – Привет, Миче, как поработал?

– Прекрасно! – сообщил я, обрадовавшись, что ещё кому-то можно рассказать о своём первом настоящем рабочем дне. Подбежали наши девчата, подбежал мой очень младший брат. Без девочки. Она ушла с родителями, а мой мальчишка остался бы один в темноте, если б не я.

– Мне надо домой, – ошастливил он меня сообщением. – Я, конечно, уже мог бы пойти, но если тебе не сказать, ты переволнуешься и умрёшь прямо тут под кустом.

Ну, вообще-то, да. Прямо в точку. Однако, в мои планы не входило покидать Нату, парк, и идти провожать сорванца.

– Зачем тебе домой? – хором удивились мы все. – Гуляй с нами, раз уж ты здесь.

Но нет. Сознательный Рики взвалил на себя важную работу и рвался её доделать. На юбилей школы родители собрались преподнести директору, очень достойной женщине, ценный подарок. Они собрали деньги и решили заказать у папы красивые серьги. Узнав об этом, Рики вызвался лично выполнить заказ. Это была бы его первая серьёзная работа. И первый солидный заработок, между прочим. И наш папа, и родители учеников оказали ему такое большое

доверие. Всё равно до осени было всё лето, и, если бы вдруг что-то пошло не так, папа или я успели бы вмешаться и исправить.

Рики сам себе установил сроки и уже нарисовал эскиз. Задумка ему самому очень понравилась, но он не успел показать рисунок ни мне, ни родителям. В гости к Рики сегодня днём забежал приятель Тиле и мальчишки увлеклись поделками из бумаги. Затем они прибрались в комнате, бросив в кухонную печь ненужные бумажки, тут же, на кухне, стащили несколько котлет и, завернув их в другие листки из Рикиной комнаты, отнесли ужин бродячим собакам. После этого эскиза никто не видел. То ли он уплыл в виде кораблика по ручью – притоку Иканки, то ли сгорел в печи, то ли был облизан и погрызен голодными псами. А утром Рики обещал представить рисунок на папин суд. Папа должен был некоторое время провести в Лечебнице – я же говорил, что он неудачно упал. Рики хотел, чтобы отец оценил его старания до отъезда. На вечер у братца было назначено свидание с девочкой, но теперь необходимо было заняться восстановлением эскиза. Пришлось признать, что это уважительная причина, чтобы покинуть нашу компанию. Я вздохнул. Ничего не поделаешь, придётся провожать растеряху до дома.

– Не надо меня провожать! – возмутился Рики.

– Терпи, дружок, ничего не поделаешь, – с трагическим видом Чудилка похлопал Рики по плечу. – Раскрой глаза и посмотри: это же Миче. Он всё равно тебя проводит.

– А! Ну да! – опомнился мой ребёнок и широко улыбнулся. – Это же Миче!

Раньше надо мной посмеивались за стремление всегда опекать младшего брата, теперь даже никто не хихикнул, все давным-давно привыкли. Рики весело распрощался со всеми, и мы с Натой откололись от компании, чтобы отвести его домой. Наняли извозчика, потому что Рики торопился рисовать эскиз.

– Миче, ты лучше всех! Завтра с утра я у тебя, – сказал он на прощание, крепко обняв меня и расцеловавшись с Натой.

Из окна детской можно спуститься на крышу веранды, а оттуда, по яблоне, на землю. И в обратном порядке. Такое проделывал я, а теперь – Рики, пока родители в гостях, например, а прислуга мирно пьёт чай и думает, что ребёнок спит или читает.

*

– Идём, – позвала Ната, когда ветки яблони окрасились золотым светом из окна детской.

– Куда? Целоваться?

Посмеиваясь, мы двинулись вниз по улице.

Простите, кажется я не сказал... Не объяснил как следует... Ничего, я исправлюсь, расскажу сейчас. Это важно. Мы с Натой просто друзья, и дружим с тех пор, когда ещё не стесняются писать в штанишки. Мы просто друзья – это уяснить совершенно необходимо. Но пройти с красивой девушкой по набережной всегда здорово. Ната очень, очень красива.

Мы брели к морю. И, хотя мы только друзья, близость Наты волновала меня так, что захватывало дух, в общем, как всегда. Даже в детстве я испытывал что-то такое. Но это именно проявление дружеских чувств – не правда ли? Кажется, я не сводил с неё глаз, я с удовольствием глядел бы на неё всю жизнь, и почему-то меня всегда тянет коснуться её, когда она рядом. Не знаю я, как можно идти с Натой и не смотреть на неё. Знаете, как Ната улыбается, какие у неё выразительные глаза и тёплые руки, а ладонки в мозолях от вёсел и снастей и такой маленькой садовой тяпки? И она очень умна, она училась лучше всех, просто как Петрик, поговорить с ней одно удовольствие. С Натой легко, спокойно и весело, и всё в тысячу раз красивей и интереснее, чем без неё, а её русые волосы пахнут махровыми жёлтыми цветами звездчатки. Будь я древним воином, и участвуй в турнире, я участвовал бы с ярко-жёлтыми ленточками на груди и копье, потому что это Натин любимый цвет. Как я колотил мальчишек, если они обижали её! Я знаю, что она любит, во сколько встаёт, где училась играть на читре, что думает по поводу проигрыша команды Някки команде Ануки, что терпеть не может кислые

яблоки, и в театр на трагедию её приглашать бесполезно, а вот на комедию – другое дело, и это мне по душе. И ещё приятно, что они с моим Рики большие друзья. Мне, наверное, всё в ней нравится, и всегда нравилось. А восхищаться своим другом – что может быть естественней и приятней? Я восхищаюсь Натой. Как другом.

В поредевших к ночи толпах гуляющих, мы снова увидели Малька и его Аню, но не стали их окликать, мы же воспитанные люди.

– Как романтично, – говорила Ната, любуясь огнями, и тёмным морем, и пёстрыми нарядами, и красноватым светом маяка, и подсвеченными снизу тёмными кронами парка. – Пойдём к пляжам?

– Давай, – согласился я. – Между прочим, мы с Рики уже купаемся.

– Надо как-нибудь выбраться всем вместе. Может, завтра?

– Может, – согласился я. И тут меня окликнули, чему я был вовсе не рад. Мало того, волна злости, захлестнувшая меня, помешала мне услышать начало фразы и увидеть говорившего.

– ...А если ты, Ната, бросишь его, к тебе может посвататься приличный парень, – говорил Кохи Корк, который на год меня старше и лет на сто дурее.

– Да, даже Кохи может посвататься, – загоготал кто-то из его компании. Пьяноватые парни выдвинулись из темноты. Их противный предводитель продолжал изгаляться:

– А то ведь, пока ты прогуливаешься с этой бледной поганкой, приличные кавалеры на тебя и не взглянут.

– Кохи, – сказал я, – уйди по-хорошему. Или опять будет драка. В прошлый раз ты отделался сломанным пальцем, а в этот раз будет кое-что похуже. И снова твой отец станет платить штраф, потому что начал ты.

– Ребята, он струсил! – заголосил идиот. – Его и пальцем тронуть не собираются, а он уже угрожает. Да мой отец...

– Вот и славно. Идём, Ната, – обратился я к своей спутнице.

На самом деле, меня так и подмывало много чего высказать Кохи. Унизить его так, как он всегда пытался унизить меня. Например, спросить, хорошо ли он нынче схлопотал от папочки. Я был уверен, что здорово – неспроста ведь он так напился. Неспроста прицепился ко мне, едва увидев. Но нет. Почему-то мне очень неприятна была картина, нарисованная воображением: Кохи, с покорным видом потирающий шишку, и старый злыдень – его отец с перекошенным от ярости лицом. Язык словно одеревенел. Словно никогда в жизни я остроумно не отвечал на выпады Кохи, словно никогда не видел его, потирающим шишку, поставленную лично мной.

Компания Кохи перегородила нам путь.

– Думаешь, раз ты маг, тебе всё можно? Гулять с нашими девушками, ходить по нашим улицам... Ты – вонючий белёсый анчу, а их место – в каменных дырах. Тех, кто вылез оттуда, мы загоним обратно или вырежем под корень.

Дружки Кохи подвскивали из тени, но он что-то разошёлся пуще всех. Упился вина по самые уши. Обычно Коркин сын гораздо изобретательнее в оскорблениях, его намёки тонки и язвительны, слова остры, как нож, и даже выражение лица может быть таким, что вам покажется, будто на вас плюнули. Но сейчас он брехал, словно глупая шавка, и фразы его были фразами его отца, человека тупеющего в приступе злобы. Язык у Кохи совсем заплетался. Даже не интересно.

Сказать по правде, с тех пор, как мы повзрослели, такие стычки между мной и Кохи происходили не так, чтобы часто, но регулярно. В университете и общественных местах старший сын Корков демонстрировал презрение ко мне, проходил мимо, вздёрнув нос и поджав губы, но, чувствовал я, в душе его всё клокотало при виде меня. Время от времени его прорывало, он цеплялся ко мне и порывался драться. Я – анчу, а наследничек Корков из породы анчуненавистников. Не знаю, зачем он снова и снова распускал руки: я искуснее в драке, и парню

здорово доставалось от меня. Наверное, это семейная традиция, которой нельзя пренебрегать. Как вы уже поняли, мне тоже не всегда удавалось равнодушным проходить мимо Кохи.

– Тебя вырежем первого, – сказал болван.

Рядом неожиданно, словно из-под земли, нарисовался Малёк, высоченный, как его отец. Он нашёл Ане извозчика, а сам вернулся к нам.

Из шайки Кохи раздался голос:

– Миче – хороший парень, это все знают. Не лезь к нему. Он не виноват, что таким родился. Наш кузен, между прочим, вообще на костылях, так что, он от этого хуже?

Это выступил Хрот, младший брат Кохи. Тот поднял брови, икнул и сказал удивлённо:

– О! Вякнул! С тобой потом поговорю.

Смешная угроза: все знают, что братья Корки души друг в друге не чают.

– Да, – дёрнула плечами Ната. – Вы побеседуйте, а мы пошли.

Наша компания попыталась обогнуть их компанию, но пьяный Кохи вытянул руку и схватил меня за рукав.

– Не попадайся мне в тёмных местах, Миче, – любезно предупредил он меня. Я собирался отшвырнуть его посредством магии, но Малёк молча и нежно взял Кохи за запястье – и подёргавшись в его пальцах, тот отшвырнулся сам. Однако, несмотря на присутствие Лёки, Кохи не успокоился. Нырнул ему под руку, схватил меня за рубашку на груди, и тут же, моментально, разгорелась бы драка. Мне не хватило мига, чтобы нанести удар. Хрот, младший братец, метнулся ко мне и вцепился в правую руку:

– Миче! – крикнул он, глядя на меня круглыми глазами. – Миче, стой!

Я постоял.

Хрот – он противный и нудный всезнайка и задавака. Ему ещё год предстояло учиться в университете, но, право, не знаю, чему. Всё чаще я видел, как он беседует на равных с профессорами, я читал его статьи в университетском журнале. В журнале, посвящённом истории. В своих статьях, между прочим, он ни разу не высказался худо в адрес анчу или королевской династии Охти. И я признавал, что выводы, которые делает выскочка – это очень правильные выводы. Если не знать, кто автор, можно проникнуться уважением и восхищением. Ладно. Даже зная, можно проникнуться. Я же вдобавок знал самый главный секрет Хрота, но, поскольку был весь такой проникнутый, не выдал его никому, никогда. И, против воли, уважал младшего из Коркиных детей ещё больше благодаря этой тайне. Я чувствовал, что Хрот платит мне взаимной симпатией. Это не мешало нам время от времени пререкаться и драться. Правда, ни он ни я не являлись в этих случаях зачинщиками. Это были, так сказать, коллективные ссоры, как сейчас, или потасовки стенка на стенку, где хочешь-не хочешь, а надо подержать своих.

– Миче, – торопливо говорил Хрот, отдирая пальцы старшего брата от моей рубашки, – мы выпили, понимаешь? У Кохи день рождения. Он несправедлив к тебе, всегда задирает тебя, но, не бей его сейчас, когда он в таком состоянии. Пожалуйста, пусть сегодня не будет драки.

– Да пожалуйста, – пожал я плечами.

Но пьяные дружки Коркина сына, придвинулись вплотную, и Лёка уже кого-то невежливо отпихнул, а голову самого задиристого прижал к себе локтем, хоть парень и брыкался. Ната схватила сломанную ветку и держалась поблизости от Лёки. Хрот и ещё трое-четверо парней, в том числе и кузен на костылях, безрезультатно призывали компанию оставить нас в покое.

– Кохи, – крикнул Хрот в отчаянии, – пошли-ка на наше место под мостом! Купим ещё вина и будем пировать до утра, как в прошлый раз.

«На наше место под мостом»? Я подумал, что ослышался. У Кохи ведь день рождения. Разве не следует им вернуться в свой богатый дом, к праздничному столу?

Я постучал Хрота пальцем по плечу:

– Пировать под мостом?

Из-за его головы я глянул на Кохи.

– Тебе какое дело, Аги? – завопил тот.

Мне, конечно, никакого дела нет до того, что в семье Корков не празднуют день рождения первенца. Что он сам угощает свою банду в каких-то таких местах...

– Миче, «Под мостом» – это кафе у Икки, – усмехнувшись, сказал мне Хрот.

– Вот и ступайте туда! – взмахнув веткой крикнула Ната.

Но, Кохи, как видно, надо было выпустить пар. Он не мог упустить возможность подрасть в свой день рождения.

– Тебе чего, Аги? – он обошёл Хрота и опять схватил меня за рубаху. – Не получал давно?

Не отпуская пленника, прижатого локтем, Лёка вытянул длинную ногу и отодвинул от меня Кохи. Чтобы удержать равновесие тот попятился, попятился и – вот не повезло бедняге! Он попал как раз в объятия любезного своего папочки, вышедшего на набережную с целью прогулять мамочку. Хрот закусил губу. Я насмешливо глядел на него, давая понять, что всё мне ясно: родители или не помнят о празднике сына, или не считают этот день праздником. Иначе с чего бы им совершать обычную вечернюю прогулку вместо того, чтобы танцевать, угощать гостей и выслушивать тосты в честь Кохи. Ох, как затряс папочка сына, но так, чтобы случайным прохожим казалось, что они просто беседуют. Надеюсь, то, что отец шипел в пьяную рожу сынули, немного отличалось от простого пожелания доброго вечера. Я расслышал только слово «позор», повторённое несколько раз. Юродивый Хрот скакал вокруг и пытался оторвать Кохи от папаша. Мама Корка стояла в величественной позе, прикрывая ссору собственной фигурой. Молодые и пьяные приятели топтались поодаль, понуриив головы. Мы с Натой и Лёкой хотели улизнуть, но папа Корк рыкнул, как медведь:

– Миче Аги!

– Что, господин Кырл?

– Я сказал своему сыну, чтобы он не цеплялся к тебе.

– Спасибо, господин Кырл.

– Но ты постоянно попадаешься у него на пути! – бедный глава семейства покраснел, как его собственные ботинки. Может, добрая Эя допустит, наконец, чтобы его хватил удар?

– Ничего не могу поделать, господин Кырл, – сдерживая смех, ответил я. – В нашем городе все места для гуляния наперечёт.

– Анчу вообще не место среди людей, – пошёл пятнами старший злыдень. – Им вообще не место в нашем мире...

– Позову стражу, – хором сказали Ната и Малёк. – Опять будете штраф платить.

– Вам чего надо? – уточнил я. – Хотите, чтобы я отправился жить в пещеры?

– Я хотел бы, чтобы таких, как ты, не было вообще. Позор государям, позволившим анчу жить среди нас.

Тут я не сдержался и хмыкнул.

– Так предъявляйте претензии королю.

– Предъявим, не сомневайся, – пьяно высказался Кохи. – И очень скоро.

За это он получил оплеуху от папочки и улетел в кусты. Лицо Хрота исказила болезненная гримаса, он словно окаменел напротив папаша и так глядел на него, словно перед ним был не благородный отец, а я, вонючий анчу.

– Ступай домой, Миче Аги, и постарайся сидеть тихо. Не раздражай нас, а то всё будет гораздо хуже, – подала голос Коркина матушка.

– Спасибо, что разрешили, – улыбнулся я, подхватил Нату под руку и двинулся вперёд, Малёк пошёл следом.

– Посмотрим, кто последним будет смеяться, – изрёк из-под куста именинник.

– С днём рождения, Кохи! – обернувшись, насмешливо бросила Ната.

– С чем? – нахмуриив лбы, хором спросили родители.

Ната сказала:

– У Кохи день рождения. Вы не знали?

– С каких это пор у тебя день рождения? – под такой забавный вопрос мамы Корки мы покинули это место. У меня было желание применить заклинание Длинного Уха и подслушать разговор папочки с сыновьями, но я сдержался: зачем мне это?

– Всю прогулку испортили, – пробормотал я.

Малёк же бурчал о своём ужасным басом:

– А может, готовится заговор. Слышали, что говорил Кохи?

– Как всегда ерунду нёс, – фыркнула Ната. – «Вырежем – не вырежем».

– Кохи такого не говорил раньше.

– Трезвым был.

– Не нравится мне всё это. Контрабандисты осмелели, как никогда. Разные слухи ходят.

И эти Кохины выкрики...

– Лёка, – засмеялась разумная Ната. – Ты видишь: дома не помнят, что у сына день рождения. Будь хоть заговор, хоть переворот, Кохи не поставят в известность.

Лично я был согласен с Натой, а Лёка – нет.

– Всё равно скажу Чудилке. Уж он сообщит куда надо.

– Да, он же мой покровитель.

– Смейся, смейся, а если что – Корки первым делом займутся анчу. А самым первым – тобой.

– Да что они к Миче прицепились? – возмутилась Ната. – Кохи ему прохода не даёт.

– Нравишься ты ему, – опустив глаза, объяснил Малёк. – Очень и очень.

Тут мы с Натой вспомнили, что ему самому кое-кто нравится и замучили его вопросами по поводу Ани.

– Да что пристали? – отбивался наш великан. – Ну, я вошёл, а она там с мамой, красивая такая в этом красном платье, уже уходит собиралась. Но я вышел с ней, и мы немного поболтали у калитки. Застенчивая она, но это не беда. Зато говорить с ней можно о чём угодно. Она всё понимает.

– Наверное потому, что молчит, – хихикнула мне в ухо Ната.

Лёка не обратил внимания:

– Подумал я, если упущу, то где искать буду? Ну и вот... Договорился о встрече.

– О чём вы болтали у калитки? – я чуть не скончался от любопытства. О чём Лёке беседовать с Аней?

– Ну... Сначала, она спросила у меня дорогу. Спросила, как дойти до моря. Это меня удивило, потому что море отовсюду видно. А потом... – смутился достойный сын своих родителей, – о кройке и шитье. И нечего ржать.

Но, не удержавшись, он расхохотался сам, и сквозь смех упомянул ещё о том, что завтра они с Аней, согласно моим указаниям, прогуляются по набережной из конца в конец. Лёка заставил нас с Натой многозначительно переглянуться, когда помахал перед нашими носами билетами на «Запретную гавань» – самую смешную комедию сезона.

– У Анечки проблемы, – добавил Малёк, вытирая глаза, – но я помогу. Не переживай Анчутка, МЫ выполним все твои инструкции. На днях схожу с ней куда следует насчёт наследства, потрясу кое-кого за шкуру. А то нотариус, видите ли, обнаглел. Сидит в конторе, вместо того, чтобы нестись к Ане с документами, теряя свои протёртые штаны.

– Действуй, Лёка! – подбодрила Ната.

Лёка не боится ни нотариусов, ни кого бы то ни было. Он боится только дядю Туму Мале, начальника таможни.

Мне иногда кажется, что обладателю такого роста и такого голоса должно быть тяжело говорить, смеяться и наклоняться. Но нет. Малёк проделывает всё это очень легко.

Мы свернули к главному фонтану и карусели, потому что так можно быстрее всего попасть к дому Наты. Я рассказывал ей и Лёке, как мы встретили здесь Ловкача.

– Вот здесь, за этой лавкой, он и стоял, и, вроде как, с бандитом, что приходил ко мне, – говорил я, показывая, как именно стоял наш товарищ. – Что это?

Я наклонился и поднял то, на что наступил.

Это был бордовый кошелёк Ловкача с металлической пластинкой и гравировкой на ней: «Поздравляю тебя с двадцатилетием». С хорошей суммой денег внутри. Ничего себе, если это для Ловкача Воки мало, то сколько же для него много? – Значит, вор испугался, увидев вас с Чудилой, и бросил кошелёк, – сказал Лёка.

– Или Ловкач случайно уронил, а вор не нашёл. Вы подумали, что вор кошелёк унёс и не стали искать, – предположила Ната. И добавила: – Надо отдать.

Глава 5. Странная рекомендация

День был такой суматошный, я так устал, что утром даже не помнил, как вчера дошёл до кровати. Зато помнил ужасный, ужасный сон. Много всего было намешано в этом сне. Вроде, я, полный негодования, даже ярости, с высокого крыльца каких-то развалин говорил речи, выкрикивал слова, призывающие к спокойствию толпу, готовую кинуться и разорвать меня, чтобы затем добраться до тех, кого я защищал, а защищал я детей – за моей спиной плакал ребёнок. Вдруг я оказался внутри развалин, и толпа, воя и грохоча, ворвалась вслед за мной, сметая и топча всё, что попадалось. Я слышал визг женщин, я понял, что тут убьют всех, если не случится чуда. Во сне я так и этак пытался применить магию, но ничего не получилось у меня, у волшебника. Почему, почему не действует колдовство? Почему я не вижу ничего, кроме цветных расплывчатых пятен, мельтешащих вокруг? Я понял во сне: меня толкнули, очки улетели прочь и их, наверное, раздавили все эти ноги. Оставалось одно: выхватить из ножен саблю. Откуда у меня сабля, скажите мне. Я вспомнил во сне, что в школе усвоил истину: нельзя применять оружие в толпе, если что-то случилось со зрением, можно поранить своих. Но теория – это далеко не практика. Я должен был защищать тех, кто визжал и плакал там, сзади. Какие ещё свои?! На меня напало огромное пятно, которое я посчитал всадником на коне. Я слышал, как рядом грохнули о каменный пол подковы, а то, что смутно напоминало фигуру человека, полетело на меня сверху. Отчаянный женский вопль перекрыл все звуки боя. Я взмахнул саблей...

– Чудилушка, Петрик! – вскричал я, сразу же вскочив на пол и размахивая руками, словно пытался отогнать кошмар, привидевшийся во сне. Шагнул назад, запнулся о кровать, повалился на неё, и только тогда окончательно проснулся.

Некоторое время я лежал тихо-тихо, пытаюсь прийти в себя. До чего реальными были ощущения во сне! Все чувства, звуки, даже запахи! Я разглядывал руки, недоумевая, как это меня угораздило, пусть даже во сне, махать на людей холодным оружием. Хотя, эти люди напали. Хотели убить каких-то женщин, каких-то младенцев в недрах развалин! Не удивительно, что я схватился за саблю.

Понимаете, моё прозвище досталось мне не просто так, не только из-за принадлежности к народу анчу. Анчутка – это мелкий домашний чёртик, оберегающий мелких обитателей дома, попросту говоря, детей. В те времена или в тех краях, где обычные люди редко сталкивались с нами, или даже просто слышали, но не видели, очень естественно было сказать непослушному чаду:

– Вот смотри, будешь баловаться, придёт страшный анчу, утащит тебя в глубокие пещеры.

Поэтому ясно, как относилось к нам подрастающее поколение. Но с другой стороны – произошла удивительная вещь. Если у взрослых есть помощник – сказочный страшный анчу, то у детей свой покровитель и заступник – маленький анчутка. Так они придумали сами.

Я знаю, что в некоторых местах это не дружелюбное существо, но у нас так. И вдруг такие дела – кто-то нападает при мне на руины, в которых плачут дети!

И, хоть я нашёл себе оправдание, продолжал в ужасе смотреть на свои руки и ощупывать себя, и стряхивать что-то: мне казалось, что на мне кровь, что я совершил ужасное, совершил убийство, и не во сне, а наяву. Не удивительно, что от такого потрясения, проснувшись, я звал Чудилку! Петрика, моего друга, которому так хорошо удаётся решать любые проблемы... Небывалая тоска в сердце... Почему?

Потом я немного пришёл в себя. Это только сон. Я не настолько плохо вижу, чтобы постоянно ходить в очках, а без них наблюдать лишь пятна. И я представить себе не мог ситуацию, в которой не смог бы проявить себя как волшебник. Нет, есть уловки, чтобы лишить мага возможности колдовать, но на самом деле у нас этим не балуются.

Время шло. Сердце перестало бешено колотиться. Тоска потихоньку улетучивалась под влиянием утреннего ясного и весёлого света. Я уже строил планы на сегодняшний день. Сон забывался, но я ещё долго был под впечатлением.

В окно лилось жаркое солнце и слышались обычные утренние звуки: перепалка во дворах, звяканье ведёр, свист ласточки и крики чаек, бляение козы и ленивое тьяканье псов.

Я отмахнулся от настырного солнечного зайчика, встал и поплёлся умываться и одеваться. Хорошо, конечно, что я указал в объявлении время приёма, но, знаете ли, какие бывают клиенты... Могут и ночью явиться.

– Так, – сказал я своему отражению. – Сделать у ворот витрину с амулетами, лавочки и навес по эту сторону, и что ещё?..

Дзинь-дзинь.

О нет! Кажется, не успею позавтракать. Буду голодным до самого вечера, как вчера.

И чуть не зарыдал от облегчения, увидев, что это мой очень младший брат скачет по дорожке. У него была корзинка с гостинцами от мамы и небольшая сумка с игрушками, а чемодан с его вещами я перетащил к себе ещё позавчера.

Я сказал «увидев»? Нет, скорее «услышав». Ещё у калитки Рики издавал восторженные нечленораздельные вопли, суть которых была такова: папа одобрил эскиз, маме тоже очень понравилось. Каждую свободную минуту братец собирается проводить у меня в мастерской, чтобы порадовать директора школы замечательным подарком. Я разулыбался, полный гордости. В его возрасте я тоже выполнил свой первый серьёзный заказ и получил за него деньги. Не добежав до дома, Рики затормозил и с растерянным видом зашарил по карманам и в сумке. Мальчишка горел желанием показать и мне изображение будущих красивых серёг. И он, конечно, покажет прямо сию секунду, если не сильно завалил его игрушками, не завернул в него пирог или не забыл дома.

– Послушай! – крикнул я Рики. – Скорее мой руки, а то я голодным останусь.

– А с грязными руками ты меня не ешь? Так я не буду мыть, – заявил чертёнок.

– Да ты и с чистыми несъедобный. Давай, давай, садись, а то даже чай не успею выпить. Вчера так и не пообедал, зато чайник сжёг. Как там родители?

– Мама повезла папу в Лечебницу.

– Хорошо.

– Заедет на обратном пути.

– Отлично. А теперь слушай меня внимательно. – Надеюсь, мой вид сказал ему, что это серьёзно. – Корков знаешь?

– Конечно. Хрот – нормальный парень. Мы болтали в порту.

– Что? Ты один ходил в порт?

– А что такого? Нет, я знаю, что Корки – гады, но не все же. Чудила любит Мадину.

– Кого?!

– Мадину, сестру Хрота.

Ответьте мне, как я это пережил? Чудила любит Мадину! Были у меня смутные догадки, но я гнал их от себя. Я даже, когда гадал на Петрика без его разрешения (он почти никогда не разрешает!), трусливо надеялся, что его любовь – это очередная его знакомая. А когда понимал, что не прав, не удивлялся: он же чудила, у него всё не так. Да в страшном сне мне не могло присниться, что кто-то из моих друзей, тем более Петрик Тихо, влюбится в Коркину дочь! Помните, я уже говорил об этом. Светлая Эя, мудрая моя покровительница! То-то Петрик прямо в лицо меняется, когда речь заходит об этой девице! Хотя, чему тут удивляться? При всей его рассудительности, вы знаете, какое у него прозвище. Мне не сказал... Только бы никто не узнал... Не донёс... Бедный, бедный мой друг! Связался с Корками! Но, может, это у него пройдёт? Наверное, пройдёт.

– Ужас, ужас! Ты о чём болтал с Хротом? Об этом?

– Что ты! Как можно! – замотал головой Рики.

– Да откуда ты можешь знать ко кого любит?

– Ты любишь Нату, – сообщило вездесущее существо.

– Цыц у меня! Никого я не люблю. Мы с Натой друзья. Давай про Петрика.

– Хо! Да они с Мадинкой целовались в скалах за кладбищем. Я никому не говорил и не скажу. Только тебе одному. Ты мой брат и Чудилкин друг.

– Ты ходил в скалы за кладбищем?!

– А что такого? Подумаешь, кладбище! Это я говорю к тому, что Петрик кого попало любить не будет. Тем более, целовать.

– Ужас! – снова сказал я. Как это Петрика угораздило так неподходяще влюбиться? Целовался? Он целовался пока только с одной девушкой. По крайней мере, так он мне сам сказал под большим секретом. А оказывается, вот оно как: эта одна девушка – Мадина Корк. Видимо, это у него и вправду серьёзно.

Рики подёргал меня за рукав:

– И ещё к тому, что ты сейчас опять начнёшь Корков ругать и говорить, чтобы я их боялся. Но вот Лала, к примеру, хорошая девочка. Я сегодня с ней играть пойду.

Надо спросить Рики, не упал ли я тогда в обморок. Свою запугивающую речь я хотел завершить словами: «И не смей играть с их воспитанницей Лалой Паг, а то проблем не оберёшься».

Раскладывая сыр на хлеб, Рики знай себе трещал:

– Когда я с ней познакомился, говоришь? В прошлом году. Ну, играли пару раз в парке. А что такого? Не целовались же. Она летом там гостит. У Корков-то. Ну, ещё мы болтали через ограду «Прибежища», и не только через ограду. И её даже пустили бы со мной погулять и к нам в гости, да только я анчу, а воспитатели очень сильно боятся её дядюшки.

Ну всё, Рики меня обезоружил. Он уже играл с этой ходячей проблемой и в курсе Коркиных семейных тайн. И что делать?

– Ты слышал, что Корки не любят нашего короля? – спросил я. – Что они ненавидят анчу, что много раз пытались свергнуть своих соперников Охти и устраивали погромы и резню? Сколько в городе таких, как мы? Мало. А Лёка сказал, что Корки снова что-то затевают. Так что лучше тебе не ходить одному и держаться от ненормальных подальше. Если что – может, придётся прятаться и бежать из столицы. Как же я этого не хочу! А в провинциях, между прочим, сторонников Корков пруд пруди. Люди необразованны и оттого нетерпимы. Как там могут жить такие, как мы? Бежать за море? Совсем не хочется. Хоть бы папа поправился скорей.

Куда-то меня не туда занесло. Рики так и спросил:

– Ты это к чему, вообще-то?

– Я-то? Не знаю.

– Боишься?

– Да не то слово.

– А дрался с Кохи.

– Ну и что? Пока наш король на посту, закон один для всех. Имею право обороняться. Кохи первый начал.

– Значит, я могу пойти поиграть с Лалой? Ну, пока наш король на посту, – сделал вывод мой очень младший брат.

Кстати, кому-нибудь, может, интересно, почему я его так называю? Просто Рики родился в ту пору, когда я уже ощущал себя сильным, умным, совсем взрослым, особенно по сравнению со всякими новорожденными козявками. Мне было на пару месяцев больше, чем братцу сейчас. Помню, на второй день его жизни я сидел под дверью спальни родителей и заливался слезами от того, что моё сокровище изволило орать. Великая Эя, как мне было невероятно, нестерпимо плохо! Мне казалось, что у Рики что-то болит, или ему страшно, или ещё что похуже. Незадолго до этого на соседней улице умер новорожденный мальчик, и этот случай никак не забывался, он произвёл на меня ужасное впечатление. Родители смеялись, успокаивая меня, но пока до меня дошло, что все младенцы орут, и это нормально – ведь говорить они ещё не умеют, я заболел от расстройства, и неделю провёл в кресле у его кровати. Оторвать меня не было никакой возможности. Я даже не ходил на занятия.

Я никогда не спрашивал, как узнал о моей беде Петрик, но он приехал ко мне из своего города в неурочное время и немного вразумил меня. Но действительно, очень немного: я всего лишь согласился иногда ненадолго покидать свой пост. Стоило Рики чуть вякнуть, я нёсся к нему сломя голову в любое время суток, и совсем достал этим родителей. Бедный доктор разводил руками и прописывал успокоительное мне и папе. Я со слезами бросался наперерез маме, задумавшей прогуляться с младшим сыном по улице, караулил коляску в саду, поил братца из бутылочки, качал, пел песенки, звенел погремушками, менял подгузники, научился делать массаж, прочитал книгу про уход и воспитание... В эту пору ещё один мой лучший друг, воспитанник «Прибежища», был усыновлён и увезён в другую страну, не попрощался, не писал писем. Да всё ли с ним хорошо? Под впечатлением этой потери я боялся оставить Рики без себя, перестал выходить гулять и с трудом позволял вытолкать себя в школу. Уходя на уроки, заставлял родителей дать мне множество обещаний, касающихся безопасности Рики, и, если узнавал, что в моё отсутствие они нарушили слово, отчитывал маму и папу, как малышкой, доставалось и бабушке с дедушкой. Никто, ни взрослые, ни даже Ната, ничего не могли с этим поделать. Дальше больше. Я не стал раздеваться на ночь и потребовал, чтобы Рики спал со мной в детской. Лёка Мале опекал меня, словно старший брат, почти переселившись в наш дом и в нашу с Рики комнату. Я пугал его тем, что вскакивал среди ночи и бросался к окну ещё не успев разлепить глаз, а потом почти совсем перестал спать.

Именно в ту пору я и заслужил прозвище Анчутка. Лёка первым стал меня так называть.

Меня повели к другому доктору. Это был отец моего дружка Шу (кстати, мы и познакомились тогда), и он потратил много времени на то, чтобы узнать, что со мной происходит. Например, отчего одиннадцатилетнее дитё озабочено крепостью запоров на дверях и окнах и ложится спать с топором под подушкой. Я замкнулся и ничего не хотел говорить докторам – зачем они лезли в душу? Я зло таранился на дядю Шу, как загнанный в угол зверёк, и только что зубами не клацал. Но всё-таки доктор выяснил, что взрослые, в неусыпной заботе обо мне, запугали меня историями страшных расправ с анчу, а вдобавок – картинками того, что может произойти с ребёнком, пока он растёт. Куда или откуда он может упасть, что проглотить, чем заболеть и скончаться, и насколько надо быть осторожным. При мне рассказывались случаи поистине ужасающие, а все мои родственники – отличные рассказчики. Пока это касалось меня, я пропуская страшилки мимо ушей, но вот дело коснулось новорожденного,

очень маленького существа, за которое я посчитал себя в ответе – и тут я проникся. А раз мои родители не смогли предотвратить упомянутые выше кошмары в мировой истории, в прошлом и настоящем, значит, надеяться можно только на себя, всегда быть готовым защитить и спасти.

Наверное, доктор как-то повлиял на меня. Я стал вести себя нормально, но страх не прошёл совсем. Просыпаясь среди ночи, я едва сдерживался, чтобы, подскочив к окну, не искать за ним признаков злоумышленников, но всегда прислушивался к дыханию Рики и, пошарив рукой, накрывал его убежавшим одеялом. Наши кровати стояли голова к голове, чтобы я мог сделать это, не вставая. Я с трудом заставлял себя не ходить с ним повсюду и не водить за ручку. Право, наши родители были беспечней. Лишь став студентом, я окончательно переселился во вторую детскую, теперь уже взрослую комнату, но не потому что так хотел, а для того, чтобы Рики чувствовал себя свободней – ведь тоже уже большой, а мне надо пересилить себя и перестать быть ему нянькой. Может, оттого я и решил жить в доме деда? Потому, что я очень старший брат, и мне надо с этим что-нибудь делать?

Помните, я говорил, что сделать это мне было тяжело.

Но вот, вовсе съехав в собственные хоромы, я мигом уцепился за возможность опекать моё сокровище всё лето. Вот так допекаюсь, что он вообще не захочет заходить в гости...

– Не знаю, – сказал я. – Честное слово не знаю. Можно, конечно, привязать тебя к крыльцу, но ты ведь перегрызёшь столб и скроешься. Ну, или Лала перегрызёт. Уж такая отчаянная девчонка! Где ты собираешься с ней играть, с этой Лалой твоей?

– На нейтральной территории, – ответил мой очень умный брат.

– Чего тогда сидишь? Конфет подружке сам купишь, у меня тут пока ничего нет.

– Я вечера жду. Второй половины дня, – мигом поправился Рики, сообразив, что при мысли о нём, гуляющем в темноте с воспитанницей Корков, я просто помру.

Только я всё равно заорал, как ненормальный, потому что мой взгляд упал на часы.

– Так, – принялся я распоряжаться. – Ты обещал помогать. Будешь встречать клиентов и провожать в кабинет, а то мне не солидно бегать туда-сюда. Будешь выводить их через заднюю дверь и калитку в саду, чтобы они пореже сталкивались. Ждать они должны не за забором, а в приёмной. Даром, что ли, я велел разделить галерею на несколько кабинок?

– Да брось ты, – вяло махнул рукой Рики. – Какие кабинки?

– Пять штук получилось, посмотришь потом.

– Да ладно. В жизни не поверю, что клиентов так много.

– Честно! И им вовсе не надо встречаться.

– Случайно получилось, что много, – огорчил меня братец. – Стечение обстоятельств. Не верю, что так будет и дальше. Все говорят: время магии прошло, настало время технического прогресса.

– Да? Ну да, говорят.

На секунду я впал в уныние. Я учился самозабвенно, но смутно подозревал, что процесс преподавания магических наук поставлен из рук вон плохо. Подозревать что-либо ещё у меня не было времени, я постоянно упражнялся, разыскивал старые заклинания, пробовал их и совершенствовал. Что-то объединял, что-то вычленял, докапывался до сути, размышлял об истоках, варил в ковшиках полезные и бесполезные зелья. Устраивал иллюзии по поводу и без. Лез к профессорам с вопросами, на которые они отвечали не всегда правильно. Их ошибки изумляли меня, и я втолковывал однокашникам, как всё должно быть на самом деле. Занимался с теми, кто просил меня об этом, в том числе с преподавателем прикладной магии. Подобно Хроту строчил статейки в тот же журнал, удивляя любителей истории сведениями о том, что волшебство-таки, существовало. И дополнительно посещал лекции на других факультетах, поскольку меня интересовала не одна только магия. Прибавьте к этому работу в мастерской и в лавке отца. Откуда время размышлять о несовершенствах чего бы то ни было? Настолько плохо был у нас поставлен процесс преподавания, что мои сокурсники, рано или

поздно, все перевелись кто куда, а занятия волшебством посещали лишь время от времени, только из интереса и посмеивались надо мной, оставшимся верным своему факультету. Все они собирались работать в областях, никак не связанных с магией, и с упоением рассуждали о научных открытиях и техническом прогрессе. Все они смотрели на меня, с трепетом произносящего имя Радо, как первоклассники на фокусника в цирке. Все они получили справки о прослушивании курса магических дисциплин и «нормальные» дипломы, и только я – всё наоборот. Втихаря боялся, что папа и мама вот-вот скажут: «Миче, ты допрыгался. С завтрашнего дня магия запрещена законом. Чтобы больше ни одного заклинания, а то тебя посадят в тюрьму». Волшебнику тяжело жить, если нет применения его способностям. В конце лета надо написать своим сокурсникам: как они устроились в жизни?

Дзинь-дзинь.

– Ага! – азартно воскликнул я и потёр руки. – Действуй, Рики!

– Ой! Ай! Куда, говоришь, вести? В кукую кабинку?

– Я те покукую! В кабинет!

И понеслось!

Всё, как вчера, но жизнь с моим младшим братцем оказалась гораздо легче. Я сидел в кабинете, а Рики, довольно вежливо, надо сказать, приглашал клиентов по очереди, а потом выпроваживал через сад.

– Ты пошустрей не можешь? – шепнул он мне разок. – В кабинках твоих ждут трое. Я дал им воды с сиропом и газеты за позапрошлый год. На чердаке нашёл. Так нельзя, Миче, надо заказать какие-то каталоги или журналы. Как у Мале. Один стрижётся, другой читает. В смысле, другая.

– Ладно, ладно, закажем. Где ты взял сироп?

– На рынок сбегал. А что такого? Я и чайник купил.

– Ладно, ладно. Иди, займись там.

– Так я уж занялся. Одному погадал – он и ушёл. И заплатил даже.

Ну, что я говорил? Рики пошёл по моим стопам.

Улучив минутку, он показал мне эскиз серёжек, заляпанный чем-то красным и синим. Что я могу сказать? Если, осуществив замечательный замысел, моё сокровище не засунет новенькие серьги в такое место, где их никто не найдёт до зимы, директор будет очень, очень довольна. Эта чудесная женщина до сих пор ежедневно носит браслет, который сделал я в год рождения Рики. Тогда школа праздновала десятилетие, а теперь она лучшая в Някке. И, между прочим, браслет директора – талисман, заговорённый на успех в любимом деле. Надо проверить, хорошо ли помнит Рики заговор на здоровье и долголетие. И спросить, не сказал ли он папе, что за символы в центре узора, а то, признаюсь честно, мне может влететь. Папа с мамой не одобряют колдовства в ювелирном искусстве.

*

В тот момент, когда я подумал, что у нас, должно быть, перебивал весь город, и всю оставшуюся жизнь мне нечем будет заниматься, явился заморский гость с женой. На нём был богато расшитый кафтан, ужасно модные здесь сапоги с острыми носами (если дела будут идти хорошо, я куплю такие же Рики на осень) и смешная круглая шапочка с белыми пёрышками. Жена этого человека была смугла и черноволоса, как он, и имела такие брови... Я залюбовался прямо, и не сразу вспомнил, что жители противоположного берега очень не любят, когда пялятся на их жён. Здесь они ходят такие красивые, в платьях необычных расцветок, звенят монетками на шее и золотыми браслетами на почти чёрных глянцевых ручках. А у себя дома, где очень жарко, где солнце может повредить кожу, и дуют сухие и пыльные ветра из пустыни, выходя на улицу, закутываются в длинные цветные покрывала. Прячут от проникающих всюду лучей и песка нежные лица, волосы и красивую одежду. Песок ведь засыпается в вырезы платьев, а это не очень приятно и даже неприлично. Воды там не везде так много, как хотелось бы,

и вымыть пышную шевелюру проблема. Представляю, как страдают тамошние дамы в период этих самых ветров. Живущие в пустыне (а есть и такие!), наверное, вообще из-под покрывал не вылезают. Но некоторые мужья запрещают своим жёнам (и даже дочерям!) снимать эти штуки на нашем берегу. Ревнуют или даже боятся, что украдут. Мужчины в Джате горячие, и покрывала женщин служат ещё и защитой от внезапно вспыхнувшей страсти.

Клиент, однако, оказался не из ревнивцев, он чрезвычайно гордился красотой супруги. Он показался мне милым и весёлым человеком.

– О! – засмеялся гость, увидев меня. – Ну и ну!

Поняв, что я собираюсь обидеться, он схватил меня за плечи и развернул к моему же зеркалу. Сначала я не понял, что это за шуточки такие, а, осознав, тоже расхохотался. Жена клиента веселилась от души, вытирала глаза концом голубого платка, а мой братец, не успевший ещё покинуть кабинет, от смеха закатился под стол.

Мужчина снял шапочку, а я – кожаный ремешок с головы, и мы развеселились ещё пуще.

Потом шапочку клиента надел я, а жена нацепила ему мой ремешок.

– Ты, маг! – давась от смеха говорил человек. – Ты слышал о двойниках?

– Слышал, но не видел, – держась за живот, ответил я.

– Так посмотри, – он указал рукой на зеркало.

– Да, чудеса!

– У меня что, в предках анчу?

– У меня что, прадедушка мазался гуталином?

– Да-да! Гуталином! Дай-ка мне свою жилетку.

– А ты мне – свою размахайку.

Тут мы оба вспомнили, что в комнате женщина.

– Я отвернусь, – сказала она со смехом и с ужасным акцентом.

Мы переоделись, и веселье пошло по новой. Я и мой клиент были похожи друг на друга почти как две ножки для стула, выточенные на одном станке. Только одна ножка – для тёмного стула, другая – для белого. Я был очень светлым, он – смуглым. Это почему-то особенно смешило.

– Принц – шутник, – ни с того ни с сего сказал визитёр. – Он специально направил нас к тебе, маг. Но каково-то твоё мастерство, как предсказателя?

– Какой ещё принц? – веселился я. – Не знаю никаких принцев.

– Теперь знаешь. Я принц, а Назика – моя принцесса.

– Ты сам себя направил ко мне? – мне было смешно, и я никак не мог справиться с застёжкой на его поясе.

– Нет, ваш принц. Который королевич, – вставила Назика.

– Ваш сын короля, где-то тебя видел, да-да. Говорил, будет мне сюрприз, – разглядывая себя в зеркале, рассказывал клиент. Мне понравилось, что он называет свою жену принцессой. Вот женюсь, и тоже так буду звать Нату. Э, нет, на Нате я не женюсь, конечно. Хотя, почему бы и нет? Ах да, мы же просто друзья. Ах да! Мне вообще нельзя жениться. Я ещё не говорил об этом?

А муж Назики продолжал:

– Слушай, давай поменяемся одеждой? Я пойду в твоей, а тебе оставлю свою.

Я всполошился:

– Нет. Твоя слишком дорогая.

– Ерунда.

– Я не возьму.

– Пустяки.

Ничего себе, пустяки! Уж поверьте, я отлично разбираюсь в товарах и ценах. Я замахал руками:

– Хочешь, я подарю тебе то, что ты надел, но ты свои вещи забери.

– Так ведь я буду должен тебе за консультацию, маг.

Я совсем забыл, зачем он сюда пришёл.

– Моя консультация не стоит и четверти этого – я пощёлкал пальцем по самому маленькому камешку на его поясе.

– Стеклашки, – убеждённо заявили муж и жена.

Я перестал смеяться.

– Вы кого хотите обмануть? Я – анчу, чьи предки жили среди всего этого. Я – Миче Аги, и могу назвать стоимость этой вещи с точностью до капинки. Это всем известно.

Они переглянулись.

– Прости. Но стоимость консультации определяется важностью вопроса для клиента и его возможностями, – загнул мой двойник.

Но я упёрся, как не знаю кто.

– Я могу отказать в консультации, – заявил ваш покорный слуга. – Будет так, как я говорю, и никак иначе.

– Ого! – восхитился клиент. – Ладно. Будь по-твоему, маг. Миче твоё имя?

Мы познакомились. Двойника звали Далим, и его проблема была в том, что пираты похитили реликвию, принадлежащую его семье и хранящуюся в храме на берегу. Наверное, подумал я тогда, у них, за морем, принято хранить в храмах семейные ценности. Теперь приходится с пиратами воевать. И то правда – давно пора приструнить обнаглевшую шайку. Беда в том, что негодяи ловко прячутся среди островов и рифов на большом отдалении от мест проживания семьи Далима. Среди Лийских островов затеряться легче лёгкого, а если спрятать в пещере нечто, не очень большое, то это нечто и вовсе никто никогда не найдёт.

– У тебя, вроде бы, есть карта, Миче. Карта Лийских островов и пещер, составленная кем-то из пиратов в незапамятные времена, – закончил двойник. Ему поручили это дело, потому что Далим доказал, что он искусный флотоводец. Он только что женился, и Назика пожелала ехать с мужем. Часть флота, во главе которого он стоит, вошла в нашу гавань, а часть не поместилась. Они вдвоём явились специально за моей картой...

– С ума сойти! – ахнул я.

...потому что сын нашего короля сказал лично Далиму, что у меня есть необходимый дружественной стране древний клочок.

– Объясните, откуда знать нашему королевичу, что мне от деда досталась эта, нужная вам, карта? Послушай, карту я, конечно, тебе дам, тем более, у меня есть копия, но я ведь не знаком с наследником престола. А он со мной – тем более. О том, что карта у меня, знали только моя семья и мои друзья. И вот прибывает целый флот...

– Да, в принципе, можно и без карты, – заскромничал Далим. – Но с ней ведь проще... Ты не сердись. Ваш король посылает свои корабли нам в помощь, оттого мы и здесь. Вроде как по пути. Мы и не знали о карте, но королевич сказал...

– Миче, ты что такой дремучий-то? – влез Рики, вылезший из-под стола. – Уже сколько времени все галдят: пираты – общая проблема, дадим отпор, поприветствуем союзников...

Я, как всегда, отстал от жизни. Это моя особенность такая. Пираты ведь не продаются в ювелирных магазинах, как драгоценные пояса.

– Беги, принеси копию, – велел я чертёнку. Потом до меня кое-что дошло: – Ты стоишь во главе флота? Ты и вправду принц, Далим?

– Точно, – засмеялся он.

– Ого! – сказал теперь и я. Интересно, после того, как мы хохотали, и подкалывали друг друга, и называли друг друга на «ты», и примеряли одежду другого, как себя вести с принцем? Я встал в тупик.

– Дело ещё вот в чём, – вздохнул он. – Перед тем, как отплыть, мы обратились к звездочёту, и он предсказал неудачу нашей миссии, разгром, позорное бегство и то, что я потеряю Назику. Но ваш королевич сказал: «Не надо расстраиваться. Очень хорошо, что вы идёте к Миче. Он предсказатель и волшебник. Он что-нибудь придумает. Он лучше всех».

Сказать, что меня удивила рекомендация королевича – значит ничего не сказать. Не помню, как он выглядит, сколько ему лет и даже как зовут, а он рекомендует меня, как предсказателя, заморскому принцу. Может, он приходил ко мне погадать, маскируясь под жителя Повыше, а я сболтнул случайно про карту? Ну, к слову пришлось, ведь это вовсе не секрет. Не помню.

Далим и Назика смотрели выжидающе.

– Хотите, чтобы я погадал и сделал вам амулеты? – наконец выдал я из себя.

– Вот, пожалуйста, карта! – завопил мой очень младший брат, врываясь, как буря. – А вы что, действительно принц и принцесса?

Назика кивнула и обняла его, и этим вызвала мою симпатию.

– А там уже пять клиентов. Придёт шестой – куда мне его девать? – пробормотал мой ребёнок, охрипший от смущения. – Я продал три амулета.

– А мы для гадания придём вечером, – пообещал Далим, – когда очереди не будет.

На том и порешили. Далим ушёл в моей одежде, а я остался в его. Я так понял, что это благодарность за карту. Дорогой пояс я, естественно, не принял, но мне заплатили сверх всякой меры. Я заявил, что это вперёд, за гадание, и слушать больше ничего не стал. Но про себя тихо радовался: с этих денег я отдам долг Чудиле, и даже ещё останется.

Глава 6. В доме моих врагов

Где-то ближе к вечеру я осознал, что меня, вроде бы, накормили обедом. Да, точно, приехала мама, и Рики организовал мне обеденный перерыв, чтобы мы могли поговорить об отце и прочих наших делах.

– Ты не пойдёшь играть со своей подружкой? – спросил я его в момент затишья.

– Так я уже сходил, – вскинуло на меня удивлённый взгляд моё сокровище. – Потом ещё пойду.

Дзинь-дзинь.

Я не обратил внимания на последнюю фразу.

– Когда ты всё успеваешь? – похвалил я его. – Ну, кто там ещё?

– Это наш собственный принц. Долго ты с ним будешь? Долго? Ясно. А что, нормальный он. Принцесса его красивая. Дала мне денежку. Хочешь, я принесу вам чай с мамиными булочками? Хочешь? Я мигом.

Мы действительно долго сидели с Далимом и Назикой. По всему выходило, что их звездочёт недалёк от истины. Но он, как я понял, то ли из-за отсутствия знаний, то ли из-за страха, рассказал принцу не всё. Заморские правители также щедры на наказания, как на награды. Я думал-думал, выложить ли принцу с принцессой всю правду, ну и выложил, конечно. Заговорил, стараясь не подвести незнакомого коллегу, а в моё сердце чёрным дымом пожара заползала тревога:

– Лучше вам быть осторожнее, и всё просчитывать вперёд. И эти слова вашего звездочёта о разгроме и позорном бегстве... Не хотелось бы повторять их – ведь наша Някка как раз на пути в вашу страну. Но...

Меня смущала карта с нарисованным на ней корабликом, символом поездки и нового важного дела. То есть, решил я, грядущего похода на пиратов. Вокруг неё выстраивалась такая композиция. Сова на одной из карт, в сочетании с другими, призывала действовать мудро лично Далима, но показывала, что действовать так он сам не будет. Что сам не поймёт, что

недоверие, о котором сказали карты, и есть причина грядущей катастрофы. Всегда пугающее меня изображение могильного холмика стояло у него на пути. А между ними – карты, символизирующие бесплодные усилия третьего лица или третьих лиц, пытающихся повлиять на принятое решение. Падение, которое начнётся С НЕВОЗМОЖНОСТИ ПОГОВОРИТЬ. Кораблик, идущий не туда... Душевные метания близкого Далиму человека. Разрыв с этим человеком. Гибель этого человека. Пришлось сказать, что человек этот женщина, но умолчать, что скорее всего – Назика. Обман, интриги, и снова обман, вызвавшие к жизни эти несчастья... И ещё много чего, но карты говорили и о том, что может изменить ситуацию: принцу следует прислушаться к совету родственника, мужчины, близкого по возрасту. Но, смотрите выше, Далим не станет слушать советов, слова родственника он не примет всерьёз. Скорее всего близкий по возрасту мужчина является одним из этих третьих лиц. Ну и что тут можно сделать? Люди, не склонные слушать советы, не слушают их. Я мог только вручить супругам амулеты для мудрости в принятии решений.

Я говорил, а лицо Далима вытягивалось и серело. Назика до того напряжённо сидела на стуле в тени, что приобрела сходство с танцовщицей из балета «Трагическая страсть», где героиня, узнав об измене любимого, семь минут стоит столбом, глядя вдаль, то есть, на последний ряд балкона. Я слышал, это самое тяжёлое испытание для балерин. Пальцы у принцессы мелко дрожали.

– Ты тоже считаешь, что я потеряю Назику? – Далим сделал единственный вывод из сказанного мной. – Может, её оставить в Някке?

– Если судьбе угодно, Назика потеряется и здесь. Ты понял, что говорят карты? Разгром...

– Да, я понял. Но, Миче, ты объяснил, что гадания – это всего лишь предупреждение. Я и сам это знаю. Знаю, что можно многое изменить. Поднять боевой дух моряков. Проверить готовность. Лучше изучить карты пиратских владений. Проявлять бдительность. Пообещать награду.

– Выслушать советы, – вставил я словцо.

– Ой, Миче, – отмахнулся принц, – советов было предостаточно. К чему снова и снова выслушивать родственников и заботиться о третьих лицах? Всё решено. Невозможность поговорить, сказал ты? Это мне не понятно.

– Мне тоже, – пробормотал я. – Верное ли решение приняли там, наверху? – я мотнул головой в сторону Вершинки, где стоит королевский дворец. – Интриги и обман. Чей, Далим? Может, пираты нарочно украли ваше семейное сокровище? Например, чтобы выманить тебя в море. Вдруг у них всё готово, чтобы разгромить твой флот? Уверен ли ты, что стОит уводить корабли, оставив города без защиты? Послушай, Далим, а вдруг нападут на Някку? У меня здесь семья, знаешь ли. И слышал ли ты или ты, Назика, об ужасном пиратском волшебстве, именуемом «Чёрный Мститель»? Я не обещал победу. Ваш звездочёт не обещал победу. Скорее всего, это будет поражение, уж позволю говорить откровенно.

Почему мне в голову в этот момент пришла мысль о такой пиратской задумке? Я не знаю. Наверное, от охватившего меня сильного страха.

Ой, как оскорбился Далим – что значит, южный темперамент! Он высказался в том духе, что хватит уже осторожничать, вперёд, к победе над пиратами! Подумаешь, разбойники какие-то! Прекрасные флоты двух великих держав сильны. Гадание – это интересно, но кто всерьёз верит гаданиям в век технического прогресса? Речи Миче – это речи труса, да-да, так он и сказал, и добавил, что наш королевич – редкостный чудак, а он, Далим, дитя малое, поверившее в сказки. Что когда он вернётся домой, то прогонит того самого звездочёта пинками, у всех на виду, пусть убирается на родину, в деревню.

Должно быть, мой оторопелый вид немного остудил гнев заморского принца, он вдруг замолк, зато отмерла Назика:

– Далим знает, как надо побеждать. Он с рождения в море, – с гордостью за супруга произнесла она. Я глядел на неё и удивлялся. Днём она казалась мне весёлой, а при вечернем освещении словно чувствовала себя неудобно. Я не мог отделаться от ощущения, что знал Назику раньше, может, беседовал с ней. Я то и дело поглядывал на её руки, на пальчики, выглядывающие из рукавов. Днём на ней было платье с короткими рукавами, и я не обратил внимания на то, что где-то видел похожие по форме смуглые кисти. Удивляла её манера говорить, мне ещё в первый визит резало слух: правильно построенные фразы – и жуткий акцент. Такого не бывает. Иностранцы, плохо владеющие нашим языком, путают порядок слов в предложениях. Но не моё это дело, не моя жена Назика.

Далим вдруг сник, провёл ладонью по лицу и сказал:

– Прости, Миче.

– Что так? – спросил я. С Далимом я напрочь забывал о разнице в положении, продолжал звать его на «ты», ничуть не смущался и запросто дал ему понять, как я обижен.

– Далиму приказал его папа. Королевичу приказал его папа. Сыновья должны слушаться отцов, Миче. Далим не может менять планы. Мы держим курс на Лийские острова, – вздохнула Назика, снова изумив меня правильностью своей речи. – Мы ищем священную вещь, похищенную пиратами.

– Плюньте на неё, на вещь эту, – посоветовал я. – Две столицы остаются незащищёнными. Я боюсь. Да, такой вот я трус.

– Миче, – тихо произнёс Далим, – знаешь ли ты, что похитили у нас пираты? Нет-нет, не реликвию нашего дома. Реликвию всей нашей планеты, всей прекрасной Винэи, доверенную нашей семье. Доброе Сердце Эи.

– Ааах! – протянул я, и больше не нашёлся, что сказать.

Всё понятно. Корабли уйдут в море, не смотря ни на что.

Великая Эя, наша светлая покровительница, подарила своей дочери Някке, матери народов нашей планеты, кусочек своего доброго сердца. Заключила его в оправу из золотых ромашек, любимых цветов. Подарила, едва она родилась, повесила ей на шею на цепочке, чтобы Някка всегда чувствовала присутствие мамы и её любовь. С тех пор много раз реликвия переходила от матери к дочери, пока не осела в храме за морем. Это всеобщая святыня, вырвать её из лап пиратов – дело чести. Удивительно, до чего обнаглели морские разбойники! Плюнуть на это просто невозможно. Неисчислимые несчастья ждут того, кто посмеётся над материнской любовью Эи, позор и бедствия обрушатся на город, потерявший свой амулет, на семью, что не сберегла доверенное ей сокровище. Понятно, от простых людей, особенно на этом берегу, скрывают, что именно похищено – мало ли что. В нашей стране беспокойно по милости Корков. Вроде бы, союзники всего лишь собираются приструнить обитателей Лийских островов, хотя на самом деле, с помощью моей карты, обязаны обыскать их все и найти святыню. Песчинку в опавших листьях. Бесценная маленькая вещица может быть где угодно и у кого угодно. Может затонуть с одним их потопленных нашим флотом пиратских кораблей. Тот, кому доверят святыню, может бежать и спрятать её в любом месте планеты. Я сказал, что конечно, всё понимаю и уповаю на мудрость нашего короля, который не оставит город совсем без защиты.

– Не оставит, – мрачно поведал Далим. – Он и сам остаётся. Посылает в море сына. Чтобы опыта набирался. Это пойдёт королевичу на пользу.

– Ясно.

Я потёр лоб, мимолётно попытавшись вспомнить имя нашего королевича, потому что заморский гость ни разу так и не произнес его при мне, но, право, это ерунда. Было бы что вспоминать.

Мы с Далимом помирились, и вскоре уже просто болтали о том, о сём. Мне, правда, беззаботная болтовня давалась с трудом – я всё думал о пиратах, Корках, амулетах и картах. И тут звякнул колокольчик.

– Странно. Кто это?

*

Это была пожилая женщина, по виду экономка. Она держалась прямее, чем швабра, и сказала мне так, словно я был лошадьё ассенизатора, загородившей путь:

– Сударь, не пройдёте ли вы в дом господ Корков? Ребёнок анчу, называющий себя Рики Аги, искал клад на территории парка, прилегающего к особняку. Господа Корки рассчитывают с вашей помощью разобраться, в чём тут дело и по чьему наущению было совершено проникновение вашего брата на чужую частную территорию.

Наверное, она не экономка, а какая-нибудь приживалка из дальних родственников. Ишь, как выражается.

У меня потемнело в глазах. Очнулся я от того, что Далим тряс меня за плечо и спрашивал, не пора ли уже идти.

– Да, – пролепетал я. – Идите. Всего доброго. Хорошо, Рики не убили сразу. Что делать? Требовать суда? Он же просто, наверное, играл там с этой Лалой Паг.

Приживалка презрительно хмыкнула и ушла. Я тоже пошёл, но вышел со двора через садовую калитку – так путь короче. Назика и Далим шли за мной, хоть я и сказал им, что это моё личное дело, и я разберусь сам. На самом деле, я был не в состоянии даже задаться вопросом: а почему тётку прислали не к нашим родителям, а ко мне?

Мордovorот, стороживший высокие чугунные ворота, повёл меня и моих спутников через широкий двор, в обход красивого и огромного белого дворца, и у чёрного входа передал одному из слуг, а тот привёл нас в покои, обитые тёмными панелями, где в глубоком кресле, словно на троне, восседал сам папаша Корк. Мамаша нервно заламывала руки у окна и симулировала предобморочное состояние. Тут же в уголке таился Хрот, а за его спиной пряталась худенькая, бледенькая девица, та самая Мадина. Вид у неё был запуганный. А у моего сокровища, стоявшего у стены, нет, не зарёванный, но глаза всё же красные. Здесь топтались всякие разные Корки, не стоящие упоминания и, само собой, Лала Паг. Девчонка была так зла, так возмущена, что раздулась и скакала, как каучуковый мячик. Её прыжки были целенаправленными: она пыталась наскочить и загрызть папочку Корка. Косички угрожающе топорщились.

– Вы что? – орала она на весь дворец, а родственники загораживали от неё главу семейства. – Мы дети или что? Мы обязаны играть. О-бя-за-ны! Если дети не играют – они помирают от скуки насмерть. Мы играли в пиратов. Они спрятали амулет с волшебным изумрудом в дупле или под деревом, а у нас есть карта, и мы ищем клад. КАК БУДТО!!!

Знают ли в этих стенах, что значит «как будто»?

– Отпустите меня обратно в приют, я хочу домой! Я хочу играть с кем хочу! Почему я не могу играть с Рики? – надрывалась Лала.

– Потому что ты... – начал кто-то.

– Я тебе не Корка! – девчонка бросилась на него с кулаками, но я её перехватил.

– Миче, подойди сюда, – скорбным тоном велел главный Корк, хотя я уже был здесь. – Это что? – он сунул мне в нос листок бумаги. Жирный серый кот у него на коленях приоткрыл глаз и осуждающе махнул хвостом.

– Это – карта, нарисованная детьми для игры в пиратов, – объяснил я, потому что так оно и было.

– Но здесь нарисован мой парк! – взвыл Корк.

– Значит, рисовала девочка.

– Да, это я рисовала, – мигом вставила Лала. – Сразу после обеда.

– Если бы рисовал Рики, на карте был бы мой сад, – справедливо заметил я. – Вас не должно это огорчать, господин Кырл. Дети просто играли.

– Позор! – воздела руки к люстре мамаша. – О, какой позор для Корка якшаться с анчу!

– Я не Корка, – взвилась Лала.

– Дети случайно познакомились ещё в прошлом году, – попытался я обрисовать ситуацию.

– Ага! Вот ты и попался, Миче! – подскочил глава семейства. – Вот уже год ты вынашиваешь этот замысел. Переселение на улицу поближе. План парка. Подкоп. Использование несовершеннолетних в преступных целях. Это заговор анчу против нормальных людей.

– Папа! – возмутилась из угла Магина.

– Вы чего, какой ещё заговор?! – выступил Рики. А я спросил:

– А почему, собственно, вы меня записали в главари? Почему я, а не кто-то другой?

– Не знаю, – внезапно откровенно признался Корк. – Но ты просто вылитый главарь.

В конце концов, Рики – твой брат, а не чей-нибудь. Он незаконно пробрался в мой парк.

Лала снова не утерпела:

– Если я – ваша Корка, то имею право приглашать своих друзей.

– В общем, так, – сказал своё веское слово папа Корк. – Ты, Миче, и твой Рики, вы будете задержаны, и вас отведут в тюрьму.

– Правильно! – обрадовался я. – Вызывайте полицию.

Часть Корков гнусно захихикала. Несколько человек, из тех, что помоложе, поджали губы и опустили глаза. Магинка побледнела ещё больше и припала к плечу брата.

– Ты не понял, Миче, да? – скривив губы в усмешке, спросил предводитель шайки. – Не в ту тюрьму. В мой личный каземат. То есть просто в подпол. Будете ждать суда. Суд состоится... Ну да, состоится, наверное. Когда-нибудь потом. Я надеюсь, что не раньше. Пока ещё слух о вашем преступном деянии дойдёт до заинтересованных лиц! Уж я постараюсь, чтобы не завтра. Хотя и скрывать не стану, что вы задержаны и за что задержаны, это не в моих интересах. А прямо сейчас вам обоим достанется по двадцать плетей.

Я чуть не умер. Ладно я, но Рики, десятилетний мальчик!

– Это незаконно!

– Здесь я закон. Надеюсь, посидев в подполе, вы поутихните, – возразил негодяй.

– Да что они тебе сделали, папа? – подал голос Хрот. Его, ясное дело, не услышали.

– Меня тоже накажут? Тоже плетями? – взвизгнула Лала. – Это я позвала и нарисовала.

Я всем расскажу, так и знайте!

– Её уведите отсюда, – приказала Корка. – Заприте в чулане для нехороших детей.

Хрот и Магина робко переглянулись. Наверное, им вспомнилось собственное счастливое детство.

Упирающуюся и вопящую Лалу выволокли за дверь. Магина всплеснула руками и выбежала следом.

– Отпустите ребёнка – и можете запороть меня до смерти, если вам так хочется, – предложил я, задумавшись о применении боевой магии. Почему раньше не задумался? Да просто недостойно волшебника её применение против обычных людей. Вот это – вправду позор. Но, думается, я его переживу.

Рики, рыдая, повис на мне:

– Ничего не надо тебя запарывать!

– Весь город узнает о заговоре анчу. Причём, узнает тогда, когда мне будет нужно, – радостно потёр руки главный Корк.

Вечно он забывает, что я маг.

Я тоже потёр руки.

Итак...

– Ну всё, хватит, – подал голос, слившийся было с толпой Корков, принц Далим. Паршивцы зашуршали и примолкли.

А надо сказать, принц так и шеголял в местном наряде, снятом с меня, а я – в его кафтане. Когда он встал рядом со мной, кучка Корков охнула и откатилась назад. Далим заявил безо всякого предисловия – наверное, его знали в лицо:

– Братья Аги уходят со мной. Завтра ваш король узнает о недостойном и противозаконном поведении семьи Корк. Стыдно использовать детские игры как предлог для войны. Идёмте, Аги.

Мы двинулись за ним и Назикой прочь из этого места через главный вход и двор. И я боялся, что нас, всех четверых, каждую минуту могли убить. Меня и Рики – понятно за что, хоть это-то и не понятно, а наших заступников потому, что они свидетели противозаконного поведения. Но я напомнил шайке, что я волшебник, и засветил над нами и по бокам крошечные алые точки защиты и предупреждения: не тронь. Возможно, это была напрасная предосторожность и смешной страх, а может, и нет.

– Переночуйте у нас на корабле, – предложила Назика.

Мой чертёнок шмыгнул носом, выражая крайнюю степень восторга.

Я согласился. Мне было страшно.

Глава 7. Кораблик, идущий не туда

Я просыпался ночью то и дело и по привычке прислушивался к дыханию Рики и к звукам за окном. Я не впервые ночевал на судне, но звуки и ощущения здесь казались мне странными. Плеск и шорох волн, поскрипывание, покачивание, разговоры на палубе на чужом языке. Светлая дорожка в море заканчивалась прямо в этой каюте. В полусне я заново переживал события этого дня, пересматривал их так и этак. Но вот странность: не так меня тревожила выходка Корков, как мои собственные гадательные манипуляции. Мне чудилось озабоченное лицо Далима, почти моё лицо, и его вопросы, которые сейчас словно бы стали моими. Вот мои собственные карты, и та, на которой нарисован кораблик, идущий не туда...

НЕ ТУДА.

Всё это не шутки, нет, не шутки, не игры, всё слишком серьёзно, опасно и страшно. У меня семья и друзья в практически обречённом городе. Да, я говорил об этом Далиму, подавшись порыву, а теперь всё последовательно обдумал. Я так и этак рассматривал нынешнее происшествие, и оно стало казаться мне многозначительным.

К утру я решил, что разгадал пиратский план. Я был уверен, что прав. Мой дедушка много путешествовал по морям, он рассказывал о привычках и образе жизни морских разбойников, о том, как они коварны и хитроумны. Мне казалось, что я не глупей.

Я вскочил, как сумасшедший, едва лишь рассвело.

– Рики! – рявкнул я. – Вставай, подъём.

– Куда пойдём? Зачем? – сонно пробормотало моё сокровище. Я лишь сейчас заметил, что он весь поцарапанный. Или вчера удирал по кустам, или защищался, как герой.

– Поднимайся, – повторил я и выскочил из каюты.

Корабль этот был каким-то неправильным. Коврики, статуэточки, светильнички, гнутые и резные, и прочая ерунда, которая обычно не приветствуется на судах, тем более на военных. Но раз тут принц и его жена, то всё понятно. Смутно вспомнился рассказ о том, что здесь был проведён и свадебный обряд.

Я обратился к матросу на его родном языке и потребовал принца Далима. Тот остолбенел и выпучил глаза. Оно и понятно – я всё ещё шеголял в одежде его господина. Бедный парень, наверное, размышлял, не выцвел ли принц за ночь и не сошёл ли с ума. Требуется тут сам себя, понимаете ли. Кто-то подошёл сзади и положил мне на плечо ладонь.

– Сынок, – сказал помощник капитана, которому я был вчера представлен. – Принц и его супруга отправились во дворец к вашему королю.

Не повезло. Что их понесло во дворец в такую рань?

– Догнать? – задал я сам себе вопрос.

– Они верхом поехали, – ответил боцман, решивший, что я обращаюсь к нему.

Ладно. Во дворец я проникнуть не могу, но у меня есть кое-кто, кто проникнет и поможет отвести беду.

– Скорей! – ворвавшись в каюту, я поставил Рики вертикально, нацепил на него рубаху и выволок на палубу.

– Я есть хочу, – захныкал он. Бедный поцарапанный мальчик, наверное, весь разбитый после вчерашнего.

– Некогда, Рики, поедим у Чудилы. Если мы не успеем – быть беде.

– Какой беде? – сонно поинтересовался очень младший брат. – На нас с тобой нападут Корки?

– Нет, на город нападут пираты. Да, нападут пираты! Я знаю.

Я помахал изумлённым морякам, и мы с Рики покинули их судно и побежали по пристани.

– Пираты? Зачем? – недоумевало моё сокровище. – Клад искать? Мы с Лалой не нашли.

– Ты спишь ещё что ли? Дались тебе эти клады! – возмутился я. – Пираты – это серьёзно.

Они убьют всех и заберут себе твои игрушки. И книжки, – добавил я, чтоб его проняло.

Его проняло. Рики помотал головой, окончательно проснулся и ускорил шаг.

– Эй, Миче, Миче, но ведь мы же победим. Смотри, сколько кораблей.

– Все корабли уйдут. Всё затеяно для того, чтобы увести отсюда флот. Отсюда и от Сароссе.

– От чего?

– От города, где живёт Далим. Лийские острова гораздо ближе к нам. Как только корабли наших двух союзных стран отойдут на достаточное расстояние, на нас нападут, мы ближе. Чуть западнее множество островов, там наверняка уже прячется пиратский флот. А потом нападут на Сароссе. Хотя, если затеяли всё Корки, на кой чёрт им столица Джаты? Когда ни с чем вернётся флот двух стран, пираты вступят в бой, и, как предсказано, одержат победу. Или просто скроются, как всегда. Похищенная святыня – прекрасная приманка.

– Да ну тебя, – возразил Рики. – Зачем пиратам столицы таких больших стран? Они нападают на маленькие города, быстро их грабят и удирают с добычей. Им славно живётся на Лийских островах. Миче, зачем пиратам Някка?

– Чтобы их боялись. И ведь большие города богаче, чем маленькие. И ты слышал об их главаре Длинном Когте? Свирепом, беспощадном, бородатом анчу? Он непобедим уже двадцать лет, а то и больше. Может, он сам хочет стать правителем. Или, что вероятней, покрыть себя славой на много веков вперёд. Чтобы о нём пели песни и рассказывали сказки. Но нет, нет, это не так, это чушь. Я знаю, знаю, что задумано. То-то я всё ломал голову вчера, когда гадал: что-то не то. Что-то не сходится и, вообще, подозрительно. Интриги! Обман! Да, это они. Вчера я сам себе не поверил, но надо глядеть правде в глаза. Рики, представь, что наши Корки договорились с пиратами. Пока флот в море – тут нападение и полный разгром. Король остаётся в Някке, ведь пришло время его сыну, королевичу, набираться опыта. Короля убивают, на престол садится Корк. А кто виноват? Миче Аги, чей брат роется у них в саду с пиратской картой.

– Ну, прости!

– Да, наш народ всегда во всём виноват, и даже предводитель пиратства анчу, но Корки на посту. Вот вам Миче, которого они бдительно выследили, и изловили, и посадили в подпол. Его казнят, а Корки наведут порядок. Добьют случайно уцелевших анчу, ну и так далее. Малёк думает, что Корки опять готовят переворот, а контрабандисты обнаглели до предела.

– Прости!

– Ты не виноват. Не будь нас с тобой, придумали бы что-нибудь другое.
– Всегда цепляются к тебе!

Я засмеялся:

– Ты слышал? Я выгляжу, как главарь. Это прямо комплимент – ведь я вылитый принц Далим. А ещё говорят, что мы с Петриком похожи.

– Да просто твоя девушка нравится Кохи.

– Которая? – наморщил я лоб.

– Вообще закопался в девушках своих! – от возмущения мой очень младший брат даже остановился. – Ната нравится Кохи.

– А он ей? – озадачился я. Надо же! Вроде, кто-то мне об этом уже сообщал.

– Ей нравишься ты. Все об этом знают.

– Больше слушай, что болтают. – Я щёлкнул его по носу и подтолкнул, чтобы он шёл, а не стоял. – Мы с Натой просто дружим.

– Вот она возьмёт и выйдет замуж за Кохи, – на бегу пригрозил Рики.

– Это вряд ли. Ната Кохи терпеть не может. Но если любовь...

Я засмеялся, представив такое. Чтобы злобного Корка полюбила на редкость разумная и добрая девушка!..

– А если она выйдет замуж ещё за кого-то? – выдал Рики.

Остановился уже я. Как это «за кого-то»? Насчёт Кохи я мог не беспокоиться, Ната на него и не взглянет, но вот загадочный кто-то...

– Ты что пристал? – рассердился я. – Пусть её за кого хочет. Да. Какая мне разница? Ната не моя девушка. А кто он, этот «кто-то»?

– Понятия не имею.

– Тогда пошли, нечего стоять, – сказал я и остался на месте.

– Ага, испугался! – захихикал очень вредный брат. – Будешь потом спрашивать «которая»?

– Мы просто дружим, – отчеканил я и взялся за калитку дома, где снимал комнату Чудила. – Не открывается, – пожаловался я хохочущему Рики. Пошарил с той стороны рукой и заявил: – Задвижку переставили. Странно. Калитку перекрасили. И переделали. Где должен быть замок теперь петли. Что смешного?

– Гав, – сказал Чудила с той стороны и положил на калитку перед моим лицом мохнатые лапы с когтями и разинул прямо перед моими глазами здоровенную розовую пасть. Калитка задрожала и застучала под огромной тушей.

Мама моя! Как я улепётывал – это надо было видеть!

Наконец я остановился и оглянулся. Совсем загнущийся от смеха и запыхавшийся от бега, Рики ткнулся головой мне в живот.

– Батюшки! Что это было? – прохрипел я, пытаюсь выцарапать из горла бешено колотящееся сердце и вернуть его на место.

– Ты ломился в чужую калитку, а потом удирал, и пробежал мимо поворота. И всю дорогу меня тащил за шкуру, – повизгивая от восторга, рассказал мне Рики. – Ты оторвал мне воротник!

– Ой! Ой! – выкрикивал я, разглядывая кусок его рубашки в моей руке. – Кто это гавкнул? Собака? Не может быть!

– Коза, – сказал Рики.

– Коза? Не Чудила?

Мальчишка вообще сел в пыль и уткнулся мне в колени. Только и было слышно: «Ох!» да «И-и-и!» Тем временем я отдышался, огляделся и понял: действительно ломился не туда. Собачья морда до сих пор виднелась над чужой калиткой. Пёс жалел, что не успел откусить мне

руку или хотя бы нос. Поставив рыдающего от смеха братца на ноги, я довёл его до нужного поворота, доволоч до Чудилиного дома и затолкал во двор.

Увидав нас на пороге своей комнаты, Петрик запричитал откуда-то из её глубины:

– Эй, Миче, что с ребёнком? Рики, ты упал? Ты подрался?

– Ага. С Миче, – простонал ребёнок и брякнулся на коврик.

– Потерял сознание, – подскочивший Чудила схватился за голову. За Рикину. – Бедненький! Что с тобой?

Пыльный, исцарапанный, с оторванным воротником, стонущий на коврике, Рики вызвал у Чудилы желание немедленно бежать за доктором.

– Стой! – взвыл я, доведённый до предела. – Это у него от смеха. Не видишь, что ли?

Знаете, это, конечно, не правильно, но что поделаешь, так уж я устроен, что сужу о людях сперва по их отношению к Рики, а потом по всему остальному. С этой точки зрения Петрик достоин самого большого уважения и самой преданной дружбы с моей стороны. Мы познакомились года за полтора до рождения моего очень младшего брата, и, право, было умилительно видеть, как Чудилка нянчился с Рики, просто как я. Петрик почему-то близко к сердцу принимал мой страх за маленькое существо, он никогда не говорил, что это ненормально. Он умел успокоить мою тревогу за Рики и тревогу родителей о моём психическом состоянии. Ему я доверял разделять со мной мои заботы, потому что он искренне любит младшего Аги, невозможно это не почувствовать. Рики платил ему такой же беззаветной любовью и, подозреваю, что считал Петрика чем-то вроде меня номер два. Оба мы очень тосковали, когда Чудилкины родители, закончив в Някке за каникулы свои дела, увозили его в родной город, в школу. Мы писали ему без конца, и не могли дождаться очередного его приезда. Но сейчас мне было не до нежностей.

Я вылил на братца, коврик и Чудилу кувшин воды и, поставив Петрика перед собой, велел ему забыть о Рики и слушать меня. По мере того, как я говорил, его глаза делались всё больше, и вот уже полезли на лоб. К концу рассказа я почти успокоился и, оглядев комнату друга, закончил вопросом:

– Ты опять куда-то собираешься?

Бедный Чудила был так озадачен, что даже не сразу ответил:

– Ну да, собирался. Повоевать немного.

– Что?!

– Да. Я зашёл бы сегодня попрощаться. Я не говорил вам – зачем тревожить зря? Тем более, я даже не подозревал, что ты знаешь что такое пираты и что в море водятся корабли.

Рики, умывающийся над тазиком, захихикал и расплескал воду. Я не обиделся: они так всегда шутят, говорят, что я не от мира сего.

– Но послушай, Петрик, на войне убивают. Тебя могут убить.

– Да, – грустно сказал он. Чудила был сосредоточен и несчастен, теперь я это видел. Ему не хотелось воевать.

– Тогда зачем тебе это? Ты не моряк, не военный, ты не обязан.

– Как раз обязан, Миче, ты просто не знаешь, – рассеянно улыбнулся он. – Долг зовёт.

Но ты говоришь, что нападут на город?

– Я утверждаю!!! Где-то в наших островах притаился пиратский флот. И всё это нужно не кому-нибудь, а Коркам. Иначе какой вообще смысл красть Доброе Сердце Эи? Рассказать тебе ещё раз, как старый злыдень говорил, что я ему нужен, арестованный, в определённый срок для определённой цели?

– Ты не кричи громко о том, что украдено. Нельзя. Я тебя понял. А ты никогда не ошибаешься, Миче. Ты всегда прав, – также печально говорил Петрик.

Кстати, только он знал за мной это качество. Я уже устал отнекиваться. У меня было совсем другое мнение на этот счёт. Мне тысячу раз доставалось от родителей и учителей за то, что вот мол, и здесь я ошибся, и там не прав. А Чудила упёрся, утверждая обратное.

– Надо что-то делать, Петрик, – торопил я. – Меня не пустят во дворец, а тебя, или кого там – твоего начальника? – пустят. Да, начальник – это очень хорошо. Убеди его. Если стану я кого-то убеждать, мне не поверят. Ох, вообще никому не поверят. Я хотел говорить с принцем Далимом, но он ушёл. Я гадал – и сказано ведь: падение начнётся с невозможности поговорить. Ну не стой, чего ты стоишь?

– Возможность будет, – сказал Чудила. – Что вы собираетесь делать?

– У меня рабочий день, – напомнил я.

– О Эя! Ответственный ты наш! Придёшь домой – и сиди дома. По городу бродят Корки...

– И сухари, – подхватил Рики.

– Но я не могу сидеть! – воскликнул я. – Как можно сидеть, когда такие дела творятся?

– Я есть хочу! – снова заныл мой братец.

– Дома поедим.

Мы, трое, вышли на улицу. Лидия, Чудилкина квартирная хозяйка, всхлипывая, вытирая глаза и благословляя Петрика на всяческие подвиги, подвела ему Сокровище.

– Петрик! – позвал я и схватил его за руку. – Мы ведь увидимся ещё до твоего отъезда? Ты зайдёшь? Или тебя можно будет навестить?

Рики тоже схватил Петрика за руку и прижался к ней лицом.

– Мы увидимся, – с улыбкой пообещал Чудилка.

Потрепал Рики по волосам и ускакал куда-то вниз, а мы вернулись домой и едва успели позавтракать, как день пошёл по прежнему сценарию. Но всё время я думал о Петрике и о том, что лучше бы ему не ходить на эту войну. Он мой лучший друг – как мне дождаться и не сойти с ума от страха за этого чудилу? У Рики всё валилось из рук, и в конце концов он разрыдался горько-горько, и мне, забыв о двух ожидающих клиентах, пришлось утешать очень младшего брата и уверять его, что всё будет хорошо.

Глава 8. Благородное предательство

В районе обеда я нашёл своего замученного ребёнка крепко спящим на диване в кухне, а у него в ногах сидела... Ну, кто бы вы думали? Лала Паг. Она накрыла Рики покрывалом. Очень трогательно.

– Что, – спросил я шёпотом, – выпустили тебя из чулана?

Она вышла, я – за ней.

– Ха! Подумаешь, чулан! – первым делом заявила девчонка. – Кохи показал мне, как можно выбраться. Ещё в первый год показал. Там надо просто отковырять досочку в задней стене – и попадаешь на лестницу, которой не пользуются. Мадинка следит, чтобы под ней, в уголке, были спрятаны туфли, платье и кофточка. И расчёска.

– Зачем?

– Ну как же! Я же не пойду на улицу босиком и в одних трусах. И лохматой. В дождь, конечно, я совсем никуда не пойду, но зато на лестнице можно почитать. В чулане нельзя, там темно. В уголке надо книжку держать обязательно. Кохи, Хрот и Мадинка приходят ко мне поиграть. Но надо, чтобы приходили по одному, а то увидит кто – подумает, что это они втроём на старую лестницу ходить повадились. Но из слуг мало кто выдать способен. Те, кто постарше, кто Кохи, Хрота и Мадинку маленькими знал, наоборот, ещё вкусенького в шёлку просунут. Там до сих пор под матрасом на полу тёплое одеяло лежит, это кому-то из них, совсем давно, служанка добыла. Тётушка перед каждым праздником проверяет, чтобы в чулане

не было ничего, кроме матраса, но одеяла она не увидит, главное, его прятать вовремя. Так что нормальный такой чулан, ничего сложного, если хочешь удрать. Ну, конечно, я могу понадобиться, когда меня нет, поэтому выхожу совсем ненадолго, только если очень нужно. Нельзя подводить других. Никто из старших сам за мной не пойдёт, пошлёт кого-нибудь, а те меня прикроют. Ты бы, Миче, не дрался с Кохи, а? Я его люблю, он хороший. А в вашем саду тоже нельзя клад искать?

– В нашем можно. Что-то ещё? Раз ты удрала, значит, тебе что-то очень нужно.

– Да. Мне нужно. Я не хочу войны. Мадинка очень плачет из-за того, что её друг уходит в море, и его могут убить. Я знаю, где спрятали амулет города Сароссе.

– Ух ты! – вытаращив от изумления глаза, вскрикнул я. Не сдержался.

Удивительно, что Лала в курсе, из-за чего на наши головы упала эта война. Взяв себя в руки, я сказал осторожно:

– Я тоже знаю. Амулет спрятали пираты на Лийских островах. В глубоких пещерах.

– Нет. Амулет спрятали дядя и тётя в пещере, где я искала маму и папу. Только я тогда не подумала, что это он, и оставила его там.

– Откуда ты вообще знаешь про амулет?

Всё-таки я прав: Корки причастны к этой истории, и что-то такое обсуждали при девочке.

– Ну, просто тётя говорила дяде, когда они смеялись над теми, кто собирается искать его на Лийских островах: «Хорошо бы иметь такой кулон, как этот амулет. Красное сердечко в золотых ромашках, рубин такой большой». Я вспомнила, что видела это в пещере, в нише за маленькой дверцей. В коробочке. Я не стала брать, подумала – вдруг чужое? Вдруг призраки, или кто похуже, на меня рассердятся за это?

– Почему ко мне пришла?

– А говорили: «Вот, Миче дал принцу карту, но тот может хоть убиться, а кулона не найдёт». Я подумала: зачем кому-то убиваться? Давай достанем украшение и отдадим дяденьке, который вас выручил. Ведь он и есть принц Далим, правда? Только ты знаешь что? В полицию не ходи.

– Да, дела, – выдохнул я. Ведь Лала понимает, что сейчас предаёт своих родичей. Если я сейчас поведу себя неправильно, она будет терзаться всю жизнь, хоть и не любит старших Корков, хоть благодаря ей мы можем избежать большой резни и переворота. Зная, где на самом деле спрятана святыня, и не желая, чтобы война ворвалась в Някку, что она ещё могла сделать? Прибежала ко мне, надеясь найти союзника и помощника. Стоит и смотрит огромными, полными надежды глазами. Боится войны. Боится за своих злыдней, что запирают её в чулане. Боится за наш город также, как я.

– Почему ты к Петрику не пошла? – спросил я. – К Петрику Тихо? Всё сердисься, что он вынул тебя из подземной реки?

Протянув ко мне маленькие ручки в умоляющем жесте и еле сдерживая слёзы, Лала выкрикнула в отчаянии:

– Не успела! Уже уехал воевать. Совсем уехал, отдал хозяйке ключ. Ну как же так?

И девчоночка разрыдалась, обняв меня двумя руками. Боится ещё, стало быть, и за Мадинкиного друга.

Ну, что ж, ладно.

Я достану амулет и отдам его Далиму, не называя имён Лалы Паг и её негодяев. Не выдам им Лалу, а их королю.

Я сам предложил ей это, объяснив, как она права, как я благодарен и как боюсь, что о её визите ко мне узнают заговорщики.

Это неправильно, я знаю. Корки прямо-таки напрашивались, чтобы я выдал их с головой. Государственное дело – как я мог взять на себя смелость утаить такие сведения? Но между мной и заговорщиками стояла десятилетняя девочка.

Я поклялся хранить тайну.

И стал выспрашивать Лалу, как добыть Доброе Сердце Эи. Знаете, чем удивила меня моя гостья? Она настолько прекрасно ориентировалась на местности, что я спросил, шутя:

– А нет ли в тебе, Лала, капельки крови анчу?

– Глупость какая, – фыркнула дочь авантюристов. Это получилось у неё высокомерно и смешно. Торчащие косички от возмущения задрожали. – Вот, дорисовала я тебе подземную карту. И в пещерную речку, между прочим, меня потянула ужасная сила. Непреодолимая.

– Любопытство? – предположил я.

– Нет. Просто сила. Потусторонняя. Очень страшная. Ты, если Петрика увидишь, скажи, что больше я туда не поеду. Нет-нет. И обвяжись, пожалуйста, верёвкой, а то как бы сам не сорвался. Обещаешь?

– Конечно. Послушай-ка, Лала, а может ли простой горожанин вот так просто найти, положить в карман такую реликвию? Святыню всей планеты? Самому принести в Някку? Я никогда не думал, что к амулету Сароссе можно прикоснуться руками. Не накажет ли меня Эя за святотатство? Хотя, ничего не поделаешь, я уже собираюсь.

Говоря это, я вытащил из чуланчика замечательно крепкую верёвку, а в чуланчике, надо сказать, хранилось походное снаряжение деда и бабушки.

– Наплюй, – посоветовала девчонка. – Я трогала амулет, даже примерила – и ничего. А пираты и вовсе хватали. И даже украли. В конце концов, прикасайся через коробочку.

В конце концов, Доброе Сердце Эи – это символ любви к детям и внукам, может, Покровительница будет снисходительна?

Я немного утешился и выудил из чулана со снаряжением Лалу Паг, специалистку по тёмным комнатам. Снял с неё помятый шлем, отобрал ледоруб, отцепил паука, подарил флягу для воды и отправил домой, ещё раз повторив свою клятву.

Я рассуждал так: если принц получит доверенное его семье сокровище, у него не будет причин мчаться на Лийские острова. Его удастся легко убедить остаться с нашим флотом и сражаться с пиратами где-нибудь тут, защитить наш город. Я верну бесценную вещь её хранителю, но не передам лично в руки, а просто подброшу. И я так заботился о том, чтобы Корки не заподозрили Лалу, а Охти не заподозрили Корков, что совсем не подумал о том, что все, кому не надо, могут заподозрить меня.

Мне нужна была лошадь – и я помчался к Мальку. Он как раз полдничал, отославшись после ночной работы. Малёк у нас таможенник. Нас обоих звали на эту почётную службу, и я со своими природными данными и приобретёнными умениями мог сделать замечательную карьеру. Но во-первых, есть семейное дело, а во-вторых, чуть что, и всё повесят на меня, на то я и потомок анчу. На себя работать спокойней. Да и то – вон что творится.

– Малёк, – вытащив его во двор, зашептал я. – Нужна лошадь. Срочно! Я мог бы взять нашу, но мама начнёт задавать вопросы. А надо... ну... уехать дня на три – на четыре.

– Хорошо, – кивнул верный друг. – Мне привести лошадь к тебе?

– Да, если можно.

Другой бы принялся выяснять зачем и куда я еду, но только не Лёка. Он знает: если нужно, я расскажу сам, если не расскажу – значит, так нужно. Если его просят – он поможет.

– И придумай, что ты скажешь моей маме, когда она к тебе прибежит. Малёчек, на тебя вся надежда, – тараторил я.

– Иди, – сказал великан. – Я приведу лошадь.

Я наспех накарябал объявление, что в ближайшие дни приёма не будет, но повесил его не на воротах, а на входной двери, чтобы не мозолило глаза прохожим. И поставил на окна и двери необходимую в таких обстоятельствах защиту.

Прежде чем Рики проснулся и перекусил, я успел принять двух старушек, тоскливо взвизгивающих на объявление и с сожалением качающих головами. Не топтать же им ноги лишний раз.

Когда явился Малёк, я втолковывал очень младшему брату задачу нашей миссии. Мы едем за город, очень тайно и быстро, искать клад. Рики пришёл в восторг, а мой приятель – нет.

– Оставь ребёнка дома, – прошипел он, наклоняясь к моему уху с недосягаемых высот. – Отошли к матери.

– Нет! – испугался я и залопотал несусветную чушь: – Как это оставить? Я не могу. Мало ли что. Как это отослать? Маме сейчас не до него. Она начнёт беспокоиться, а ей это вредно. Начнёт задавать вопросы, а Рики – ты его знаешь, ничего не расскажет, потому что я его попрошу не рассказывать, мама расстроится, побежит охать к соседкам, слух, что меня нет в городе, дойдёт до Корков... Ты что, Лёка? Ты же знаешь, я не могу оставить Рики нигде. Э, погоди, зачем две лошади? – ахнул я, увидев их за садовой калиткой. – Слушай, ты молодец, что догадался завести их в переулок, но Рики я ещё не разрешаю скакать на коне одному.

– Я еду с вами, – заявил Малёк. – Не спорь. У меня выходные как раз очень кстати. Тебя надо охранять.

– Да нет, не надо.

– Отстань. В прошлый раз ты не успел ступить за ворота, как уже подрался с Кохи. Ты ж у нас с планеты Ви свалившись и головой стукнувшись. Вон, ребёнка с собой тащишь, причём, я чувствую, что не в гости. Нет, Анчутка, я буду с вами. Можешь мне даже ничего не рассказывать. Тем более, что Чудилка утром заехал на таможду и выложил всё про твои идеи. Ты извини, что я сразу не пришёл, устал очень.

Теперь вы видите, насколько противоположны мнения обо мне у моих друзей?

На самом деле я был рад, что Малёк едет с нами. Поэтому я рассмеялся и сказал, подсаживая Рики:

– Да я бы всё тебе рассказал, просто времени не было.

– Мы едем искать клад, – радостно возвестил Рики.

Взгромоздясь на могучего коня, Малёк поучительно произнёс:

– На твоём месте, дружок, я бы держал язык за зубами. Поиск клада – это очень тайное дело.

Наш таможенник молодец – прямо сразу видит суть.

Глава 9. Камень Керейчиките

По пути к воротам нам встретился Воки Ловкач. Он вывернул из переулка на улицу, по которой мы двигались, был одет по-походному и вёл в поводу коня.

– Привет! Куда едем? – крикнули друг другу одновременно и я, и он. А дальше мне предстояло врать о цели нашей поездки.

– Миче, – сказал Воки, – спасибо за кошелёк, Ната мне передала.

К Лёке Ловкач избегал обращаться. На данный момент они были в ссоре и не разговаривали друг с другом уже довольно долго. Оба мои приятеля служили на таможде, и у них там вышел конфликт. Вроде, Ловкача обвинили в каких-то махинациях и уволили, а Лёка не заступился. Даже сказал, что хоть и нет прямых доказательств участия Воки в махинациях, его не удивит, если со временем они обнаружатся. Но, поскольку доказательств действительно не было, Ловкача приняли обратно. Это Чудилка за него слово замолвил. Узнав об этом, Лёка и с ним поссорился и не разговаривал целый час. Отчего-то Малёк недолюбливал Ловкача. Говорил, что больно тот хитромудрый, слова в простоте не скажет. Лично я не видел в хитромудрости ничего ужасного и на таможде не служил. Однако, мне тоже было не слишком приятно общаться с этим человеком. То Воки был мрачен и агрессивен, то странно благодушен. То не желал даже попробовать вкусный ужин, приготовленный лично моей мамой, то, зайдя в гости, жадно поедал на кухне всё, что попадалось на глаза. Однажды съел прокисший суп. Одевался, вроде, нормально, но немного неопрятно, а изредка от него нехорошо пахло, словно он забыл

помыться. Мне не нравилась его манера вечно клянчить в долг у меня или Наты незначительные суммы, а у Чудилки – даже значительные, потому что Ловкач был тяжёл на отдачу. А когда он вдруг принялся ухаживать за Лорой, одной из моих любимых двоюродных сестёр, почему-то стал мне не просто неприятен, а отвратителен. Я засучил рукава и, поскольку не знал, где обитает наш Воки, отправился побеседовать с ним прямо на таможду. Хорошо, что по дороге встретил сестру, и она со смехом рассказала мне, что дала от ворот поворот «этому очкастому вонючке». Я обрадовался несказанно: надо же, какая здравомыслящая девушка моя сестра Лора! Тем не менее, Воки вызывал жалость, поэтому у меня не хватало духу совсем отвертеться от общения с ним. Время от времени он появлялся у меня дома и в нашей компании, где с ним добрее всех был Чудилка. Всё бы терпимо, да имелось у Ловкача одно свойство, которое я ненавижу. Злопамятен был Воки. Обидой он считал такое, что другие люди сочтут за милую шутку. Никогда не забывал, и припоминал время от времени: «А вот помнишь, ты мне сказал, что у меня чёлка встопорщилась и, я на ёжа похож, а сам...» Если же обида казалась ему более серьёзной, мог и напакостить человеку. Я видел: Воки старался обуздывать своё желание обижаться, но лучше при нём было не шутить.

Завидев Воки Ловкача, Рики сморщил нос и помахал перед лицом ладонью. Я пихнул его в спину: не дай-то Эя заметит и сделает моему брату какую-нибудь гадость! А Малёк вдруг заговорил с тем, кого подозревал в хитромудрых махинациях:

– Мы – в гости к моему кузену в деревню. Хочешь с нами? Но нужен подарок – у кузена день рождения.

– В деревню? – усмехнулся Ловкач. – Ну уж нет. Мне и в городе есть куда пойти. К тому же я и так только что из Заречки, а с деньгами не так чтобы очень хорошо. Я же сирота, кроме отца никого, а он пьёт...

– Ну, про это мы уже слышали, – напомнил «сиротке» Малёк. – Бывай, Воки.

– Пока, – попрощались Рики и я.

Про деревню и подарок Лёка сказал специально, чтобы Ловкач не увязался с нами.

– Брешет, – уверенно сказал мой ребёнок, когда Воки, ведя за собой коня, пересёк улицу, ведущую к воротам, и скрылся в нижнем продолжении переулка. – Как это он только что из Заречки? Заречка за рекой Няккой. Речные ворота на другом конце города. А он едет не оттуда, а туда. Или куда? К морю? Он что, там живёт?

– Может, у него там дела, – заступился я. – Может, ему надо заехать на службу. А может, и живёт. Странно, что у него с деньгами плохо: к Воки вернулся кошелек с кругленькой суммой. И знаете, может, Ловкач сам должен ехать в ту же сторону, что и мы, но не захотел иметь нас в попутчиках. Может, переждёт немного, да двинется следом. Не похоже, что он приехал, похоже, что как раз в путь собрался: не запылённый совсем и встретился возле самых ворот.

– А может, мы и сами брешем? – ворчливо напомнил Лёка. – Давайте лучше говорить о приятном, а не об этом любителе веселящего порошка.

Ого! Вот так новости! Любитель веселящего порошка! Это многое объясняет, например, съедение скисшего супа. Но понять невозможно, почему при таком раскладе Ловкача вернули на таможду. Меня аж передёрнуло:

– Фу! Надо поменьше общаться с Воки.

– О чём я вам всегда и говорю. Особенно Чудиле. Только ему ничего втолковать невозможно.

Мы выехали на закате и надеялись до темноты покрыть приличное расстояние.

По этой дороге школьные экскурсии и просто любопытствующие через маленький перевал попадают в долину Духов Гор, чтобы посмотреть на развалины древней столицы, стоявшей у реки Някки. Однажды река сменила русло, и жители покинули город, чтобы поселиться на её новых берегах. То есть, именно там, где мы все сейчас и живём. Но даже до той поры, когда поселение на старом месте начали называть городом и столицей, там всегда кто-то жил. Напри-

мер, народ анчу, когда-то многочисленный и сильный, обитал в окрестных горах и пещерах. Звалась эта пещерная окрестность Нтоллоу, и это была лишь одна из областей великой южной империи анчу. Столица пещерного государства располагалась здесь же. Обитали в долине и другие народы, более или менее древние, некие Красивые Горные Люди и даже воинственное племя, как говорят, явившееся через Проход из другого мира Вселенной. Оно принесло немало бед в низовья Някки, и было перебито за это объединившимися волшебниками анчу и этих самых Красивых Горных Людей. Есть мнение, что выбрались нарушители спокойствия в эту долину из пещер Нтоллы, где, якобы расположен Проход. Ага! Может, коварные анчу специально это устроили? Как бы там ни было, тогдашний союз волшебников то ли запечатал, то ли уничтожил известный им Проход во избежание новых несчастий. То ли обратились к Покровителям, и те сами перекрыли его.

Короче, в долине Духов Гор полным-полно развалин и камней, к которым ещё древние мамочки приводили древних детей и говорили: «Гляди, так жили наши очень-очень далёкие предки давным-давно. Современные люди живут не так. Гораздо лучше».

Там множество старых и новых храмов, свято сберегаемых фигур известных и неизвестных божеств и даже след Отца Морей, сохранившийся на камне. И всё это – предмет неусыпной заботы наших государей, историков, археологов, лесничих и просто разных граждан.

Немного не добравшись до этого места, Лала Паг отбилась от экскурсии и, увильнув в сторону, правее, пробралась к длинному и узкому морскому заливу, языком врезавшемуся в берег.

*

Мы ехали быстро, и к ночи остановились почти уже на перевале, в уютной гостинице, которых здесь, что воробьиных гнёзд. Рики был в восторге: надо же, неожиданно-негаданно вышло целое путешествие и ночёвка в горах. Правда, за ужином он непрестанно говорил об эскизе и заказе и о том, что и так потерял много времени, занимаясь с моими клиентами, и что я должен дать ему выходной, чтобы он хотя бы начал работу. Замучил нас с Лёкой. Я отправил братца спать, а мы с Мальком удалились в уединённую беседку, и я всё ему рассказал.

– Поражаюсь, – пробасил наш законник, – как некоторые умные люди верят всякой ерунде типа гаданий. Ладно, ты вынужден зарабатывать этим на хлеб, но Чудила! Чудила и есть. Оба свихнулись. Поднимете панику, всполошите больших людей. Вас не послушают, а если послушают, а вы окажетесь не правы, вас оштрафуют или даже посадят в тюрьму, ведь вы сорвёте важную операцию флота двух стран. Да, что ни говори, а пираты обнаглели невозможно. Другое дело – амулет Сароссе. Это вещественное доказательство. Или Доброе Серце Эи нельзя называть вещью?

– И вот прекрасный случай приструнить пиратов. Вспомни, как они распотрошили два городка где-то там, на севере. Где-то в прошлом месяце, – выразил я своё мнение, мечтательно глядя на ночное солнце Ви, зелёно-голубое и круглое, как голубые и круглые цветы вьющегося растения, обвинившего беседку. Если сорвать этот небесный цветок и понюхать его, окажется ли он таким же душистым? В голове словно сам собою начал складываться стих. Всё об опасной жизни моряка, о цветах и о Нате, которую я, конечно, по имени не назову. Помню, на выпускном вечере Ната была в платье воздушном и лёгком, как паутинка, и в жёлтом, как облако, набежавшее на светило. Я сделал ей венок, оторвав от колонны университета такую же точно ветку вьюнка. Хм. Ната нравится многим, это не секрет, но кто же нравится ей? Ещё вопрос, хорош ли будет её избранник? Я не допущу, чтобы абы кто полоскал мозги моей девушке. Нет, простите, подруге детства. Ну да. Если она попросит, я его побью. Или побью, даже если не попросит.

– Ау, – позвал Малёк. – Мне нравится, как ты ориентируешься в том, что происходит. «Где-то там» и «когда-то тогда». На два города в Тонке напали полгода назад.

– Ты не знаешь, Лёка, кто-нибудь нравится Нате? – спросил я совсем ни к селу ни к городу. Приятель пожал плечами:

– Ты ей нравишься, кто же ещё?

– Не знаю. Должен же ей кто-то нравиться по-настоящему. Не просто, как друг.

Было так тепло и душисто, так пела маленькая ночная пичуга и звенели комары, и так интересно на фоне тёмного звёздного неба рисовались чёрные силуэты гор... Мы сидим в ухоженном саду, но вокруг простор и дикость и необозримая ночь. И где же Ната? Что делает сейчас? Я бы хотел, чтобы она была с нами.

Оказывается, Малёк потому на меня так странно смотрел, что я бормотал сам с собой:

– Ну там, поцеловаться или ещё что... Должна же такая девушка с кем-то встречаться всерьёз. Сегодня, например. Ужас какой!

– Действительно, – согласился со мной мой друг и почему-то развеселился не в меру. Просмеявшись, он сказал:

– Не отвлекайся на лирику. Мы, вся наша компания – просто комарики, Миче. Будем зудеть и мельтешить – нас прихлопнут. Охти и Корки – ты представь, если мы попадём между двух жерновов. От нас и крылышек не останется.

– Ни от кого ничего не останется, если пираты и впрямь нападут. Я не хочу этого, Малёк. Я боюсь пиратов. Даже больше, чем Корков. У меня, к тому же, семья. Я, конечно, не планирую жениться, но у меня полно родни. Да, я понимаю, никого из нас и слушать не будут, но Чудила – он обещал. Я поговорю с принцем Далимом и подброшу ему амулет. Или сначала подброшу, а потом поговорю.

– Ох, Анчутка! Ты должен будешь амулет предьявить и во всех подробностях рассказать, откуда узнал и как достал. Если мы его найдём, разумеется. А иначе никто не поверит. А если узнают, что подбросил ты? Будет ещё хуже. Скажут: «Это Миче связан с пиратами и затеял всё лишь бы насолить Коркам». И объясняться всё равно придётся.

– Объяснять я не буду, – помотал я головой. – Пострадает девочка, Лала Паг. Я не хочу. И давай уже спать. Надо найти реликвию, а потом разбираться. И я не пойму, Лёка, что такое ты говоришь! Как я могу нравиться Нате? Мы с ней друзья.

– Нет, Анчутка, это мы с ней друзья. Я, Чудилка и Ната – такие закадычные друзья детства. А ты ведёшь себя с Натой как мужчина. Как влюблённый мужчина. Всегда так вёл. С детства, Миче. Но в последнее время особенно. Возмущает то, что при этом ты постоянно твердишь о том, что не намерен жениться и, как говорит твой папа, продолжать вашу славную династию.

– Но, Лёка, я действительно не могу жениться.

– Ну-ну.

– Мало того, что я так сильно боюсь за Рики, ещё не хватало мне жены! Я умру от страха за Нату... в смысле, просто за жену... за девушку... которая...

– Ну-ну.

Этот Лёка! Нет, чтобы поддержать товарища!

– В смысле, жену анчу могут тоже убить, если вдруг нападут на дом... мало ли... Я тебе объяснял уже: нельзя подвергать опасности Нату. В смысле, вообще, женщину.

– Ну-ну.

– Что ты заладил? Если Ната тебе друг, то ты должен понимать, что я не имею права ей нравиться. Понимаешь? – я с надеждой заглянул в глаза усмехающегося Малька.

– Я понимаю только одно, – ответил этот изверг, – что ты должен перестать пудрить Нате мозги. Девушки нацелены на брак. Девушка не может ждать вечно. Но Ната – она может. Она считает, что понимает весь этот твой бред. Ей почему-то кажется, что на свете нет никого лучше тебя. Но ведь и ты совершенно заиклен на Нате. Может, вас случайно запереть на недельку в каком-нибудь подполе, чтобы вы объяснились?

– Она тебе сама это всё сказала? – ужаснулся я.

– Если бы и сказала, я бы тебе не сознался, – туманно ответил Лёка и этим поверг меня в ступор. – Короче, если ты Нату не любишь, перестань вести себя с ней так, будто любишь. Чтобы у неё не было никаких надежд на тебя. А то я ведь и разозлиться могу, – добродушно закончил Малёк.

Я сидел и тупо пялился на него. Получается, что я нравлюсь Нате. Не может быть. Но она сама сказала об этом Лёке! Получается, я веду себя с ней как-то нехорошо, недостойно. Но почему? Как же так? Я не хотел. Никаких таких надежд не хотел я давать ни Нате, ни другой какой девушке. Но, надо признать, что никакой другой девушке я и не хотел бы нравиться. А вот Нате...

– А ты представь, Миче, что никакой опасности нет для твоей анчутской души, – подсказал Малёк. – Что тогда?

– Тогда? Что тогда? – бормотал я, задумавшись над этим всерьёз, потому что это, наверное, серьёзно для Наты. – Тогда я... Ну, тогда... Ты думаешь, надо всё-таки с Натой поговорить?

– О чём? Опять о факелах в саду? Миче, она это слышала.

– О ней. О Нате. О том, что опасность...

– Так пройдёт вся жизнь. А потом, в старости, ты скажешь: «Что за дурак я был, сломал судьбу себе и ей, а, между тем, ничего страшного всё нет и нет».

– Всё нет и нет, – ахнул я.

– Конечно, может, опасность и есть, – лукаво продолжал Лёка. – Для анчу и их семей всегда есть опасность, пока повсюду бродят такие, как Корки. Ну и что? Даже если вас убьют, то убьют счастливыми и сразу обоих – посмотри на это с такой точки зрения. До этого интересного момента вы могли бы жить в одном доме, никогда не расставаться. Она бы оставила эти свои поездки по реке, в которых пытается о тебе не думать, ты перестал бы о ней волноваться и торчать на берегу в ожидании. Могли бы вместе засеивать эти ваши клумбы, писать каракули на амулетах, бездельничать сообща, гулять, взявшись за руки, хотя вы и так всегда взявшись... Представь только, что когда она заваривает чай, никто не мешает тебе тарашиться на неё этим твоим преданным взглядом, даже Чудилка, который вечно орёт и вбегает не через дверь, а через окно, и когда ему вздумается. Ты сможешь на законных основаниях выставить его вон.

– Выставить вон Чудилку? – усомнился я в реальности этого.

– Если ты скажешь, что как раз собирался поцеловать Нату, он уйдёт, – обнадёжил меня Лёка. – Даже я уйду. Неужели ты никогда не хотел поцеловать Нату?

Проанализировав свои чувства и намерения, я пришёл к выводу, что всегда очень хотел. Но не признаваться же в этом Лёке. Я молчал, укусив себя за губу и повесив головушку. А вдруг Ната тоже хотела? Светлая Эя, что делать? Как я мог так издеваться над девушкой? Что мне делать, когда я вернусь в Някку? Что сказать Нате?

– Лёка, – прошелестел я. – Не могу я нравиться ей. Ты не прав. Я не тот парень, который может нравиться такой девушке.

– Это сказка, которую ты сочинил себе в оправдание. Плохо, что ты мой друг, как и Ната. Не то я бы тебя прилупил немного.

– Ладно, – сказал я, примирительно подняв руки. – Я понял. Я не должен вести себя, как мужчина. Тогда я разонравлюсь Нате.

– Ну-ну, – опять завёл Лёка. – Попробуй.

– Всё, я иду спать, – в полном смятении чувств воскликнул я, понимая, что ночь мне предстоит бессонная. Придётся хорошо обдумать своё поведение с Натой. Я хотел защитить её, но, если я ей нравлюсь, моя забота может обернуться для неё мучением. С другой стороны, чем раньше она перестанет питать всякие надежды, тем лучше для неё.

А для меня?

Если бы я не жил с таким сильным предчувствием беды, то уже полчаса назад попросил бы Лёку стать одним из моих сватов, как только мы вернёмся домой. Чтобы никто другой, нацеленный на брак, не посмел оспаривать моё право без помех целоваться с Натой.

По пустой каменистой дороге за оградой отчётливо простучали подковы – запоздалый путник гнал коня в сторону перевала. Стук смолк, до нас донеслись смутные отзвуки голосов: ночью, в тишине далеко слышно. Всадник решил заночевать в соседней гостинице, в той, что отделена от нашей всего лишь узкой дорожкой.

– Малёк, – позвал я, – как ведут себя невлюблённые мужчины?

По его виду можно было понять, что он огорчён таким моим вопросом, однако ответил насмешливо:

– А я не знаю. Спроси у своего брата – кажется, он единственный из нас, кто пока не влюблялся.

Шурша гравием дорожки, мы дошли до гостиницы. Вовсю заливалась птаха в кустах, а на востоке показалась сестра планеты Ви и нашей Винэи – Навина. Значит, точно пора спать.

– Красота-то какая, – умилился Малёк.

– Да, красота, – услышал я голос Рики. Оказывается, он сидел на перилах крыльца и любовался. Странно, что ещё щебетать не начал.

– Миче, – спросил меня этот единственный из нашей компании, ещё ни разу не влюбившийся человек, – как думаешь, что сейчас делает Лала? Жалко, что она не с нами, правда?

*

Что делать? Светлая, великодушная Эя, что делать мне с Натой? Даже когда я засыпал ненадолго, мой мозг всё искал и искал пути решения. На самом деле был всего один путь, но моя глупая душа противилась идти по нему. Когда я представлял, что мы с Натой навсегда останемся лишь друзьями детства, что она непременно обидится на меня на всю жизнь и, может быть, вовсе не захочет со мной общаться, я отвергал этот путь. Но, открыв глаза, я вглядывался в темноту и вслушивался, и оживали все мои страхи. И я уже не выносил груза двойной тревоги за двоих людей – за Рики и Нату. И не понимая, как примирить такие кошмарные противоречия, я на рассвете бросился в сад, выбежал из задней калитки на лужайку у лесного ручья, полного серебряного света и блеска, и обратился к тому, к кому на самом деле нельзя обращаться с просьбами, а можно только благодарить, если у тебя всё хорошо. К Радо – супругу светлой Эи. Но говорят, он благоволит мне, выбравшему его магию, как основную для себя. Поэтому я решил обратиться. Один-единственный раз в жизни.

Но когда я осознал, что шепчу в запальчивости, то вскочил и ушёл с этого места, пока покровитель светлой и радостной любви не разгневался на меня.

Вместо того, чтобы просить о том, чтобы Ната сама, прямо сейчас, вдруг разлюбила меня, если любит, конечно, я говорил о другом. О том, как было бы славно нам жить под одним кровом и вместе растить детей и красивые цветы, и вместе заваривать чай, и гулять взявшись за руки, хотя мы и так... И я вдруг принялся рассказывать Радо о том, какая Ната красивая, и славная, и как мне легко с ней, и я бы поцеловал её, и прямо сейчас попросил её руки, если бы не вечный мой страх...

И совсем не были похожи мои речи на просьбу, а были похожи на благодарность за будущее счастье, которое я только что разглядел.

И это было неправильно: получалось, что я ничуть не забочусь о Нате, не пытаюсь её уберечь.

Потрясённый таким своим эгоизмом, я шёл к гостинице. Я ждал, что на меня набросятся новые сомнения и страхи, что я буду переживать с утроенной силой, но на душе непонятно почему становилось спокойно, и ничего я не мог с этим поделать, и сверкающий ручей издаleка смеялся надо мной. Я решил, что это проделки весёлого Радо, который, как считается, любит иногда по-доброму пошутить с людьми. Это он, не иначе, заставил меня говорить вовсе

не то, что надо было. То, что следовало прятать в себе глубоко-глубоко. И после такого своего проступка я вернулся к Лёке и Рики с уверенностью, что вот-вот всё уладится, что всё будет хорошо, надо лишь подождать. А пока следует заняться насущными нашими делами. Занимаясь ими, я даже не то, что думал о Нате, а ощущал её, как ощущают солнечное утро, которое так прекрасно, что можно лишь любоваться им, не думая о том, что настанет вечер.

Я заказал завтрак и разбудил своих спутников. Очень скоро мы выехали из ворот гостиницы – надо было спешить, надо успеть вернуться, пока корабли не ушли в море. Всю дорогу я опять думал о Нате и о том, что вдруг действительно нравлюсь ей, но думал светло и легко, ощущая безмятежное счастье.

Вскоре мы были на высоком и крутом берегу, на горах, окружающих тот самый длинный и узкий залив. Ярко-синий, он плескался под нами далеко – далеко внизу. Нам предстоял долгий спуск по каменистой дороге, по которой уже, наверное, никто и не ходит, разве что искатели приключений, такие, как всякие Лалы Паг.

Чайки парили у нас под ногами, по обе стороны дороги цвели шиповник и кусты с мелкими, жёлтыми и белыми цветами, с ветками, похожими на длинные колючие плети. Воздух был сладким, как мёд, и по этой причине пчёлы и их родственники, ошалев, мельтешили всюду. Птицы уже затихали в предчувствии жары. По камням и кочкам бегали, и ползали, и прыгали мелкие обитатели гор. Рики совершенно слился с животным миром. Он тоже бегал, ползал и прыгал до тех пор, пока мы не оставили лошадей на площадке под деревьями. Дальше спуск становился уже и круче, а тропа была усеяна обломками камней и деревьев и заплетена колючими ветками так, что мы порой двигались, как в тоннеле. Малёк, который шёл последним, поставил Рики между нами и следил, чтобы он не изображал из себя чайку, желающую нырнуть в залив. Я прокладывал путь и придерживал колючки, чтобы они не хлестали спутников по лицам.

– Иди, не оборачивайся, – похохатывал Лёка. Он специально запустил меня вперёд. Если бы я шёл за Рики и наблюдал его на крутой тропе, я бы весь издёргался и ребёнка издёргал.

Залив становился ближе и больше – и вот мы уже на галечном пляже, а у наших ног белой полоской прибой играет море, совсем спокойное.

– Купаться! – заверещал мой очень младший брат.

– Да, кунёмся, пожалуй, – решили мы, и очень весело провели пару часов. Мы плескались и плавали, а потом перекусили и отдохнули в тени. Наконец, Малёк скомандовал:

– Ну давайте, анчу, ведите меня в свои владения.

– Ну пошли, – пригласил Рики, словно и впрямь был хозяином пещер, которых ни разу не видел.

Вход в них был со временем подтоплен морем. По обе стороны от него, вроде высоких колонн, сидели тёмные кошки, высеченные из скалы, а на их шеях белели колокольчики из другого камня.

Мы, обитающие сейчас в городах и деревнях, где жизнь веселее и богаче, не очень интересуемся историей наших предков. Ну, жили себе в пещерах – и что? Что там, у них, было такого интересного, в этих дырах? Да, мы держим в домах символы нашего народа, вроде фигурок таких вот кошек, сохраняем многие обычаи и имена, даже песни, помним язык и кое-какие предания. Но, в основном, история анчу мало неизвестна, имена героев – это имена из сказок.

– Вот скажите мне, – спросил Малёк, – зачем вашим кошкам колокольчики?

– Так положено было, – ответил я. А вот Рики взялся рассказать об этом больше.

– В пещерах было темновато и скучновато, а священные кошки ходили, где вздумается. Каждый колокольчик имел свой голос, чтобы хозяева слышали и радовались, и сразу находили свою кошку. Звон колокольчиков был чем-то вроде музыки. Кошки избавляли анчу от мышей, и с ними было веселей. Уставший путник, услышав звук многих колокольчиков, мог знать, что недалеко жилища и люди.

- Молодец! – восхитился Малёк.
- Откуда ты знаешь? – спросил я.
- Так от Хрота. Объяснял же: мы болтали в порту. Хрот Корк такой парень! Он всё-всё знает! Про историю там, или про обычаи. Про анчу рассказывать целый час может. Он не говорит, что мы плохие. Говорит – старшие из народов.
- Болтали, значит, – хмыкнул Лёка и выразительно на меня посмотрел. – Скажи, Рики, а откуда узнали, что Миче дал принцу Далиму карту?
- Кто узнал? – не понял мой очень младший брат.
- Да Корки же! Твоя подружка Лала своими ушами слышала разговор старых злыдней.
- Откуда? Я не знаю. С Хротом я болтал до того. Я, может, говорил Лале, когда мы в пиратов играли, но это так, просто к слову пришлось... Ну, и ведь знаешь, настоящий принц, да ещё с принцессой... А что? Это плохо? Миче не запрещал мне об этом говорить. Если бы я знал, что нельзя, то никогда...
- А что хорошего? – закатил глаза мой друг. – Не общайся ты с этой семейкой. Ни с кем. Ну их. – Лёка помолчал и добавил: – Прости Рики, всем известно, что ты никогда не разболтаешь того, о чём знаешь, что это секрет.
- Малёк! – позвал я, потому что меня осенила внезапная мысль. – Откуда вообще стало известно, что у меня есть карта? Это не секрет, но я ведь и не трепался об этом.
- Не знаю, Анчутка. А! Принцу Далиму наш собственный королевич сказал.
- Я с королевичем не разговаривал, – сразу отказался Рики. – Я помню, вы с Чудилкой карту рассматривали.
- Может, Чудилка ляпнул у себя на работе? – предположил я.
- Малёк засмеялся и, подскользнувшись, свалился в мелкую воду, по которой мы шлёпали до входа.
- Что ты всё ухохатываешься? – я бросил в него медузу.
- Да так, – пожал тот плечами, – смешно, что ты не знаешь, где работает Чудила.
- Знаю. Занимается охраной природы.
- Малёк сделал страшные глаза и зловещим шёпотом сообщил:
- Миче, какая такая природа? В ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ.
- А? А? – я подумал, что ослышался. – Как это так? Как это без меня? Почему не ска-
зав мне?
- Ох, Миче! – усмехнулся приятель. – Как это, не сказав? Он говорил. Уже очень давно. Только ты сидел, уткнувшись в закливание, в древнюю противную бумажку. Я так и понял, что ты ничего не услышал. Ты всё радовался, что это закливание для трёхминутной глухоты. Не сердись, Анчутка, – уже серьёзно проговорил Малёк. – Чудила для того пошёл туда работать, чтобы защищать таких, как ты, и Рики, и ваши родители.
- О!
- Да, именно поэтому, – продолжал Лёка. – «Ляпнуть» он ничего не мог. Только сказать специально.
- Королевичу?
- Почему бы и нет? Спросим у него при встрече.
- Ура! – воскликнул я. – Чудила устроит всё как надо.
- Не знаю, не знаю, – засомневался мой друг. – Кто такой Чудила? Новичок, один из мно-
гих, маленькая мошка, как и все мы.
- Знатный насекомовед наш таможенник.
- Чего тебе, Рики?
- Как чего? Хочу знать, кем работает Чудила. Вы чего тут говорили?
- Чудила работает чудилой. Как всегда, – снова захихикал Малёк.
- Работает на работе, – добавил я.

– А, ясно, – пробормотал пацанёнок. Он явно ничего не понял. Зато опять принялся дёргать нас с Мальком: – Ага! Зря вы на меня ругаетесь. Я вспомнил: про карту я Лале не говорил. Слышите? Я говорил, что приходил принц и хотел, чтобы ему погадали. Тут Лала сказала: «Давай играть. Давай в пиратов». Мы поиграли. У нас был бой. Потом она говорит: «Приходи вечером в парк ко мне, будем дальше играть. Я, – говорит, – нарисую карту, и будем клад искать. Как будто клад пираты спрятали. Ты будешь принц, а я – принцесса». Ну и всё. Это она сказала про карту и клад, а вовсе не я.

И он приготовился пустить слезу. Мы принялись просить прощения, а потом посмотрели друг на друга и спросили сами себя: ну откуда же Корки узнали, что я дал карту Лийских островов и пещер принцу Далиму?

*

Вот они, эти кошки и этот вход, в самом конце залива, и залив забирается внутрь. Мы добрались сюда, спотыкаясь о подводные камни и скользя по их бокам, заросшим водорослями. Малёк пробасил:

– Ну что, анчу, вы чувствуете какой-нибудь трепет или что-то такое?

– Да! – воскликнул Рики. – Я чувствую.

– Я тоже, – сознался я. – Страшновато.

– Кажется, вы имеете в виду разные вещи, – хмыкнул наш спутник, и мы побрели внутрь.

Вода закончилась там, где почти закончился свет. Мы поднялись на сухую ступеньку и там обулись, глядя на неровное яркое пятнышко входа. Лично на меня уже начали давить каменные стены и высокий потолок. Я не люблю таких мест, где нет солнца. Мне, как растению, нужен свет.

С широкой площадки в глубь горы шли два коридора. Нам, как я знал, надо было в правый. Рики и Лёка уже двинулись в том направлении, а я задержался.

– Миче, идём!

– Чего встал, Миче?

Между коридорами, в стену серого цвета, была вделана красноватая полусфера, окружённая буквами древнего анчутского алфавита. Написаны они были сохраняющимися века красками и расположены как попало.

– Не выковыривай камушек, всё равно не дотащишь до дома, – смеялся Малёк.

– А ты мне на что? – огрызнулся я.

Сам не понимаю почему, я принялся ощупывать и поглаживать полусферу и читать, что на ней написано.

«Человек, пришедший сюда с солёной водой на ногах, с именем сказки на лбу и со страхом в сердце, когда ты найдёшь то, что не нужно тебе, с собою возьми, иначе случатся несчастья и беды твой дом посетят».

– Мамочка! – закричал я и отшатнулся прямо в лапы Малька. – Что это говорит со мной?

– Чего так вопить-то? – расширил глаза Рики.

– Смотрите! – дрожащим пальцем я показал на полусферу. – Оттуда что-то говорит со мной такими серыми буквами.

– Там нет букв, – сообщил очень младший брат. – По краю красненькие есть, а на самом камне нет. Никаких серых букв.

– Как это нет? – я подошёл ближе. – Вот же они.

– Это не буквы. Это трещины.

– Это буквы!!! Очки надень.

Рики надел очки, но продолжал настаивать, что видит совсем пустой камень. Он водил по трещинам пальцем и, потеряв терпение, я постучал по полусфере ладонью.

В тот же миг серые буквы полыхнули, словно серые язычки огня, перестроились и выдали фразу: «Отстаньте. Сейчас ничего не скажу».

– Почему? – тупо спросил я.
«Потому что на детей не гадают».
Разумеется, я это знаю.

Рики оторвал ладонь от камня, чтобы покрутить пальцем у виска – и волшебные строчки моментально пропали.

– М... М... – попытался я заговорить. – Малёк. Положи сюда руку.

– Не желаю, – последовал ответ.

– Положи. Жалко что ли?

– Не буду.

– Послушай, этот камень – он волшебный. Он разговаривать может. Он тебе погадает. – Я рассказал спутникам, что мне померещилось – и они оба посоветовали подкрутить в мозгах некие винтики.

Я продолжал приставать к Мальку, он сдался и положил на полусферу свою большую лапу.

«Того, кто так верен и смел, путь ясен и прям, словно честное слово, и ласковый девичий взгляд награда ему».

Вот что выдал камень, когда я тоже коснулся его ладонью.

– Ничего не вижу, – продолжал отрицать Малёк. – Как же так? Мы с Рики не видим, а ты видишь.

«Маленький мальчик, в чьём сердце горит любопытство, станет вторым из адептов, что смогут со мной говорить. Пусть он приходит в час крайней нужды – и ему не смогу отказать я в совете».

Вот что я прочитал вслух – я всё ещё опирался на полусферу.

– Ого! – сказали мне спутники, а Малёк пошёл дальше и предположил:

– Если ты, Рики, второй, то ты, Миче, первый. Интересно. Спроси у камня, как нам быть в этой истории.

Не успел я осознать важность вопроса, как камень выдал:

«КереичИките – имя моё. Уваженья я также достойна, как тот, кто назвал меня камнем, совсем не желая обидеть. Кто прав – тот идёт к своей цели, коль знает, что прав. Знание ваше – во благо, и служит поддержкой для чистого сердца. Порой же, путь выбирая окольный, к цели скорее придёшь».

Прочитав это, я сказал, что мы молодцы и действуем правильно, только слова об окольном пути мне не понятны. Рики и Малёк чуть ли не носами уткнулись в полусферу, но всё равно не видели ничего.

– Слушай, Миче, а спроси у этой Креи... Крече... Короче, спроси, вы мне когда-нибудь купите ролики? – хитро прищурился мой ребёнок. Камень было начал: «Может быть, кто-нибудь с горки...» – и вдруг написание серобуквенной строчки прервалось.

– Ага! – воскликнул я. – Не дождёшься ты роликов – это опасно. В нашем городе только на роликах кататься! Можно ехать от королевского дворца без остановки до набережной, убиться по дороге насмерть, скатиться в море и утонуть. Нет уж.

Малёк опять загоготал:

– Бедный ребёнок! Твой ополоумевший брат лишает тебя всех радостей жизни.

Рики сверкнул глазами:

– Миче за меня боится, потому что очень любит, – заступился он. Камень же внезапно показал ярко – жёлтую строчку: «Сбой информации. Поломка. Ремонт».

– Эй, Кичипите, – позвал я, – ты что, сломался? В смысле, сломалась? Тебе не больно? Может, помочь? Может, ты голодная? – спросил я у камня. А потом у Рики с Мальком: – Чего смеётесь?

– Это же камень!

– Нет. Это Кикипичке. Она живая. А раз живая, то должна же она что-то есть. Оставим ей пирожка. Представьте, как ей скучно здесь одной. Бедная одинокая Чикипука. Даже сломалась от горя. Закашлялась от того, что долго не говорила.

Из заплечного мешка я вынул кое-какую еду и положил на пол. Малёк рухнул на четвереньки, уполз в проход и, кажется, скончался там от смеха. Рики, наоборот, замер и смотрел на меня, распахнув глаза.

– Ты самый добрый, – сказал мой очень младший брат.

Мы нашли нашего уползшего друга на полу в высоком тоннеле. Он в изнеможении колол пяткой по стене, а смеяться у него уже не было сил.

– Пикичика – это дух. Такой одухотворённый волшебный предсказательный камень. Камни не едят, дУхи – тоже, – простонал Малёк. – Даже я это знаю, а ты, волшебник, вон что творишь. Ой, не могу! Ой! Ой!

Рики это совсем не понравилось. Он насупился, надулся и отвернулся от Малька. Но я понимал, что сотворил ерунду какую-то. Я забормотал:

– Ну, это... Ну... Послушай, тебе не всё ли равно?

Внезапно Малёк ржать перестал, сел, вытер глаза и серьёзно сказал:

– О ты, подкармливатель булжников. Не обращай внимания на того, кого так сметишь ты – у него же ведь просто весёлый характер. Нет, Миче, в тебе кровь хозяев этих мест, и ты, как говорит Чудила, очень чувствительный. Ты, конечно же, прав. Просто очень смешно.

– И долго будем торчать в этом проходе? – потерял терпение Рики. Он так и рвался идти вперёд.

Держа перед собой фонари, мы двинулись по коридору.

Глава 10. Миче, принёсший солнце

Ничего такого ужасного не произошло с нами в подземной стране. Нам на головы не упал потолок, обвал не отделил нас друг от друга и не отрезал от выхода. Всё здесь было так прочно, добротнo и надёжно, что я сразу же это понял и перестал опасаться, что меня прихлопнет камнем. На нас не бросались из щелей голодные хищники. Да, что-то действительно шуршало и шелестело, а местами даже мяукало, но никого страшнее летучих мышей мы не встретили. Временами вредный Рики принимался завывать, а эхо ему гулко отвечало. Вот это действительно был кошмар. Пришлось потрясти за шкуру противного ребёнка, чтобы он перестал нас пугать. Думаю, хищники передохли от ужаса, они ведь привыкли к тишине. Не было здесь никаких бандитов, хотя для них не нашлось бы лучшего убежища. Мы спокойно шли по коридорам, которые то понижались, то повышались, то нам встречалась лестница, то пещера. Пещеры – это красиво, но не комфортно. Света немного было – он проникал через маленькие щёлки, в основном, справа, но я не понял, где у древних людей канализация и водопровод. В пещерах грязно и холодно. Ноги скользят по сырости и спотыкаются об обломки. Что-то хрустит. Наверное, кости загрызенных теми самыми кошками крыс. Или скончавшихся с голодухи бандитов и их невинных жертв.

Додумав до этого места, я охнул и прыгнул в сторону. От неожиданности Рики свалился в ямку, а Малёк, выхватил нож и встал над ней, готовый защищать моего сорванца.

Постояв в стороне, я пришёл в себя и решил, что давно скончавшиеся кости – это не так уж страшно, мужественно взял себя в руки и вернулся на тропу.

– Вы чего? – спросил я Малька и высунувшегося из канавки Рики.

Лучше вам не знать, какими словами мы поругались по этому поводу.

Очень задерживали продвижение рисунки, которые действительно были крайне пучеглазыми.

– Отчего это они такие? – с дрожью в голосе поинтересовался Малёк, увидев первый рисунок: четверых полуголых, непропорционально длинных анчу, нацеливших острые копыта на двух горбатых расвирепевших быков, роющих копытами землю. И те, и другие обладали глазами размером с детский мячик.

– На них, наверное, очки, – предположил я, протерев свои.

– На быках тоже? – усомнился Малёк.

– А почему нет? Слепые анчутские быки случайно затесались в пещеру.

Я, конечно, шутил. Анчу охотились в горах и долинах. И даже рыбачили на море. Поддерживали огонь в маяках, поднимаясь на грубо сложенные башни из прибрежных пещер. Потому что в бухтах у подземных городов имелись порты. Анчу были искусны в ремёслах, добывали драгоценные и поделочные камни и вели торговлю. Путешествовали на ладьях по рекам и составляли карты. Собирали плоды в лесах, а были поселения и под открытым небом, где растили сады и засеивали поля и огороды. И ковали оружие, потому что за эти клочки земли шла борьба между племенами. Лучшими волшебниками на Винэе всегда считались анчу. Многие места, реки и города носят названия на нашем языке. Когда-то влияние анчу на жизнь всех племён было огромным, но однажды настали Мрачные времена, холодные и голодные, отмеченные страшными эпидемиями. Тогда всем народам, всем племенам пришлось плохо, но анчу, обитавшие в пещерах, пострадали значительно больше других. Болезни и голод унесли многих, а правители нашего народа, дети королевы Унагды Агди, проявили себя в ту пору с худшей из сторон. Перессорились страшно, и, вместо того, чтобы беречь жизни своих подданных, без конца затевали склоки, стычки, смертоубийства. Отзвук этих распрей не мог не коснуться племён с поверхности. Отношение к анчу переменялось, доверие к их царствующим семьям угасло. С тех пор на Винэе существует правило: ни в одной из стран престол не может занять анчу. Наверное, это справедливо, судя по тому, сколько бедствий принесла всем народам тогдашняя вражда наших правителей. До сих пор старики, осеняя себя знаком Эи, рассказывают о несправедливостях, набегах на города и замки, тайных убийствах и несоблюдении карантина, что вело к распространению эпидемии из пещер анчу.

Но эти большие трагедии – дела далёкие и не наши. Нынче же мне было весело после общения с волшебной полусферой и тянуло на проказы.

Глянув на меня, как на анчутского быка, Малёк приготовился загоготать, но Рики сказал:

– А я знаю, почему такие большие глаза. Потому что темно, и бедным анчу приходилось постоянно таращить глаза. Приходилось ценить свет превыше всего, а то, что ценят больше – то и рисуют крупнее. Традиция всех народов всех времён во всех мирах. Народ тонунда главным считал силу рук, ну там побить всяких анчу или быка за копыто поймать. Тонунда вымерли, потому что мозгов у них не было. Руки они рисовали размером с поленья, а голову обозначали маленькой точкой. Это мне Хрот рассказал, он всё знает.

– О! – только и вякнули мы с Мальком и, покачав головами, двинулись дальше.

Рисованные фигуры таращились на нашу компанию отовсюду.

С разнообразных уступов, из ниш и даже с потолка. Некоторые были прямо как живые, и от их пучеглазых взглядов становилось не по себе. Попадалась резьба по сталактитам, очень искусная, надо сказать, но оплывшая. Когда-то – это знали все – она была украшена не слишком дорогими самоцветами, но их давным-давно выковыряли нехорошие люди.

Рики был в восторге. Он насобирав множество черепков, наконечников стрел, обломков инструментов и всяческих поделок и древних пуговиц. Весь этот хлам он собрался тащить домой. Ну и ладно. Пусть его тащит. Лично я нашёл три кошачьих колокольчика и был рад, как младенец, увидевший маму.

Лала очень хорошо описала и начертила дорогу, заблудиться было невозможно. Двигаясь всё правее, мы уже, наверное, обошли залив под горами.

– Хочу увидеть анчутский дом, – ныл Рики. Очень скоро мы имели возможность хорошенько такой дом разглядеть. Да не один, а большое количество.

Сначала нам стали попадаться лестницы, узкие и неудобные, корявые какие-то, ведущие в отверстия в стене. Вроде как в большие норы. Мы не удержались и заглянули в некоторые. Одни из этих нор были просто маленькими гротами, другие – поглубже. Кое-какие имели две или даже три комнатки. В потолках – малюсенькие, не больше Рикиного кулака отверстия для освещения и вентиляции. Прошло немыслимое количество лет, а здесь сохранились остатки очагов и обломки, в которых при очень большом старании можно было опознать останки утвари, украшений, оружия и игрушек. Никто никогда не приходил сюда с исследовательской экспедицией, никто с трепетом не уносил отсюда в музеи предметы анчутского быта. Мы, как дурачки, насобирали всяких бусинок, не имеющих никакой материальной ценности. Рисунки здесь были совсем примитивны. Так, глаза на ножках.

А вот дальше лестницы стали шире, удобней и ровней, слились в одну, в глаза ударил свет, он лился сверху и показался нам очень ярким, хоть это были уже сумерки там, над горами, лесом и морем. Я представил, как здесь красиво солнечным днём, когда от отверстий в потолке и стенах стоят столбы яркого света, в них кружатся пылинки, а бежевые стены сразу поднимают настроение, после серых-то. Раньше свет будил искры и блеск в растащенных теперь самоцветах, украшавших всё. Здесь сохранились высеченные из камня фигуры, уже более современные, без такой жуткой пучеглазости. В смысле, почти без неё.

– Здесь, – шепнул Рики, разглядывая рельефы, – должна быть история про очень древнего героя Миче, слышишь, Лёка? В его честь назвали моего брата. Так-так-так. Где же, где?..

– Что сделал этот герой? – посмеиваясь, подначил Малёк, хитро глядя на меня. Всем известно, в честь кого меня назвали.

С дрожью в голосе Рики просветил его:

– Миче принёс людям СОЛНЦЕ!

– Ясно. Прорубил эти дырки.

– Нет! Мрачные времена! Очень много месяцев, а может, даже лет было очень холодно, и моросил дождь, и даже выпадал снег, и не таял лёд, и совсем почти не было еды, а плоды плохо созревали. Из-за тёмных, густых, низких туч совсем не видели солнца, хотя, дневной свет всё же был, но тусклый и серый. Всё в мире отсырело, и все начали болеть. Народ анчу стал вымирать. К тому же что-то случилось – и горы опустились, а море поднялось и подтопило пещеры. Это очень всех напугало, тем более, что река Някка сменила русло. Сначала никто не знал, куда делась река, и был ужасный переполох, особенно в долине. Подземные потоки тоже стали течь куда попало – это нанесло ущерб. В долине решили, в этом кошмаре виноваты анчу, а они решили, что виноваты те, кто из долины, ну и передрались. Потом все зачихали и заболели. А тот Миче – он был совсем молодой, но очень переживал. Он отправился бродить по свету в поисках божественной мудрости...

– Мудро, – съязвил Малёк. – От эпидемии и драк надо держаться подальше. Надеюсь, он захватил свою семью?

– Кто же странствует в поисках мудрости с семьёй? Скажешь тоже! – Рики выпучил глаза не хуже анчутских быков. – Вернувшись, тот Миче стал говорить, что можно искусственно сделать солнце. Над ним посмеялись и прогнали, но он не успокоился. Он нашёл единомышленников – и они сделали такие приборы, которые светились и обогревали пещеры. Сразу стало меньше сырости, и все стали меньше болеть, особенно мужчины. Очень Злой Шаман пришёл к Миче и сказал, что эти приборы надо продавать как можно дороже, и он может это устроить, но Миче не хотел. Ему надо было, чтобы люди не болели и продержались, пока не пройдут дожди и не вернётся настоящее солнце. Миче посмеялся над Злым Шаманом. Он собрался сделать большой светящийся прибор и поставить его на большом пустом месте, чтобы вообще стало светлее и теплее. Но Шаман начал говорить гадости про Миче и настроил против него

очень многих, и даже королеву Унагду Агди. Ей вообще было не до светильников, потому что это именно её дети враждовали и убивали друг друга, и были злодеями жуткими. Когда солнце было совсем готово, случилась беда. Народ собрался на торжественное включение, а прибор сорвался с потолка или с пьедестала и зашиб много людей. Его так ни разу и не засветили. Это, конечно, подстроил Шаман. Он сказал, что Покровительница Эя зла на Миче за то, что тот изменяет сущность данного нам воздуха.

Малёк хмыкнул:

– Того Миче и его учеников растерзали в ту же секунду. Эй, Рики, ты не этот рельеф искал?

– Да. Его. Вот видите, Очень Злой Шаман. А вот этот самый Миче. Красивый, правда? Да, всё так и случилось.

– Приборы поломали, записи уничтожили. Но вспыхнула новая эпидемия и унесла много жизней. Да, Рики?

– Точно. Кто не сдал свои домашние солнца, заболели и вымирали целыми семьями, целыми общинами, особенно женщины и девочки, щенки и котята. Очень странной была болезнь. Говорили, её наслал Злой Шаман за неповиновение. Потому что те, кто сдал своё солнце, как раз выздоравливали. Это тоже проделки Шамана. Но тут уже и настоящее солнце явилось, потому что тучи рассеялись.

– Да, – подтвердил я, – это время неспроста называется Мрачным. Именно с большой непонятной эпидемии началось угасание народа анчу. От сырости и раздоров стало тяжело жить в пещерах, и мы начали искать пристанища на поверхности. А в ту пору все народы обвиняли друг друга в своих несчастьях. Особенно виноватыми, конечно, оказались анчу. Из-за передравшихся правителей, детей королевы Унагды, и потому что отличались ото всех. У нас почти не было своих земель, хоть мы и обитали, кажется, повсюду, где есть горы и холмы. Нам пришлось просить помощи и убежища, налаживать отношения и следовать чужим обычаям, одновременно пытаясь хоть как-то уберечь свои. Отсюда такое непростое отношение к анчу. Но я понимаю, конечно.

– Это не ново, так всегда и бывает, – кивнул Малёк. – Я знаю. Королева умерла во время эпидемии, и вождём анчу стал Петрик Справедливый, пришлый человек с обычным цветом кожи. Он родился на поверхности, но осиротел. Его воспитали в пещерах, и он вырос очень мудрым человеком. Вождю удалось помирить людей из долины и своих подданных. Дело это было непростое, потому что были ещё живы некоторые из враждующих потомков Унагды Агди, правящей в Мрачные времена. Он женился на королевне Някки, потом стал королём нашей страны, и настали хорошие деньки, когда никто не ссорился, а анчу и все прочие спокойно жили все вместе. Род Петрика Справедливого правил долго. Но праправнук не оставил наследников, и тогда к власти пришли Охти, а Коркам стало обидно. Вот так начались новые раздоры.

– Точно, – улыбнулся я. – Но спроси, откуда это знает Рики. Я скажу. Из школьного учебника. Вот до чего дошёл прогресс.

– Да уж. Мы этого не проходили, сказка о Миче передавалась из уст в уста, – ответил мой друг и поспешил вперёд.

Я чуть-чуть задержался. Я рассматривал Очень Злого Шамана, который стоял, всем своим видом выражая осуждение и гнев. Что-то знакомое в нём... Поза? Выражение прекрасно сохранившегося лица? Одежда? Что?

Я так и не понял. Ещё некоторое время ломал голову над этим, а потом плюнул и забыл.

Умный Рики, просвещённый дедом, учебником и Хротом, прочёл нам лекцию о том, что недавно мы видели древнейшее поселение анчу, а теперь видим более современное, комфортное. Просторные пещеры-дома, колодцы, вентиляция и...

Прямо из чьего-то дома нам открылся вид на море, тёмное уже, и небо в первых звёздах, и далёкий мыс Трис, перед которым когда-то и заканчивала свой бег великая Някка. Он

был узким и длинным, и совсем чёрным. Об него разбивалась и им пересекалась блестящая дорожка от низкой ещё планеты Ви. И начиналась дорожка от маяка.

Лестница выводила из пещеры прямо в маленький дворик, жавшийся к горе. Вокруг, тут и там, виднелись такие же, огороженные камнями площадки и чёрные входы, из которых вылетали и в которых скрывались летучие мыши и совы. Очень высоко над водой. Очень далеко до вершины. Со всех сторон неприступный городок.

– Заблудились, что ли? – ахнул Рики.

– Увлечлись, – откликнулись мы с Мальком. – Заночуем здесь, а утром найдём, что нам нужно.

– Здорово! – подпрыгнул мой очень младший брат.

Глава 11. Доброе сердце Эи

Замечательной была эта ночёвка. Тёплый ветер, плеск моря, шелест веток в заросшем дворике, голоса ночных птиц... Так хорошо! Ната любит походы, поездки, посиделки у костра, песни и дурачества. С ней было бы веселее. У неё есть читра, и она так красиво поёт! Я глядел на море, играющее светом планет-сестёр, Ви и Навины, и светом маяка. Вспоминал Натины руки, тонкие пальцы на тонких струнах, чуть застенчивую улыбку и слова стихов, сочинённых мной для её песен. Если бы она была с нами, я сорвал бы для неё гибкую цветущую ветку, свисающую сверху, из другого двора, вплёл бы ей в косу. Когда мои спутники уже спали, я всё думал о Нате и говорил ей мысленно какие-то странные слова о красоте моря... И о её красоте. Я скучал по ней также, как тогда, когда она надолго уезжала из Някки на практику или по делам своего отца. Но вот голубоватая Навина показалась из-за горного уступа и глянула на меня радостно, как вернувшаяся Ната. Я чуть зажмурился – и заснул.

Мне казалось, какой-то зверёк спал на мне всю ночь. Я ощущал чьё-то мягкое тельце то на спине у себя, то на боку. Но никак не мог до конца проснуться, чтобы посмотреть. Со зверьком уютней, если он не кусается. Скорей всего просто кошка, полно их, диких, в этих местах. Но, если она тоскует по людям, я заберу её с собой, пусть живёт у меня. Однако, утром никаких животных не было поблизости.

Я спросил Малька:

– Кончились твои выходные? Смотри, уволят.

– Вот и славно, – буркнул он. – Твои тоже заканчиваются.

– А я сам себе начальник.

После завтрака мы вернулись на площадку с рельефами, взяли чуть левей и увидели лестницу, на этот раз ведущую вниз. По ней мы и начали спускаться, помня инструкции Лалы Паг. Мы спускались и спускались, а в разные стороны то и дело разбежались коридоры, много разнокалиберных подземных дорог, на которых так легко заблудиться. Но хитрая и настырная Лала Паг всюду понаставила мелом путеводных крестиков. Точно есть у девчонки какие-то указания от лазивших всюду родителей.

Вот когда мы поняли, что значит «недра гор». Коридор местами сужался так, что мы протискивались боком.

Наконец стены совсем сошлись под острым углом, и Малёк вопросительно глянул на меня из-под потолка. Его лицо, освещённое фонарём, казалось копией планеты Ви. Но я-то знал, что делать.

Там, где сходились стены, я нашупал в углублении рычаг и резко опустил его вниз. Стены бесшумно раздвинулись, и мы прямо сразу оказались в никак не облагороженной человеком пещере, полной сталактитов, сталагмитов, каменных, хаотично накиданных природой глыб, неведомых закоулков, неожиданных провалов, промозглого холода и грохота быстро несущ-

щейся воды. Где-то там, в темноте, пещеру пересекал стремительный поток. Она была бесконечно огромна.

И, между прочим, Лала Паг проговорила, что знает, что в пещеру можно попасть разными путями, а не только так, как мы вошли.

– Сто лет уже чапаем, – проворчал мой очень младший брат и плюхнулся на камень на пороге пещеры.

Мы все присели отдохнуть, и Малёк сказал:

– У тебя на спине шерсть, Анчутка. Загрыз ночью летучую мышь?

Он снял с меня несколько сизых клочков.

– О! Я думал, мне приснилось, – воскликнул я. – Представьте, ночью на мне спал зверёк. Да-да, прямо на мне. А утром пропал.

Малёк проявил беспокойство и выдал:

– Хорошо хоть не искусал.

– Я ему искусаю! – вскричал Рики. – Ты что, Миче? Нечего кусать зверушек!

– Балбес! Побеспокоился бы о брате, – отругал его Лёка, и мы двинулись в пещеру.

И сразу же чуть ноги не переломали и едва не убились насмерть. Идти оказалось совершенно невозможным.

– Оставь пацана здесь, – призвал к моему разуму Малёк. Но мой разум глух, когда речь заходит о Рики.

– Оставить? Как это? Я не могу оставить, – залопотал я. – Это опасно!

О том, что пробираться по поверхности, сплошь состоящей из углов, ям и грязи, гораздо опасней, я не думал. Я нёс фонарь и придерживал Рики. Понятия не имею, как мы добрались до подземной реки.

Со слов Лалы я знал, что она хотела перебраться на другой берег, и для этого пыталась спуститься к потоку. Чуть в стороне, левее от места своего спуска девчонка и обнаружила пустую комнату с нишами в стенах. В одной из них якобы находилась коробочка с амулетом Сароссе. Кто-нибудь знает ребёнка, который при виде интересного и таинственного помещения не заглянет туда? Любопытство Лалы спасло ей жизнь, хотя обычно бывает наоборот. Пока она рассматривала Доброе Сердце Эи, подросли взрослые, что разыскивали дурочку, и Петрик успел схватить девчонку, когда та, покинув непонятную комнату, продолжила спуск и едва не сорвалась с крутого берега вниз.

Брр! При взгляде в непроглядную пропасть меня затошнило от страха.

– Миче, освети дно, – попросил Рики. – Ничего не видно.

– Не хочу, – холодными непослушными губами произнёс я. – Не желаю видеть ничего там, внизу. То, что нам нужно, где-то здесь. Чуть пониже.

У меня застучали зубы, да так громко, что их клацанье заглушило рёв потока. У меня вспотели даже очки. У меня волосы встали дыбом. Где-то там, внизу, на том берегу, пряталось нечто кошмарное, таящее угрозу. Оно там было всегда, с начала мира. Оно только и ждало, когда глупая Лала приползёт ему в пасть. Оно бы сожрало её, как до того сожрало её родителей.

Почувствовав ЭТО, Рики – вот неслыханное дело! – отступил на шаг. Малёк, который не был волшебником, не ощутил ничего, и по своей привычке приготовился хихикать и насмешничать. Сказать что-то вроде того, что я только с Корками пререкаюсь молодец.

Мне было так страшно, и я так боялся, что невидимый кошмар причинит вред этим двоим, что всё-таки поднял руку и призвал свет, и осветил весь чёрный провал, всё русло реки от края до края пещеры.

Мои спутники заслонили лица руками, но как только привыкли глаза, мы стали с любопытством и страхом вглядываться вниз.

Обычная горная река, чьи берега завалены острыми и угловатыми обломками сверх всякой меры, а бег стремителен. Берег с нашей стороны был крутым и отвесным абсолютно везде,

но там, где мы стояли, сохранилось подобие ступенек. Собственно, нормальной лестницей это не было никогда. Прямо под нами, поперёк русла, из воды торчали плоские камни, по которым можно было перейти реку. Мы с Рики схватились друг за друга и ахнули:

– Мамочка!

– Вы что дрожите? – удивился Малёк.

– Давайте скорей уйдём, – пропищал мой очень младший брат.

– Да, давайте, – одобрил я.

– Э, э! А кулон? А пираты? – напомнил нам наш таможенник.

Ах да. С перепугу я забыл, зачем мы здесь.

– Что с вами случилось? – допытывался Малёк.

– Вон там, на том берегу, прямо за камнями что-то ужасное, – пролепетал Рики.

– Прямо в обрыве, – подтвердил я. – Никогда не думал, что доведётся быть рядом с постоянным защищённым Проходом. Ощутить на себе силу древней защиты. Чудилка прав. Портал существует.

– Это всё-таки портал, Миче? Точно? Не живое существо?

– Я читал, что ощущения, которые...

Малёк похлопал меня по плечу:

– Будет вам болтать, братцы Аги. Раз это портал, то реку не перейдёт и нападать не станет. Надо забрать Доброе Сердце Эи да уйти. Не ровен час, за ним явятся Корки с бандой телохранителей.

Мы с Рики снова вскричали:

– Ой, мама! – и я сказал:

– Ладно. Я полезу. Но вы следите, чтобы на меня ничего не напало и никуда не втянуло. Давай верёвку, Малёк. Учти, если что – я буду орать, так что держи крепче.

– Ори тише, – посоветовал Лёка.

– Давайте скорей, – простонал Рики и спрятался за нашего большого друга. Он тоже взялся за верёвку и не сводил с меня испуганных глаз.

– Я буду держать, Миче, и следить буду, – захныкал он.

Я бы легко добрался до середины склона, но мешал ужас, призванный отпугивать любопытных от портала на том берегу. Лала, вроде, не волшебница, но, в отличие от взрослого Лёки, почувствовала это, хоть и не так остро и сильно, как я. Дети чувствительней. Меня же страх вжимал в стену, руки тряслись, я излишне торопился. Но потом вдруг сказал себе: «А чего ты боишься, Миче? Это просто Охранные Чары. Пусть древние, мощные, пусть не вполне тебе, неопытному, понятные, ну и что? Ты читал, и тебе говорили, что, если близко не подходить к защищённому portalу в обычные дни – вреда не будет. Но есть периоды, когда действие особых защит усиливается. Например, когда на небе одновременно Ви и сестра её, Навина, или дни или часы, оговоренные создателями портала. Ничего страшного, просто не нарушай правила, не спускайся ниже положенного». Дела пошли веселее, хотя я всё ещё боялся, что страшная сила оторвёт меня от склона, перетащит на тот берег, и я пропаду на глазах у Рики, затеряюсь там, откуда не вернулись родители Лалы. В точности знать правила я не мог. Проходы, постоянные порталы, незримые двери куда угодно, хоть в иные миры, хоть в соседний город или на другой континент, бывают устроены по-разному. Некоторые ищешь – и не найдёшь, до того они замаскированы, некоторые, как вот этот, отыщешь запросто, но не обрадуешься, если не знаешь, как укротить злую защитную силу. Помня разговор с Чудилкой, я пропыхтел, остановившись:

– Ребята, никто не должен знать о портале. Вы понимаете?

– Знамо дело, – пробасил Лёка.

– Я никому не скажу, – пообещал Рики.

А эта девчонка! Эта Лала Паг! Вдруг она не сдержит обещание и придёт сюда снова? Пусть не сейчас, пусть, когда вырастет? Придёт и пропадёт, как пропали другие люди? Что делать?

Все эти мысли мешали мне сосредоточиться только на спуске, и даже чётко видеть, хотя я предусмотрительно надел очки. При взгляде наверх мне даже показалось, что правее, довольно далеко от Рики и Малька, за большой глыбой стоит человек. Несколько мгновений я даже был уверен, что тёмная фигура шевелится и вытягивает шею, силясь разглядеть, как я лезу. Я поморгал глазами. Да быть такого не может.

Невидимая сверху комната пряталась чуть левее от лестницы. Я сделал всего лишь шаг и оказался внутри пустого помещения. Какое оно имело назначение, я не понял. Может, храм? Здесь совершенно не ощущалось действие Охранных Чар, и я, осмелев, принялся оглядываться. В стенах были заметны ниши. Дверцы, когда-то прикрывавшие их, болтались как попало, лишь одна была закрыта нормально. В этой-то нише и стояла коробочка, к которой я даже не смог сразу притронуться от волнения.

Но вот я мысленно попросил прощения у нашей светлой Покровительницы и протянул руки к амулету. Бормоча, что я чем-то похож на неё, на Эю, потому что люблю Рики и боюсь за него, я открыл коробочку. Знали бы вы, с каким трепетом, с каким благоговением, взирал я на невероятную святыню, на кусочек Доброго Сердца Матери, любящей свою дочь, всех своих детей и внуков. Я опустился на колени и говорил Эе, что у меня тоже есть мама, и есть папа, и я их люблю, как прекрасная Някка любит свою мать, и что я не хочу, чтобы пираты сделали с ними что-нибудь нехорошее. Только поэтому я взял на себя смелость положить святыню к себе в карман. Но пусть я буду трижды проклят самой светлой Эей, если не смогу передать амулет представителю семьи, хранящей сокровище, не имеющее цены. Если причину ему вред. Если не спасу свой город.

А разум и чутьё анчу говорили мне, что это просто древнее, побитое временем, сильно потускневшее, но ещё очаровательное ювелирное украшение. Просто кулон, о котором просто мама просто дочке сложила однажды сказку. Что это была за семья, где малышка, забавляясь с красивой висюлькой, болтающейся у мамы на шее, спросила, что это и откуда, а женщина, смеясь, повеселила дочку интересной историей? Кто-то был рядом – и лёгкая красивая сказка пошла гулять по Винэе. А выросшая девочка, получившая в подарок украшение, рассказала её своей дочери. Это, без сомнения, была семья древнего вождя или правителя, оттого и такое серьёзное отношение к словам весёлой женщины, любительницы придумывать истории. Наши цари и короли все сплошь ведут свой род от детей Някки.

Как маг, я видел и понимал, что в амулете нет волшебного ни на капинку.

Отчего же моё отношение к святыне Винэи не изменилось от этого знания? Отчего мои пальцы благоговейно поглаживали слегка покалеченный временем кулон? Просто украшение? Просто работа искусного мастера? Ну и что? Вы когда-нибудь держали в руках нечто светлое, ясное, чистое, нечто восхитительно доброе, как любяще сердце Эи? Я забыл, что не собирался прикасаться к нему. Я не сводил с него глаз. И ужасался тому, что для похитивших его злоумышленников это ведь просто большой рубин, просто золото и дорогие камни, и они могли разобрать и распилить всю эту красоту, невероятную на взгляд неискушённых предков.

Пребывая в абсолютном потрясении души, я уложил реликвию в коробку, закрыл и сунул в карман. Я помнил: надо спешить. Не тратя больше ни секунды, снова оказался на корявой лестнице, но, забывшись, чуть ниже.

И понял, почему Лала Паг сорвалась с этих камней, и погибла бы, не подоспей Петрик.

Сила, исходящая от портала, толкнула меня и сдула прочь. Следующая ступень защиты: если настырный искатель приключений не внял предупреждению страхом. Я больно ударился о камни, приложился лицом и заорал так, что должны были бы обвалиться не только своды пещеры, но и вообще все горы. Верёвка натянулась. Какой я молодец, что послушался Лалу

и обвязался на всякий случай! Малёк дёрнул меня вверх. Кое-как выбрался на крутой берег, отбежал подальше и сел на камень, обняв свои синяки.

Рики и Малёк суетились вокруг и пытались выяснить, что у меня болит, не сошёл ли я с ума, и добыл ли я то, за чем лазил по крутой лестнице? Меня трясло, и я ничего не говорил. Тогда Малёк повёл меня из пещеры, а Рики прицепился сбоку. Раз пять мы упали все вместе на расстоянии в три шага, потом я отбрыкался от чрезмерно заботливых спутников, и дело пошло быстрее. Дорогу нам освещало сияние, исходящее из провала.

– Погаси свет, – сказал Малёк у самого выхода. Я не понял. – Миче, приди в себя. Вон свет. Ты зажёл, ты и гаси.

Я погасил. Остались гореть два фонаря у ног Рики. И тут из темноты с диким верещанием на меня кинулось что-то мягкое, многолапое и мокроносое. Причём нос, казалось, был всюду. Что-то живое тыкалось в меня, визжало и бегало по мне. Я заорал, споткнулся, свалился на Рики и фонари, обжёг руку, снова очень сильно ударился головой и, кажется, потерял сознание.

Когда пришёл в чувство, то первое, что ощутил – большая тёплая капля, упавшая мне прямо в ухо. Потом раздалось звяканье, зажёлся свет, и голос Рики жалобно прошелестел:

– Ты, Малёчек, не плачь, может, он живой. Тогда мы сдадим его в Лечебницу.

Ясненько. Падая, я задавил зверька, моим спутникам его жалко. Я приоткрыл глаза и посмотрел на Рики. Его рожица, освещённая снизу фонарём, была такой, будто у него и вправду кто-то умер. А Малёк, стоя надо мной на коленях и закрыв лицо руками, ронял прямо на меня крупные слёзы. Надо же, какие добрые, так убиваются по несчастному животному.

Это что, я лежу на раздавленном звере?! Мама!

Я перевернулся на живот, встал на четвереньки и со скоростью оленя ускакал из пещеры в коридор.

– Он уполз, – с удивлением отметил Рики этот факт. – Он живой.

Малёк отнял руки от лица и посмотрел на меня как-то дико.

– Я его убью, – сказал он Рики. – Я прямо сейчас его убью.

– Не надо. Потом опять плакать будешь.

Я тем временем ощупал себя и не обнаружил признаков того, что раздавил кошку, крысу или кого угодно. Тем не менее покаялся, обхватив руками немилосердно болевшую голову:

– Я уже его убил.

– Кого? – спросили меня.

– Зверя, который набросился.

– Зверь убежал, – сказал Рики.

– Я его щекотал, – почему-то тонко и плаксиво пожаловался Малёк моему братцу.

– Ну да. Если ты кого пощекочешь, он, естественно, убежит, – объяснил я Лёке причинно-следственную связь.

– Болван! Я тебя щекотал, а не зверя. А ты не шевелился.

И оба они бросились ко мне. Они чуть не придушили меня, обнимая. Я брыкался и ругался. Потому что у меня всё болело и кружилась голова. Тогда они оставили меня в покое, подобрали фонари, очки и прочие вещи, проверили наличие у меня в кармане священной реликвии и заставили закрыть вход в пещеру. Я поднялся и проделал это, а потом, опираясь на Малька и стены, двинулся за Рики, освещающим путь, наверх, к солнечному свету, по которому мы соскучились.

Но там была ночь, и я едва успел заползти в спальный мешок, как уже заснул в той же комнатке, где ночевал вчера. Я спал так крепко, что не слышал моря и ночных голосов и даже ни разу не вспомнил про Нату. Но не это странно, а то, что не чувствовал боли. То есть совсем. А ведь укладываясь, боялся, что не сомкну глаз, и утром не смогу продолжить путь.

Как это так, первым делом подумал, проснувшись. Потом взглянул на небо и понял, что уже раннее утро.

Глава 12. То, что никому не нужно

Малёк и Рики мирно беседовали за завтраком.

– Ты глянь, он ещё ходит, – изумился мой приятель, увидев меня, плетущегося к ним.

– И щекотать не пришлось, – захихикал Рики.

– Я те пощечочу, – пригрозил я, пробуя, нормально ли шевелятся голова и руки. Учтывая, что я пересчитал все здешние камни всеми частями тела, думал, что будет хуже.

– Хорошо хоть зеркала нет, – фыркнул Малёк. – Ты бы видел себя!

Я только отмахнулся. Больше всего меня сейчас занимал вопрос: а что скажут наши с Рики родители? Мама, увидев на дверях объявление, с ума сойдёт от переживаний. Я смылся из города, не предупредив её и папу и практически умыкнув их младшего ребёнка.

– Братцы Аги влипли, – заржал Малёк. Между прочим, влип и он – ведь у него тоже есть родители, которых он лишил лошади, и есть ещё начальство, от которого ему влетит за неявку на службу. Но насчёт этого Лёка не переживал вообще. Его огорчало другое.

– Не сходил на «Запретную гавань», Миче, – расстроено произнёс он. – На вчерашний вечер были билеты.

– Подумаешь! Ты уже раза четыре смотрел. Не огорчайся. Потом вместе ходим.

– Вместе с кем?

– Со мной. С Рики.

Малёк принялся смеяться, и от смеха даже стукнулся о стену.

– Зачем вы мне? – приговаривал он. – Вы мне не нужны. Я с Аней хотел сходить.

– Ах, с Аней...

– Конечно. Она, наверное, обиделась. Я успел послать ей записку, но толком ничего не объяснил. Сразу к ней побегу. Куплю на перевале сувенир. Ты, Миче, не ругай Анечку, за несоблюдение инструкций. Это я виноват.

– Анечку... – протянул Рики, а я сказал, что если и надо кого ругать, так это того, кто действительно виноват, то есть, меня.

Мне тоже было смешно. Получается, что пытаюсь внушить Ане немного смелости, я невольно свёл её с Лёкой, со своим дорогим другом, изменив её судьбу. Помните, я предсказал ей хорошую любовь? А когда я недавно гадал на Лёку без его разрешения (он никогда не возражает), то видел, что ему суждена скорая встреча с женщиной, с которой у него всё сложится замечательно. До этого, хоть он и встречался с девушками, замечательно как-то не складывалось. Я был рад, хотя, ещё некоторое время считал, что Малёчик заслуживает кого-то более интересного, чем Аня. До тех пор, пока не узнал её лучше и по настоящему не подружился с ней.

Однако, расслаживаться и задумываться не было времени. Мы торопились закончить завтрак и двинуться в путь, чтобы успеть до отхода кораблей.

Я испытывал массу неудобств. Есть и говорить мешала разбитая губа, руки еле поднимались, ноги заплетались, голова снова разболелась и кружилась ужасно, но меньше, чем вчера. Кроме того, от моей одежды остались невероятные клочки. Когда я успел так поистрепаться? Над глазом у меня болталась спутанная грязная прядь. Я хотел убрать её со лба, поднял руку... И в ладони у меня оказался целый клочок волос.

– А! – заорал я. – Как это?

– Что ты всё орёшь? Я уже не могу с тобой! – возмутился Малёк и хлопнул Рики по спине, потому что тот подавился от неожиданности.

– Гляньте! Волосы вылезают, что ли? – лопотал я и тыкал им в лица оторвавшийся чубчик. Рики подавился снова, а Малёк опять сказал, что прямо сейчас меня прикончит. Это уже стало у него навязчивой идеей, как я погляжу.

– Это, – завопил Лёка, словно ненормальный, – шерсть зверя, который ночью дрых на твоей тупой башке! Я проснулся – и он убежал. Это зверь линяет, а не твоя белобрысая шкура. И если ты ещё раз заорёшь, я выкину тебя в море, хоть ты и умеешь плавать.

С ума сойти! Какой-то зверь прицепился ко мне и просто не даёт прохода.

Мне захотелось показать моим спутникам Доброе Сердце Эи, и узнать, что они скажут о древней реликвии, тем более, Рики и Лёка были полны любопытства и нетерпения. Я снова мысленно попросил прощения у светлой Эи. Я объяснил ей, что ведь мой брат и мой друг причастны к вызволению реликвии из разбойничьих лап, как же им не посмотреть на то, ради чего они здесь. С благоговением и душевным трепетом я открыл коробочку.

– Здорово, – восхищённо выдохнул Малёк. – Даже в древности, оказывается, были хорошие мастера. Что надо делать, увидев амулет?

– Понятия не имею. Но чтобы на него посмотреть, люди специально ездят в Сароссе. Загадывают желания. Но знаешь, Малёчек, Доброе Сердце Эи просто доброе. Ничуть не волшебное.

– Говорят, доброта – самое большое волшебство, Миче, – философски заметил Лёка, полюбовавшись ещё немного и начал собирать вещи.

Я не стал спрашивать, загадал ли он что-нибудь. Если да, то мне известно его желание: уйти из таможни. Эта служба тяготила моего друга, но бросить её было непросто. Мальку не повезло: он был старшим среди многочисленных кузенов западной ветви рода, и должен был соблюсти семейную традицию. Старшие мальчики семьи Мале обязаны были ловить контрабандистов, и всё тут. Кого волнует, что душа художника Лёки больше расположена к бизнесу родителей? Попал наш Малёк в кабалу. Узнав, что в свободное от учёбы в университете время он помогает маме в лавке, дядя Тума Мале, который самый главный начальник таможни, велел племяннику выходить на службу. А то, сказал этот великий авторитет, Лёка втянется в бабскую работу и покроет семью позором. Дяде Туме противостоять невозможно, а семейным традициям – тем более. Малёчек подчинился и вышел. С тех пор он мечтает уйти.

Вскоре мы продолжили наше путешествие в обратном направлении. Рики путался под нашими ногами, потому что под свои он не смотрел. А смотрел он на обрётённый нами талисман, который тискал и рассматривал так и эдак. Красное сердце красиво вспыхивало, и также ярко горели глаза маленького потомка анчу, знающего толк в драгоценностях и тонкой ювелирной работе. На моё утверждение, что амулет Сароссе – вещь не волшебная, Рики ответил, что прямо чувствует её добрую магию. Но, знаете ли, для детей волшебство и красота почти одно и то же.

Я, похрамывая и поскрипывая, двигался с большим трудом. Иногда налетал на затормозившего Рики и чуть не падал. Малёк ловил меня на лету и ставил вертикально, а моему сокровищу давал несильного пинка, чтобы двигался шустрей.

Проходя через зал с рельефами, я снова зацепился взглядом за две фигуры – Очень Злого Шамана и Миче, Принёсшего Солнце.

– Что такое? Почему мне кажется, что я что-то такое где-то видел? Что-то знакомое очень, – пробормотал я.

– Да, в учебнике у меня, – согласился Рики. – Что-то очень. – И опять погрузился в созерцание Доброго Сердца Эи. Малёк не сказал ничего, не поглядел никуда, он нервничал и торопился, и чуть не волоком тащил нас к выходу.

Я прямо умилился, увидев этот выход. Как мне уже хотелось домой, поваляться в постели и переодеться в чистую и целую одежду!

– Пока, – сказал я красной полусфере. – Не скучай. Мы забрали тут одну вещь, и теперь не знаю, когда тебя снова навестим, э-э-э, Кичибяка.

– Видал? Твой брат опять с камнем разговаривает. Он скормил Кулебяке последний кусок сыра. А то, что Миче оставил в прошлый раз, Бяка слопала, – подмигнул Малёк Рики. Они уже стояли в воде и ждали меня.

Я погладил камень:

– Не сердись. Они хорошие.

Я не думал, что мне удастся побеседовать с новой странной знакомой, у неё же что-то сломалось. Но под моими пальцами вспыхнули серые буквы:

«Кереичиките имя моё. Но не сержусь я на вас, на детей неразумных. Внемли мне: то, что несёшь ты – вовсе не то, о чём я говорила. Так помни: встретишь – и взять не забудь».

Я пожал плечами. Не понял, о чём шла речь. Буковки перестроились. Вещая полусфера решила меня отругать совершенно по-человечески:

«И купи, наконец, ребёнку ролики. Меня аж скрючило от твоей бестолковости. Аж пере-клинило».

– Не знаю, не знаю...

– Миче, идём же!

Большой камень снова перешёл на кошмарный высокопарный тон:

«Подумай-ка, Миче. Пусть детка резвится и ловким растёт. Научишь кататься – тебе же спокойней».

– Миче!!!

– Я подумаю, – пообещал я и, разувшись, поспешил за своими.

И, когда мы вышли из-под сводов пещеры и засмеялись, радуясь свободе, простору и свету, мы услышали сзади шлепки по воде, увидели, что в полумраке тоннеля она бурлит, словно кто-то плывёт, приближаясь к нам, и узнали истерическое верещание зверька, набежавшего на меня при выходе из большой пещеры.

– Миче, не ори, – взмолились мои спутники. – Миче, это та зверушка, что к тебе привязалась. Она не кусается.

– Давайте убежим, – предложил я.

Но было понятно, что нам не убежать. Зверёк плыл с потрясающей скоростью. Он добрался до меня, и прямо с человеческого стоном обнял мои колени лапками и ткнулся в них мокрой мордой.

– Миче, не ори, – снова попросили меня, и я только лишь чертыхнулся.

Попытался отодрать от себя зверька, в результате чего остатки моих походных штанов превратились в подобие лапши. Зверушка отчаянно цеплялась за них когтями и зубами. Я поборолся с ней несколько секунд, а потом подумал: а чего я дёргаюсь? Вроде, совсем безобидное существо. Оно и впрямь ни разу меня не укусило, и даже сейчас не задело когтями. Я позволил зверьку снова прижаться к моей ноге и сказал:

– Наверное, оно темноты боится. Наверное, ищет компанию. Стаю.

Рики и Малёк протянули к животному руки, и оно затряслось и закрыло глаза. Стоило Мальку прикоснуться к нему, оно вскарабкалось мне на грудь, уткнулось мне в шею и задрожало сильнее. Мы, все трое, принялись гладить его и нежно ворковать над ним. Зверёк трястись перестал, открыл глазёнки и стал нас разглядывать и обнюхивать.

– Он нашёл свою стаю, – хихикнул Рики. – Смотрите, на лапках перепонки маленькие. Поэтому и плыл так быстро.

– Не только перепонки, ещё и когти, – напомнил я. – И, смотрите, действительно линяет.

Сизая шкурка зверушки вся была в колтунах и клочковатой свалывшейся шерсти. Рики спросил:

– Он, вообще-то, кто? Анчутская кошка? Но он не похож на кошку. Только шерстью похож.

– Может, выдра? – почесал в затылке Малёк. – Хвост, как у крыски.

– Думаете, у выдры именно такой хвост? – я что-то подзабыл, как выглядит выдра. – Может быть, это нутрия?

Мои спутники задумались, а подумав, Рики выдал:

– Поросёнок. Водоплавающий поросёнок. Интересно, что он ест? Рыбу?

Я постучал по больному лбу:

– Хвост-то не поросячий.

– Зато нос поросячий.

– Шерсть как кошачья.

– Перепонки и когти.

– Хорошо хоть не копыта.

– Гляньте, рогов нет?

Оказалось, что есть. Два маленьких костяных пупырышка там, где обычно бывают рога.

Мы встали в тупик. Рики сообразил:

– Я знаю. Это выхухоль.

Мы с Мальком так и покатались.

– Выхухоль – это вроде выдры.

– Тогда это неизвестно кто. Миче, давай его заведём.

– Заведём? Зачем? Зверёк ведь не игрушечный, – пошутил я, сделав вид, что не понял предложения братца и, охнув от боли, снова вспыхнувшей в голове, продолжил нести околе-сицу: – Да и ключика нет.

– Есть, – сказал Малёк. – Вот он, ключик. Вот, на шее болтается.

Точно. На скрытой в шерсти цепочке, у зверька на шее висел маленький, потускневший от сырости и времени ключ.

– Интересно, от чего он? – озадачились мы с Мальком.

– От зверька, – расширил глаза Рики. И захныкал: – Я думал, он живой, и хотел его завести, а он заводной и заводится сам!

– Ах, вот что ты подумал! – усмехнулся Малёк.

Мы немного пообсуждали, что может открывать этот ключ, но решили, что никогда нам этого не узнать. Цепочка так плотно охватывала шею животного, что глубоко врезалась в кожу и мышцы. Из этого мы сделали вывод, что ключик на него повесили, когда зверёк был маленьким. А теперь он, стало быть, взрослый. Прямо сейчас снять цепочку мы не могли – нужны были инструменты. А я, как друг доктора Шу, высказал предположение, что, убрав этот ошейник, к которому привык организм зверька, мы нанесём ему вред. Надо, чтобы этим занялся специалист.

Рассуждая и обсуждая, мы двигались к берегу. Зверушка распласталась у меня на груди, вцепившись когтями в рубашку. Она млела от ласки и внимания и совсем перестала бояться. Тыкалась носом мне в шею и тихонько урчала.

На берегу мы присели отдохнуть и доесть то, что у нас осталось. Зверёк сидел у меня на коленях и лопал всё, что ему давали. Кусочки он брал передними лапками.

– Мы его завели? – спросил меня Рики. – Бедный, он когда-то знал людей, рос с ними, а потом потерялся. Может, он даже дрессированный. Такой милый! Наверное, ему было страшно, голодно и одиноко. Миче, ты напомнил ему его хозяина. Мы его завели? Да? Нет?

– Да.

– Миче, ты лучше всех!

Рики бросился мне на шею, а зверёк испугался и с визгом забился в кусты. Для перепончатого водоплавающего он очень резво скакал по суше.

– Странно, – со смехом обратился я к своим спутникам, – мы уже совсем почти ушли отсюда, но так и не нашли то, что нам не нужно. Нашли только Доброе Сердце Эи и маленькую зверушку. Больше ничего.

– Может, Пикичука имела в виду как раз зверушку. Бездомная выхухоль – кому она тут нужна? – предположил Лёка. Мы с Рики не согласились.

– Как это, не нужна? Очень нужна. Такая красивая, ласковая выхухоль. Наверное Кирпичика имела в виду что-то другое. Что-нибудь непременно найдём.

– Идёмте, – сказал Малёк. – Хорошо бы до вечера добраться до перевала и привести Миче в порядок. Эй, ты как?

– Странно, – ответил я, – здорово ноги болели, просто еле переставлял, а теперь прошли почти. Вот что значит, немножко отдохнуть. Но с головой беда просто. Лечь бы...

Мы начали карабкаться вверх по склону. Неведомый зверёк сидел у меня на плече. Малёк попытался пересадить его к себе на плечо, но не вышло. Зверушка была не лёгкой, а подъём давался мне трудно. Голова была тяжёлой-тяжёлой, в глазах темнело, болели ушибы и шишки. Я всегда легко переношу жару, а тут просто задыхался, руки и ноги скользили, и Мальку с Рики всё время приходилось меня ловить и поддерживать. А моя находка вытягивала шею и прижималась к моему лбу, заслоняя обзор. Я сердился и отодвигал поросячью морду, но потом осознал, что мне становится легче от прикосновений зверька.

Так мы выбрались на площадку, где оставили двух лошадей семейства Мале, и с облегчением увидели, что их никто не съел и не украл. Тут я упал в траву, и сказав:

– Ну, ладно, седлайте, я чуть-чуть отдохну, – моментально заснул. Успел только почувствовать, что удивительная зверушка улеглась мне прямо на голову, но прогнать её не было сил.

Вы знаете, от чего я проснулся? Такое и в жутком сне не увидишь!

Я мирно спал на спальном мешке, который подсунули под меня Малёк и Рики. Сами они спали тоже. Им не хотелось меня тревожить – вот и решили провести время с пользой. Кто же меня разбудил, ударив ногой по мягкому месту?

Сбросив с лица зверька и его шерсть, я увидел, что надо мной стоит Кохи Корк. Он крепко держал, прижимая к себе, Лалу Паг. Он зажимал ей ладонью рот и кивками показывал мне, чтобы я шёл с ним. На поясе у Кохи висел нож.

Глава 13. Заступничество Кохи

Спросонья и с тяжёлой головой я не сразу сообразил, что Кохи не угрожает Лале, что просто держит отчаянно брыкающуюся девчонку так, чтобы она не орала. Кохи даже не был пьян, но это я понял только потом. Сейчас же я безумно испугался за козявку с косичками, я даже не усомнился, что Коркин сын не задумается пырнуть её ножом. Вид кинжала на поясе Кохи лишил меня соображения, и я поплёлся за ним, словно ягнёнок за мамой-овцой. Пока я решал, честно ли будет обезоружить Кохи путём магии, мы дошли до небольшой поляны, по которой журчал ручей. Кохи обошёл меня, чтобы отрезать путь к отступлению и заговорил, как нормальный:

– Миче, – сказал он, – ты можешь, конечно, применить магию, но не делай этого, не будь трусом. Я хочу говорить с тобой, как мужчина с женщиной, а мужчины обходятся без этих ярмарочных фокусов, если один из них не волшебник.

Я удивился такой приличной и серьёзной речи и решил, что разговор пойдёт о Нате. Кохи всегда будил во мне худшие чувства, он меня раздражал, а сейчас я впервые взглянул на него так, как могла бы смотреть Ната. Я осознал вдруг, что у этого типа неплохая фигура, ничуть не хуже моей. У него густые волосы, высокий рост, а лицо из тех, что девушек не отталкивают, а как раз наоборот. И, если быть до конца справедливым, не такой уж он пьяница, как я тут расписывал. То есть, пьяным я видел его всего раза четыре или шесть. Мало того, на своём

факультете Кохи был лучшим. Он обычный такой зубрила, а вы с моих слов, наверное, решили, что он лентяй и буян. Кохи славился своеобразным чувством юмора и с блеском играл смешные роли в университетских постановках до тех пор, пока его папочка не узнал об этом. Я слышал о двух-трёх девушках, потерявших голову из-за старшего Корка, из-за безответной любви к нему. Он из богатой семьи, из известного рода. И он не анчу – вот это-то и проблема.

Я оглянулся. За моей спиной кончался лес, и сквозь стволы просматривалось море – там был обрыв.

– Скажи Лале, чтоб не вопила – и я её отпущу, – попросил Кохи. С ума сойти, какое благородство!

– Она тебя сюда притащила? Может, не только тебя, а и всю твою семейку?

– Не ёрничай, Миче, – поморщился юный Корк. – Это я её притащил. И всю дорогу она дралась и вопила. Я уже устал от неё. Я вообще устал. Столько пришлось вас ждать и пасти ваших лошадей и эту вот... козу.

Я вспомнил, что мне внизу померещилась человеческая фигура на берегу подземной реки. Значит, это был не Кохи. Он ждал здесь.

Мой недруг между тем продолжал:

– Я хотел, чтобы Лала показала дорогу. Но она брыкается – как с ней можно разговаривать? К тому же, вы нас опередили.

– Тебе чего надо? – поторопил я. – Не мог меня в городе подождать?

– Не мог, – сказал Кохи и огорошил меня следующими словами: – Отдай амулет, Миче. Талисман города Сароссе.

– Что?

– Что слышал. Отдай его мне.

Я принялся изворачиваться, понимая, что ничего не выйдет. Лала тоже выворачивалась, как могла, но Кохи держал крепко.

– Ты, вообще, о чём? – сделал я удивлённое и невинное лицо.

– О красном сердце на цепочке. Золото, большой рубин и ещё какая-то ерунда. Я знаю, что это у тебя. Причём, в правом кармане.

Это зачем, интересно, Кохи нужен амулет? Откуда узнал про него? Ага! Сам украл. С него станется. Мои глаза полезли на лоб.

– Ты что, Кохи, ты помогаешь пиратам? В морские разбойники подался? Хочешь, чтобы случилась резня? Чтобы уничтожили весь город?

– Тьфу, болван! – ненадолго хватило его терпения. – Какая резня? Я просто хочу, чтобы талисман был у меня. Это всё.

– Ты решил стать вором, Кохи?

– Пусть так.

Что-то здесь не то. Этот тип никогда не мирился с оскорблениями.

– Я скажу об этом в городе кому надо.

Ответ Кохи потряс меня до глубины души:

– Ладно. Но эта вещь должна быть у меня.

– Тебя арестуют.

– Хорошо.

Я стоял и моргал глазами. Чего хорошего-то?

– Кохи, ты спятил? Слушай, поговорим серьёзно. Да, талисман Сароссе у меня. Лала видела его, когда потерялась в пещерах, но не взяла. Сказала мне. Кохи, она всего лишь ребёнок. Девочка не хотела ничего плохого...

Он горько усмехнулся и разжал руки. Лала Паг осела к его ногам.

– Она не хочет войны. Она хотела отблагодарить принца Далима за то, что он выручил нас с Рики. Ей казалось, что это правильно. У принца украли ценность – так надо вернуть. Она

боится пиратов. Она слышала разговор твоих родителей. А я... Ну, я гадал и думал... Кохи, всё не так. Вот посуди сам. Ты украл эту вещь... Тебя даже можно понять – с таким папочкой любой захочет начать самостоятельную жизнь. Но ведь амулет невозможно продать, а камни сами по себе стоят немного. Я никому не скажу, но ты лучше бы украл что-нибудь другое...

Кусая губы, Кохи слушал моё бормотанье, и, глядя на него, я понимал, что несу бред. Тем не менее, я не остановился.

– Теперь из-за этого начнётся война. Два флота собираются биться с пиратами и покидают свои страны. Хотят найти Доброе Сердце Эи. А пираты-то что задумали: дождавшись отхода кораблей напасть на нас. Вот такие дела.

Тут меня взяло сомнение:

– погоди, ведь если ты украл кулон, то должен сам знать дорогу. Ах да! – Я вспомнил первоначальную версию. – Кохи! Твои родители украли амулет! Не своими руками, естественно. Они хотят с помощью пиратов взгромоздиться на престол. Я гадал, я всё понял, я говорил до этого ерунду. Но ты... Что делаешь ты? Я не понимаю.

– Он выгораживает их. Дядю и тётю. В смысле, маму и папу, – сказала доселе молчавшая Лала Паг. – Он тоже подслушал. Мы вместе. Сначала я, а потом он пришёл. А потом видел, как я от тебя выходила. Я испугалась и спряталась, а он искал и нашёл. Я ему всё объяснила, но он хотел, чтобы я показала дорогу в пещерах. Я не хотела, но пришлось ехать с Кохи. Он мне тоже всё объяснил. Но мы вас не догнали. Не отдавай амулет, Миче. Он такое задумал! Не отдавай!

Да уж. Воистину, у стен есть мыши, а у мышей – уши. Старшим Коркам надо шуршать потише. И что, собственно, задумал Кохи?

Голосом глухим, как сквозь подушку, Корк спросил:

– Ты что наболтал-то, Миче? Гадал? Кто верит гаданиям?

– Пускай не верят, но это так. Амулет нужен мне, как доказательство.

И тут Кохи взялся за нож.

И я понял, что это не шутки. Преданный Коркин сын собирался сражаться за родителей-предателей, обрёкших город на несчастья. А ведь я знаю, что папочка не любит старшего сына и часто тренирует об него кулаки. Даже сейчас, когда Кохи пошёл двадцать второй год. А мамочка – просто ледышка. Дальше мужа никого не видит. Вряд ли она заметила, что за двадцать пять лет жизни с ним, произвела на свет троих детей.

– Кохи, – призвал я к разуму этого ненормального, – Кохи, город вырежут.

– Нет.

– Да. Ты просто не всё подслушал. Подумай – и поймёшь, что я прав.

– Нет.

– Миче! – заверещала Лала. – Он тоже не хочет пиратов! Он отдаст амулет принцу, скажет, что сам украл его для самостоятельной жизни, а теперь ему стыдно стало. Пожалуйста, Миче, не отдавай! Кохи в тюрьму посадят!

Вот, оказывается, в чём дело! Вот до чего дошёл Коркин сын в стремлении защитить своих злыдней. Ну разве так можно?

Я крикнул:

– Подожди! Я неправильно объяснил. Кохи, я не собирался называть имя Корков. Я не хочу, чтобы пострадала Лала. Спроси её – я обещал. Я хотел тайно подбросить амулет принцу Далиму. Сама по себе война с пиратами...

– Благо, – вякнул Кохи. – Они распоясались, а наш король всё не раскачается. Я думаю, мама и папа просто решили поторопить события. Если на помощь позвали союзники, конечно, наша страна поможет. Пираты будут разбиты. Но амулет должен быть у меня.

Бедный, нелюбимый, запутавшийся сын! Такая вот у него версия. Он говорил жалобно. Он сам не верил своим словам. Он не знал, что делать, но маму и папу надо защитить. И отстоять доброе имя Корков.

– Я никому не скажу. Обещаю, Кохи. Никто не узнает, что это сделали твои родители.

– Кто верит обещаниям анчу? Кто верит Миче Аги? – он пытался сам себя подбодрить и оправдать в своих глазах. Поднять оружие на человека, пусть даже и анчу, не так легко.

Но он пошёл на меня с ножом в правой руке, а Лала смотрела, оцепенев и расширив глаза.

А у меня тоже был нож, разумеется. Я так и завалился спать с оружием и коробкой в кармане, до того мне было плохо. А теперь мне отчего-то было хорошо в смысле здоровья, и я тоже взялся за рукоять, как мужчина, не как волшебник, как и предлагал Кохи Корк.

– Ты бы знал, как я тебя ненавижу, Миче, – гаркнул он.

– Не больше, чем я тебя. Говорят, ты положил глаз на мою девушку, – так я впервые назвал Нату.

Мы стояли друг против друга и выжидали момент, чтоб напасть. Какая злость полыхнула в глазах Кохи!

– Кто твоя девушка? У тебя есть девушка, Миче? Ты, трус и тюфяк, знаешь ли ты вообще, что на свете существуют девушки? Ты вечно будешь водить Нату за нос. Она состарится, прежде чем ты сообразишь, что она женщина.

Он прыгнул на меня, не шутя, пытаясь ударить снизу, я едва успел отклониться. Вместо того, чтобы нанести удар, а Кохи здорово подставился, я в ужасе отдернул правую руку, а левой заехал ненормальному в ухо.

– Отвяжись, Кохи, – взвизгнул я, отскакивая подальше. Я не могу ранить человека, который насмерть бьётся за маму и папу, обрекая себя, может, даже на казнь.

– Отдай талисман.

– Нет.

Он продолжил свои упражнения, он напал с остервенением ошалевшего от упрямства барана и вынуждал меня отбиваться этим острым и страшным оружием. Злость и ярость захлестнули меня, и подняли голову ненависть и ревность. И, чтобы не случилось чего плохого, надо было срочно кончать нашу битву. Я умудрился ухватить поганца левой рукой за правую кисть и стукнуть его рукоятью по лбу...

И тут ожила Лала Паг. О, как она завопила и завизжала! Если она поступит в университет, её сразу же примут в хор – такой голос! Как не поАдали все деревья в округе?

ПоАдали мы с Кохи.

Так как во время драки я пятился, теперь мы были на обрыве, на маленькой открытой площадке. Кохи отвлёкся на Лалин визг, а я очень ловко повалил его на камни.

– Я убью тебя, дрянь такая, – прохрипел я, отняв и бросив с обрыва его нож. – Я убью тебя, чтобы ты мне не мешал. Ради твоего папочки я не собираюсь жертвовать своей семьёй, и друзьями, и целым городом. И... и тобой, чёрт возьми, потому что ты-то не виноват!

Кохи молчал, упрямо сжав губы. Он бы, наверное, с удовольствием скинул меня вниз, вслед за кинжальчиком, если б мог, а я встал, забыв на земле свой клинок, отвернулся и сделал шаг к визжащей Лале. И вспомнил, что сзади Кохи и моё оружие.

Он уже стоял, сжимая мой нож.

И тут на меня налетела Лала. Она ринулась между мной и Кохи и толкнула меня, словно бычок, который пробует прорезавшиеся рожки.

– Ты! – вопила она и продолжала бодаться. – Ты! Не смей трогать Кохи! Не смей на него ножом махать! Поцарапай его, попробуй! Я загрызу тебя! Я тебя испинаю!

Интересная позиция. Особенно, если учесть, что я был безоружен, а мой противник, не спеша, приближался ко мне с моим же ножом.

И тут из перелеска выкатился Рики и во мгновение ока повис на Лале Паг.

– Каракатица! – взвыл он. – Я тебе трону Миче! Убери свои лапы от моего брата, я укушу тебя!

Рядом моментально оказался Малёк. Он немного растерялся, потому что никак не мог отделить друг от друга Лалу и Рики. Они вцепились друг в друга зубами и когтями и при этом громко рычали и сопели. Кохи, между тем, подобрался к моему правому карману, за что немедленно получил в зубы.

– Миче, мне стукнуть Корка? – участливо спросил Малёк. Он держал на весу и потряхивал в воздухе Лалу, но Рики от неё всё равно не отцеплялся.

– Сам стукну, – пробормотал я и пошёл на Кохи, несмотря на нож. Видя такое дело, мой очень младший брат разжал пальцы и свалился на землю с небольшой высоты. Малёк не удержал равновесия и упал. Сверху плюхнулась Лала. Рики вскочил, подлетел к Кохи, и встал, растопырив руки и преграждая ему доступ ко мне.

– Уйди! – рявкнул я.

Рики не шелохнулся. Мы с Кохи сделали попытку обойти его, но не тут-то было. И тут, визжа не хуже Лалы Паг, из кустов ринулся наш найдёныш. Зверёк бросился под ноги Кохи в тот миг, когда тот резко и быстро шагнул в сторону. Ретивый Корк встал прямо на наше животное, вскрикнул, взмахнул руками и грохнулся вновь на самом краешке обрыва. Нож, блеснув, упал к моим ногам.

– Миче, не надо! – в один голос вскричали Рики, Лала и Малёк, а зверушка выгнула спину, вытянула хвост, встала на цыпочки и зашипела на меня, разинув розовую пасть.

К этому моменту мой нож лежал уже на дне морском, потому что я отправил его туда хорошим пинком, едва он приземлился.

– Миче выкинул нож, – пискнул Рики.

– Почему не надо? – не понял я. – Мне осточертели железяки! Этот Корк всё время на меня с ними бросается.

– В смысле, Кохи убивать не надо, – объяснил Малёк, схватившись за сердце, но с явным облегчением. А Лала прошептала, потирая укушенную моим братцем руку:

– Никого не надо.

Эта девчонка вывела меня из себя.

– Никого не надо? Да всех поубивают и без меня! Быстрее! Давайте быстрее, пока корабли не ушли в море! Скажите этому Корку, что он потом всю жизнь станет мучиться, не будет спать по ночам! Он будет видеть во сне пожары, его станут преследовать призраки тех, кого он мог спасти, но вместо этого терял время на драки.

– Миче, успокойся.

– Моих родителей казнят, – тихо-тихо сказал юный Корк, сидящий на краешке обрыва. Лала подобралась к нему и обняла его:

– Мы же никому не скажем.

– Мы никому не скажем, – эхом отозвались Рики и Малёк.

– Хоть это и не правильно, – всё-таки добавил Лёка, таможенник наш.

Но Кохи безнадежно махнул рукой и схватился за голову. Он не верил.

Наша зверушка вдруг встала ему на колени одной передней лапкой и, поджав другую, вытянула шею и замерла, разглядывая его лицо. Кохи в недоумении уставился на неё, а она принялась обнюхивать его лоб, глаза, нос и щёки осторожно и нежно-нежно.

Мы переглянулись, пожали плечами, развернулись и пошли назад. Зверёк потрусил за нами, всё время оглядываясь. Кохи и Лала остались на обрыве. И так жалко мне стало эту вражину мою, что я обернулся, сделал несколько шагов назад и приложил руки к груди.

– Кохи, – позвал я. – Кохи, чему ты поверишь? Поверишь ты клятве именем светлой Эи? Хотя нет, этим именем слишком часто клянутся, а потом нарушают клятвы. Просто поверь. Я правда не собирался ябедничать на Корков. Я никогда не проговорюсь. Если ты сомневаешься насчёт Рики, то не бойся: он ещё ни одной тайны не разболтал. Если я ему скажу, из него никто

слова не вытянет. Ну, а попробовать в очередной раз меня побить ты сможешь и в Някке, когда всё утрясётся. Ты попробуй, может, удастся.

Кохи опустил голову и зарылся лицом в волосы Лалы.

В лесу Малёк поймал на тропе коня юного Корка. Видно, животному стало скучно, и оно подбиралось поближе к хозяину, а тут мы. Коня мы забрали с собой, чтобы Кохи был в пути подольше и не учудил что-нибудь ещё. Нам показалось, дурачкам, что волшебная полусфера вещала именно о коне: зачем нам скакун Кохи? Абсолютно не нужен. Рики крикнул по моей просьбе, обернувшись в сторону поляны, что мы оставим коня где-нибудь у стражи.

– Ты как? – спросил меня Малёк. – В смысле здоровья.

– Здоровье нормальное, голова прошла, – бодро ответил я, хотя ушибы ещё болели. Не сильно болели. Я был удивлён сверх всякой меры: как друг доктора Шу, я очень хорошо знал, что с моими травмами так быстро не выздоравливают.

– Каков Корк, Миче! – с восхищением воскликнул Лёка, когда мы тронулись в путь. – Я прямо зауважал его за такую преданность папочке. Может, всё-таки, у них отношения лучше, чем мы считали? И, заметь, он не заговорщик, и хочет город спасти, как и мы с вами.

– Всё равно гнусный тип, – сморщился я. – Прямо в лицо мне сказал, что я Нату не... Ну, в общем, не важно.

– Да, гнусно, Миче, что ты всё не да не, – засмеялся Рики. – Давай, расскажи-ка мне, о чём, собственно, я молчать должен.

Мы собирались ехать даже ночью, пока хватит сил. Надо было спешить.

Глава 14. Невозможность поговорить

Усталые и запylённые, мы были у городских ворот уже в полдень. Очень хорошо было видно море и оба флота в бухте и за её пределами. Они ещё здесь, хвала светлой Эе!

Несмотря на то, что мне удалось купить штаны в гостинице, вид у нашей компании был просто ужас какой – и стражники разглядывали нас с подозрением. Наконец один сказал:

– А, вспомнил. Это Аги. Фамилия такая. Я помню, потому что доклад писал. Слышь, Аги, – обратился он ко мне, усмехаясь. – Вроде, в прошлый раз ты побелей был. Загорел?

– Испачкался, – буркнул я.

– Слышь, ребята, – он в прошлый раз с одним из Корков подрался. Вот прямо здесь, чуть подальше. А нынче с кем чего не поделил?

– Всё с тем же всё то же, – в тон ему ответил я.

– Да ты отчаянный, – хмыкнул стражник и нас, наконец, пропустили в городские пределы.

Коня Корка мы оставили знакомому стражнику, чтобы Кохи потом не говорил, будто мы украли его мирлетского скакуна. Объяснили, что нашли его непривязанным, бредущим по дороге в сторону города.

На улицах Някки Малёк сразу скис. Чем ближе к дому, тем он делался кислее. Мы с Рики хотели сначала привести себя в порядок в нашей резиденции, а потом уж показаться родителям, но вышло всё не так. Едва Малёк открыл родную калитку, как из его двора понеслись вопли и причитания. Мы с Рики не успели удрать, нас сразу же затянули внутрь, и деваться было некуда. У Малька дома собрались обе наши многочисленные родни, даже мой папа прикостылял из Лечебницы. Судя по количеству длинных скамеек под навесом, увитым виноградом, и заплаканным глазам, друзья и родные справляли по нам поминки. Они глядели на нас так, словно мы вернулись с того света. Причитания и рыдания разносились по всей улице, привлекая соседей. Когда от нас отлепились родители, на Малька набросился его начальник, самый главный таможенник, он же дядя Тума, ужасный тип, а на меня – Ната.

– Дурак! – плакала она и молотила меня кулачками. – Где ты был?

Ответ на этот вопрос хотели знать все, а мы не продумали, что сказать, занятые обсуждением Кохи. Вернее, считали, что прокатит версия с экскурсией: будто мы поехали в долину, показать Рики достопримечательности. Только выходило, что это слабое оправдание нашему внезапному отъезду без предупреждения на лошадях семейства Мале. Мне ставили на вид, что раз я открыто не взял нашу лошадь – значит, тут что-то не то. Кто-то видел, как мы верхом выезжали из ворот в восточном направлении и слышал, как Малёк на всю улицу рассказывал Ловкачу, что у его деревенского кузена день рождения. Но в этом месяце из Лёкиных родичей не родился никто, а Ловкач сам как в воду канул. Начался переполох, родственники толпились попеременно то у нас дома, то у Малька, строя различные предположения. Тут стало известно, что Кохи Корка нет в Някке, и все решили, что мы с ним поубивали друг друга, встретившись где-то в лесах. И уже даже седлали коней, чтобы разыскивать нас по окрестностям.

– Тебя просто нельзя выпускать за город! – рыдали все в один голос. – Как только ты оказываешься за воротами, так сразу дерёшься с Кохи. Что за вид? Что у тебя с одеждой? Зачем ты потащил за собой ребёнка? Зачем наврал про кузена? Где ты был???

– Да я уже вернулся, да всё нормально, да я просто упал с обрыва, – отбивался я, не зная, как оправдаться. И тут выступил Рики. Он сказал:

– Это я. Из-за меня. Простите. Это я уговорил Миче и Лёку ехать за город. Я узнал, что на берегу моря, там, в горах, видели непонятного зверя. Я хотел посмотреть. Думали, сразу вернёмся, да не вышло. Зверёк такой странный, смотрите. Он упал в ущелье, и мы лазили за ним. Много времени ушло – а что делать? Зверь так плакал, что сердце разрывалось. Мы же не могли его бросить. Смотрите, какой милый.

И все переключились на зверька. Ну и Рики, ну и молодец! Все теперь рассматривали животное и хвалили нас. Папа вознамерился снять с него цепочку, но его друг, старый Шу, не позволил. Надо выяснить, сказал он, не заболит ли зверёк от этого – уж очень глубоко тонкая цепь врезалась животинке в шею.

Доктор Шу улыбался, обнимая Нату за талию. В этом нет ничего такого – он знает с детства и её тоже. Но мне не понравилось, что он постоянно уводил её в сторону от меня, не давая нам нормально пообщаться. Я соскучился, мне хотелось, чтобы Ната говорила сейчас со мной и стояла рядом со мной, а не с кем-то другим, пусть даже и с другом семьи, с пожилым человеком. Что-то он принялся с жаром втолковывать ей и её родителям, но те помотали головами и, взяв дочку под локотки, подвели к нашей компании. Чуть расстроенная Ната протянула мне руку. Как друг, как всегда. Я сжал в ладонях Натины тёплые, шершавые пальчики. Очень хотелось сжать их, как раньше. Когда я ещё не собирался вести себя с Натой не как влюблённый мужчина. Сейчас я точно повёл себя по-другому: прижал её кулачок к своей груди и стал сообщать, как проверить, нравлюсь ли я Нате всерьёз. Смотрел на неё и думал: а вот если поцеловать прямо в губы, прояснится что-нибудь для меня или нет? Очень долго смотрел, потому что губы у Наты такие...

Проходящий мимо Малёк больно ткнул меня под рёбра, я охнул и заморгал. В поле зрения попал доктор Шу, осуждающе качающий головой. Ну да, да. Что это я себе позволяю?!

– Мы из-за вас могли опоздать на праздник. Посмотреть на отход кораблей, – попеняли нам троем.

– Что? Корабли? – всполошились мы, словно узнали о походе на пиратов только сейчас. Хотя, да. Ведь всем было известно, что это случится завтра, так что ещё утром казалось, будто у нас сутки в запасе.

Тоже мне, праздник!

– Да. Оба флота отправляются на к Лийским островам. Часа через два-три. Наш мудрый король решил не ждать ещё день. Чего ждать, коли всё готово?

Мы с Мальком так и сели. Нам не успеть. Чудиле не поверили. Теперь он с флотом, и его могут убить. Нас всех тоже убьют.

– Так давайте праздновать, раз мы все здесь! – вскричала мама Мале. – Что нам мешает устроить праздник, а потом всем вместе рвануть в порт?

И началось! Кто-то нёс тарелки, кто-то полез в погреб, кто-то откупоривал бутылки, кто-то побежал в лавку... Мы, трое, стояли, словно оглушённые. Мы не успели.

– Да, сынок, Петрик записку прислал, – проносясь мимо, сказала мама. В моей руке оказалось Чудилино письмо.

«Миче, никто не верит. Меня не отпускают. Корабли отходят раньше на сутки». Дата и время. И приписка: «Сделай же что-нибудь».

Что я сделаю, никому не известный анчу, маленькая мошка, как говорит Лёка Мале?

*

Малёк успел уже ополоснуться и переодеться, и поэтому дядя Тума налетел на него с новой силой, но уже по другому поводу. Он обругал племянника шалопаем и велел ему отправляться на работу и ударным трудом смыть с себя позор прогулов. Ему и самому надо быть в порту, а не прохлаждаться в компании родичей. Малёк сопротивлялся и говорил, что к смыванию позора он приступит завтра, но дядя был неумолим и на полголовы выше. Дядя Тума – суровый старый вояка. Он уволок нашего друга на службу, несмотря на его яростное сопротивление. Малёк бросал на меня извиняющиеся взгляды, и я сказал ему:

– Ступай, я что-нибудь придумаю.

Что я могу придумать?

Вы спросите, отчего мы не поговорили с начальником таможни? А бесполезно. Сказал же я: дядя Тума скептик, циник и боюсь, что атеист. Поверит он волшебнику, как же! Для него маг – это фокусник, достойный лишь деток развлекать в младшей школе. Как он на меня обиделся, когда я решил зарабатывать гаданием и проигнорировал его личное приглашение работать в таможне! Заметили? Он со мной вообще перестал разговаривать.

– Рики, – шепнул я, – поможешь мне?

– Всегда! – с готовностью подпрыгнул мой очень младший брат.

– Тогда отвлекай всех от вопроса, где я. Мне надо исчезнуть. Смотри, чтобы не ринулись меня искать.

– Есть, командир. А ты что будешь делать?

– Ох, лучше не спрашивай.

Я пошёл в помещение, служащее парикмахерской. Там нашёл флакон с чёрной краской для волос и баночку с таким средством, которое делает дам смуглее. Чёрт его знает, как оно называется.

Там же я нашёл нашу зверушку. Она сидела на низком столике и обнюхивала зеркало. Нет, своё отражение в зеркале.

Животное быстро освоилось во дворе и в доме Мале. Оно позволяло себя гладить и бегало везде без страха. Но когда я вошёл в парикмахерскую, зверёк взглянул на меня виновато и воровато и замёл хвостом, прижавшись к столешнице. Расчёски так и посыпались на пол. Я их поднял и попросил чудное существо быть поосторожнее. Оно, словно на цыпочках, повернулось к зеркалу и снова принялось разглядывать и обнюхивать своё отражение. Надо же, совсем ручной зверёк. Где он жил? Где такие водятся?

Рики увязался за мной.

– Миче, зачем это? Зачем тебе крем и краска?

– Надо.

– Я знаю зачем.

– Прекрасно.

– Тебя арестуют – и я умру.

– Рики, прекрати, и так страшно.

– Я тебя не пушу. Я заору.

– И что? Сдаться вот так, не попробовав добиться разговора, без которого начнётся падение и разгром?

– Разговора с кем, Миче? Ты что, хочешь говорить с самим королём?

– Почему бы и нет? Я слышал, он справедлив и добр. Ты видишь, надо говорить прямо с ним. И быстрее.

– А имя Корков?

– Я выкручусь. Ты слышал? Я отчаянный. Всё, Рики, времени нет. Если меня арестуют, скажи всем, Натe скажи, чтобы бежали из города как можно быстрее и дальше. Это главное. И, пожалуйста, если все откажутся – беги один. Так ты выманишь родню за пределы Някки и спасёшь её. Если успеешь отбежать подальше и подольше не попадётся тем, кто ринется тебя искать. Возьми с собой еду, тёплые вещи и все деньги у меня из заначки.

– Но... Но...

Я положил ладони на плечи испуганного мальчишки:

– Мы взрослые люди, да, Рики? Мы принимаем взрослые решения и действуем по-взрослому. Мы возьмём себя в руки и убьём свой страх. Мы не будем плакать, пока все живы, и никто не арестован.

– Хорошо, – шепнуло моё сокровище. – Я не буду плакать... пока. Я возьму себя в руки. Я выманю родню, и Натy, и всех знакомых за пределы, если тебя арестуют.

– От тебя всё зависит, – сказал я ему. – Действуй, Рики.

Он только кивнул. Мы вышли во двор, и я улизнул незаметно даже для Натy, хотя она с самого моего возвращения не сводила с меня глаз. Я заметил это потому, что и сам с неё глаз не сводил.

*

И вот я явился домой, и увидел следы нетерпеливых и нервных клиентов на клумбе под окном и по краям дорожки. Словно табун лошадей проскакал.

Сегодня никто не придёт, решил я. Сегодня все в порту. Но из-за сарая с тихим воплем ко мне метнулся человек. Этого ещё не хватало! Мне сейчас не до него.

Человек бухнулся мне в ноги, коснулся лбом плит дорожки, поднял лицо... И я узнал принцессу Назику.

Я заорал. Я не могу не орать, когда чужая принцесса в мужской одежде бросается мне в ноги.

– Что вы, что? – бормотал я, отступая к крыльцу, а она умоляюще сложила ладони. – Где ваш принц? Зачем вы здесь?

– Открой дом, Миче, ипусти меня внутрь, – затравленно озираясь, произнесла она совершенно без акцента. – Я в бегах. Я сбежала. Мне надо бежать. Помогите мне!

– Ни за что, – отказался я. – Ваши южные мужчины страшно ревнивы. Докажи потом, что я с вами не... ну...

– Речь о жизни и смерти, Миче, о судьбе всего твоего города, – сказала Назика, и тогда я открыл дом ипустил её внутрь.

– Ах, Миче, Миче, я не хочу, не хочу, – заплакала она, упав на стул в моём кабинете.

И тут я узнал её. Да-да. Ещё раз узнал. Смешно, но это она приходила ко мне в широкополой шляпе, приклеив усы и сняв кольца, и говорила низким для женщины, но высоким для мужчины голосом, и её хрупкие пальцы нервно подрагивали.

– Ты хотела, чтобы я помогал вора, пиратам и контрабандистам! – ахнул я. – Хотела выведать, насколько я твёрд в решении трудиться честно!

– Миче, Миче, – она закачалась из стороны в сторону. – Ты такой... Но не в этом дело. Ты неправильно понял. Мне было нужно другое, а ты сердись на меня. Ну и пусть, пусть. А ведь мне больше не к кому пойти. К кому мне обратиться? Я не знаю. Предсказание помнишь? Принц Далим потеряет меня, но я не хочу, не хочу, не хочу! Но приходится бежать, бросить его.

Она заплакала снова. Я ждал.

– Мне сказали: женщина решает всё. Я должна была охмурить Далима, вскружить ему голову, прижиться на его корабле, управлять им, погубить его. Мы встретились в Сароссе... Слушай: мой прежний муж велел влюбить в себя другого мужчину! Я выросла среди пиратов, но я их боялась, ко мне не были добры. Я послушалась. Я украла амулет и передала его Коркам. Они спрятали его где-то здесь... – И Назика пересказала мне всю задумку. Я не сказал, что амулет у меня. Я молчал. Женщина продолжала:

– Принц Далим полюбил меня. А я его тоже. Это было неправильно, но так случилось. Он захотел жениться на мне – и мне сказали, чтобы я соглашалась. Мой прежний муж развёлся со мной ради этого. Я всё больше и больше в Далима влюблялась. И что мне делать? Я должна погубить его, помочь разгромить ваши два флота. Убить любимого человека, лучшего из флотоводцев, чтобы легче было захватить столицу Някку. Я хочу спрятаться, убежать, не причинять никому зла, но... но... но как же Далим? Как мне жить без него? Ах, есть такой человек... Он имеет власть надо мной, он следит за мной, он управляет мной, его нельзя слушаться... Воспитанник Длинного Когтя. Да-да, самого атамана, – всхлипнула принцесса, понизив голос. И воскликнула в отчаянии, топнув ногой: – Нет-нет, я, конечно, убегу, только мне нужен конь. Пожалуйста, достань мне коня, Миче, а лучше – лодку.

Я всё молчал, а Назика сказала:

– Я не могу остаться. Я не причиню вреда Далиму, но он узнает всё равно. Потому что... Посоветуй, Миче! Что делать, как предупредить? Может, написать письмо? Если ты скажешь, я напишу. Далим возненавидит меня, никогда не простит.

– И правильно сделает, – отмер я. – Думаешь только о себе! Зачем явилась ко мне? Украла амулет – так лодку украсть раз плюнуть для такой, как ты. Душу захотелось облегчить? Так мне этого не надо. Твоя душа – тебе с ней и жить. Уходи, мне некогда.

– Миче, помири меня с Далимом, – вдруг выдала немыслимую вещь Назика. – Я могла бы попросить королевича, но ему не до меня. Он весь нервный, и сам поссорился с Далимом. Помири нас после того, как мой муж всё узнает. Это всё равно откроется, как ни скрывай.

– Надо скрыть, – рявкнул я. – Имя Корков всплыть не должно. Я обещал.

– Но меня спросят, кто руководил мной, ради кого всё это.

– Вали на своих жадных и лихих пиратских дружков, да прямо на атамана.

Тут до меня дошло, что я даю ей надежду и вроде как обещаю помощь. Как это вышло? Я не хотел. Назика вскинула руки.

– Так ты выручишь меня! Я знала! Знала! О, Миче, как хорошо! Хвала Эе, надоумившей меня прийти к тебе! Но амулет...

– Он у меня.

– А?

– Да!!! И я спешу его отдать твоему Далиму, я знаю, что задумано.

– О!

– А ты будь хорошей лапочкой и сделай вид, что ни при чём. Всего лишь охмурила принца, украла амулет и спрятала его здесь, в пещерах, жутко боясь пиратов.

– Я СПРЯТАЛА?!

– А теперь полна раскаяния. Ты пришла ко мне и сказала, где его найти. Да, именно ТЫ пришла и ТЫ сказала. Пришла ко мне, потому что... Почему?

– Потому что ты показался мне хорошим и добрым во время нашего с Далимом визита к тебе. Потому что поверила в твоё гадание. Потому что от твоего покровителя, от Чудилы, – Назика тоненько засмеялась, – король, его жена, Далим и я узнали о твоих сомнениях относительно планов пиратов.

– Вот-вот.

– А я знала, мучилась, но боялась сказать. Боялась гнева вашего государя, боялась, что Далим меня разлюбит. Боялась мести пиратов. Искала помощи у тебя. Так оно и было, Миче!

– Отлично. Я искал Доброе Сердце Эи за городом и нашёл, потому что ТЫ сказала, где его искать. Только так. Тогда я попробую вас помирить. Во всём виноваты пираты, что вырастили и запугали тебя. Ты слушалась их, хоть тебе не хотелось. Тебя заставили угрозами. Но ты полюбила принца, ты не хочешь для него поражения и гибели нашего города. Ты – хорошая девочка. Никаких Корков.

– Ты покрываешь предателей, Миче. Но ты ведь не заговорщик, я точно знаю. Зачем тебе? Не выгораживай их.

Я всполошился, сообразив, что если правда откроется, меня обвинят в пособничестве и ещё Эя знает в чём, однако сказал, наплевав на здравый смысл:

– Слушай, Назика, у меня есть причины. Я не заговорщик, я терпеть не могу Корков, но эти причины... они... ну... очень большие, – и воскликнул, страшно злясь на себя за слово, данное Лале Паг: – Ты сама предательница. Ты предала тех, кто тебя вырастил.

Тут Назика выпрямилась и сказала:

– Думаешь, моя жизнь была сладкой? Ты знаешь какво, когда тобой помыкают, когда оскорбляют и избивают тебя? Да, в семействе атамана все в этом большие мастера. Издеваться горазды, выматывать душу. Мой муж отдал меня другому мужчине ради своих планов. А я ведь знала другую семью и другие времена. Семьи бывают разные. Думаешь, меня любили на Лийских островах? Только Далим полюбил.

– Где он? Как мне попасть во дворец и говорить с ним, с королём... Да, с королём только и надо говорить. Ведь это большая тайна.

– Я не знаю.

– Но ты же принцесса. Проведи меня!

– Сказано специально: Миче Аги из Повыше во дворец не пускать. Тот, кого вы называете Чудилой, говорил уже со всеми. С королём, с королевой, с Далимом, с вашим адмиралом, и всё – больше не с кем говорить. Никто не слушает. Говорят: кто верит гаданию? Кто такой Миче Аги, что лезет с советами в таком деле? Что он понимает в войне и пиратах? Зачем Миче поднял эту тревогу – для неё нет причин, зато может возникнуть смута. На тебя очень сердиты, Миче! Ведь про то, что амулет в Някке, никому ещё не известно.

– Ну почему, почему ты не подтвердила слова Чудилы?

– Как?

Действительно, как? Их смогу подтвердить я, предъявив амулет Сароссе, Доброе Сердце Эи. Всё складывается очень удачно для Лалы Паг и её Корков. А для меня? Вы слышали? На меня сердиты. А я ещё собираюсь незаконно пробраться во дворец. На частную королевскую территорию.

Назика заломила руки:

– Я могла лишь высказывать предположения. Я высказывала, высказывала, но добилась только того, что на Чудилу и тебя рассердились ещё больше.

Я уже размешивал в баночке чёрную краску. Мне хотелось хоть несколько минут побыть одному, подумать, всё ли идёт правильно. Убрать бы отсюда Назику, чтобы никто не вздыхал, не трещал над ухом и не видел, как я сам себя уродую! Я сказал незваной пиратке:

– Иди в лавку игрушек, там, у базара. Купи мне детскую саблю и пояс, чтобы было похоже, как у твоего мужа.

Можно было обойтись без этого, но уж очень велико было желание остаться в одиночестве. Назика бы не дала мне покоя. Я нашёл, чем её занять.

– Вот, возьми деньги. Купи дорогую игрушку, в металлических ножнах, с тонким клинком из балька. И чтобы стёклышки качественные, на настоящие камни похожие. Я видел, там есть. Ступай.

Лишившаяся душевного равновесия принцесса даже не попыталась возразить, зачем мол, мне деревянная, да ещё такая дорогая сабля. Разве принцы никогда не оставляют оружие дома, если выходят в город? Покорно и молча пошла в магазин. А я, обмазывая голову мерзкой чёрной жижей, подумал: что ей стоит отправиться к пиратам, к Коркам и выдать меня, рассказать, что я забрал амулет из пещер? Я только вздохнул. Будь что будет. Назика казалась убедительной и искренней, но кто её знает?..

Принцесса вернулась, когда я смыл с волос гадость и в ужасе пялился на своё отражение. Великая Эя! Кошмар-то какой!

А она действительно принесла мне игрушечную саблю и пояс, усыпанный стекляшками. Из ножен с шуршанием вытягивался деревянный клинок.

Назика хохотала, как припадочная, увидев меня с чёрной торчащей шевелюрой и выпученными от ужаса глазами, но потом усадила в кресло, причесала и щедро обмазала средством для смуглости кожи. Она не забыла даже про руки. Я бы точно забыл. Маленькую розоватую родинку у виска принцесса сделала коричневой при помощи Рикиного карандаша.

– Ты со мной? – спросил я.

– Конечно.

Очень смело.

Я надел костюм, подаренный Далимом, пристегнул игрушечную саблю и вновь посмотрелся в зеркало. Картинка! Родная мама не отличит.

– Идём.

Мы наняли экипаж, и он повёз нас на гору, туда, где стоит этот большой и красивый королевский дом.

– Где Далим сейчас? – спросил я снова.

– Должен быть в порту, но, наверное, во дворце, меня ждёт.

– Во дворце... – протянул я.

– А что такого? Тебе ведь главное попасть внутрь и быстро найти короля.

Я посидел, пытаюсь унять нервную дрожь, а потом спросил:

– Почему ко мне приходила ты? У вас, пиратов, что, недостаток в людях? Твоя задача быть при муже, а ты шастаешь, вербуешь магов.

– Меня никто не подсылал, – потупившись, призналась она. – Я сама пришла. Хотела проверить, что ты за человек. Я ведь на стороне Далима. Я хотела открыться в тот же вечер, когда пришёл Чудилка, но не решилась.

– Ясно. Я сразу понял: ты знаешь Чудилку.

Она чуть смутилась, но тут же, рассмеявшись, махнула рукой:

– Ах, кто же его не знает!

– Но тебя потом видели в парке с одним нашим приятелем.

Назика кивнула:

– Я тоже тебя видела. Там был один ротозей. Вернее, в парке их было много. Как не вспомнить голодное детство?

– В смысле?

– Хотела проверить, смогу ли я ещё выгнать у кого-нибудь кошелёк.

Я сделал вид, что поверил, но, честное слово, это смешно, став принцессой, воровать кошельки. А если бы она попалась? В этом случае её не волновало бы, что скажет Далим?

– Приехали. Пошли, Миче.

– А как же ты?

– Я с тобой.

– Но ты в мужской одежде.

– И что? Выгляжу я прилично, волосы в порядке. Скажу, что это шутка. Или меня могут принять за твою охрану. Просто надену головной убор.

– Ой, делай, что хочешь!

С этим воплем души я вылез из экипажа, извлёк из него свою спутницу и мы направились к воротам.

Глава 15. Меняются планы

Безо всяких осложнений мы с Назикой прошли во дворец. А ведь останься я анчу Миче, меня бы и к воротам не подпустили. По словам Назики, Чудила довёл короля до белого каления, и тот уже слышать обо мне не может.

– Но это ничего, всё будет хорошо. Ты сам сказал, – шепнула наивная принцесса.

– На меня все смотрят. Я что, не достаточно чёрный?

– У тебя губа разбита и царапина на лбу.

– А что, принцы не разбивают губу?

Назика мелодично засмеялась:

– Возможно, Далим прошёл здесь минуту назад. С нормальной губой.

– Ты так и пойдёшь со мной, как мужчина?

– А что делать?

– Где твоё платье?

– Возможно, Далим как раз сидит на нём в нашей спальне.

Ей очень хотелось остаться с принцем и прожить всю жизнь душа в душу.

– Очень красивые интерьеры, замечаешь? – спросила Назика.

Я ничего не замечал, мне было страшно. Да, вроде были какие-то интерьеры, и в них царил суеда, как и положено в доме, где происходит нечто серьёзное, например, хозяйева отправляются в дальний путь. Слуги носились, народ мельтешил, кто-то обращался ко мне, но отвечала Назика, у которой вдруг снова появился акцент. Что она отвечала? Кто её знает. Мне было не до таких мелочей. Куда я забрался?! Вы помните, что было, когда Рики, десятилетний мальчик, всего лишь копал ямку в парке высокородных Корков? Но скажите мне, кто высокороднее короля? А я приволок в его дом похищенную святыню и Назику, которая по сути пиратка.

– Ой, мама!

– Спокойно. Тронный зал. Сейчас доложат, и мы войдём. Ох, вдруг в тронном зале Далим?

– Да не всё ли равно? – зашипел я на спутницу, замучившую меня разговорами о своём любимом. – Всё, что нам нужно – это показать кому надо амулет. Идём. Ой, мама!

– Я с тобой с ума сойду.

– Тебя убьют твои пираты, мы совсем не подумали, – в панике зашептал я.

– Да видишь ли, мне всё равно. Ещё пусть попробуют подобраться, – сказала эта смелая девчонка.

Из глубины зала донеслось:

– Далим, детка! Назика, ну что вы встали? Заходите.

Там, у окна, стоял статный человек с весёлым и добродушным лицом. Я видел нашего короля не впервые, и всегда он был таким. Его улыбка была не натянутой, а шла от души – и это очень подкупало. Он и его королева часто приезжали в университет во время праздников и соревнований, они дружили с нашим руководством. Когда нам вручали дипломы, король лично пожал руку каждому выпускнику, а Чудилу даже по плечу похлопал, отчего тот покраснел, как девчонка.

И вот что интересно: Чудила как раз был здесь, причём одет он был, как моряк. Как морской офицер. Но волосы его торчали дыбом, он закусил губу и смотрел сердито. Я так

и отметил про себя: Чудила совсем обнаглел, и ему здорово за это влетело. Сейчас влетит и мне – ведь я всё по тому же вопросу.

– Что такое, Далим? – спросил король. – Назика, дочка, отчего ты в таком виде?

– Шутка, – радостно вякнула нахалка. – Это шутка, ваше величество. Мужская одежда удобна. Я в ней поеду.

– Далим, что? – уже с досадой в голосе обратился ко мне король.

Назика, сильно коверкая слова, сказала:

– Ваше величество, мой супруг хочет говорить с вами конфиденциально.

– Конфиденциально, – машинально поправило величество и попросило Чудилу:

– Ступай, Петрик.

– Но я...

– Мы больше не говорим об этом.

– Но...

– Иди. Пора тебе уже занять место на флагмане.

– Я не...

– Увидимся в порту.

И Чудиле пришлось удалиться. Он ушёл, кинув на меня злой-презлой взгляд.

– Что, Далим, мальчик мой? – спросил меня король, и я выпалил:

– Я – Миче Аги с Верхнезадвиженской улицы. Я... то есть мы с вами встречались... уже...

Король переменился в лице, но это был не гнев. Он сказал:

– Я помню, Миче.

Вот и вся маскировка.

– Я анчу, – лопотал я. – Просто пришлось перекраситься, чтобы пустили. Я...

– Миче, я знаю, что ты скажешь. Это бред. Не отнимай моё время, ладно? Меня ждут в порту.

Но я не унялся и продолжил нести окопесу.

– Хочу помирить Далима с Назикой, после того, как всё расскажу, и они поссорятся. Она не виновата, её заставили, но она осознала. Пришла ко мне с просьбой о помощи. Она, как и я, знает, что не надо далеко уводить корабли, что пираты только и ждут этого. И... вот.

Тут я вынул из коробочки амулет Сароссе и вкратце рассказал о нашем с Мальком и Рики приключении, напирая на то, что узнал о том, где находится амулет, от Назики, укравшей и спрятавшей его по настоянию пиратов, а потом боявшейся сознаться.

– Ну и ну! – воскликнул король, широко распахнув светлые глаза. – Почему же Петрик не сказал, что твои слова о поражении – это твёрдое знание, а не результат дурацкого гадания?

– У меня же ещё не было доказательства, ваше величество, – выкрутился я. – Мы не хотели подводить Назику, ну... раньше времени. И я ведь не знал её хорошо. Мало ли... Да. Я сам боялся обмана.

Он хороший и понятливый человек, наш король Стоян Охти. Он немедленно велел позвать нормального Далима, ну а я принялся их с Назикой мирить. Правда, я всё валил на девочку, чтобы не употреблять имена Корков и Лалы Паг, я же обещал, а ей всё равно терять нечего. И что вы думаете, эти двое помирились? Да они даже не сделали попытки поссориться. В конце моего рассказа принц Далим держал свою Назику в объятиях, не стесняясь ни меня, ни короля с подобравшейся к нам королевой. Он лопотал что-то о том, что у него самая любящая, самая преданная, находчивая и красивая жена на свете. Скажу вам, что насчёт находчивости он прав.

В кулаке Далим крепко-крепко сжимал амулет. Я даже подумал, не больно ли Доброму Сердцу Эи? Время от времени принц раскрывал ладонь и благоговейно и с умилением смотрел на обрётённое сокровище. Из его глаз катились слёзы, падали прямо на красное сердечко, и я

подумал: здорово, что мы с Далимом похожи не только внешне. Знаете, принцы – они ведь тоже просто люди.

Но радость радостью, а надо было ещё придумать, как обелить и оправдать принцессу в глазах подданных родителей её мужа. Объяснить пропажу и возвращение реликвии, и поход на Лийские острова её связью с пиратами? Нельзя трепать имя Назики, жены наследника престола.

– Пока всё сохраним в тайне, но слухи всё равно возникнут и пойдут гулять по стране. Что скажем народу впоследствии? Как объясним вдруг изменившиеся планы? – наконец спросил король и сам же ответил: – Миче Аги, молодой волшебник, которому небезразлична судьба нашего города, употребил весь свой талант на раскрытие вражеского замысла.

– Не надо, – отказался я. – Давайте, ваше величество, объясним мудростью вашей и принца Далима. И героическими усилиями нашей разведки, таможни и тайной полиции. А то пираты вместо Назики убьют меня.

– За что? За гадание? Кто верит гаданиям? Но как скажешь, мой мальчик, – засмеялся король, а королева растрепала мои свежепокрашенные кудри и, прижав меня к себе, всхлинула тоже:

– Мой мальчик!

– Как хорошо! – восклицала Назика, отбросившая привычку говорить с акцентом. – Всё сбылось, всё будет хорошо, и я не потерялась. Миче взялся отвести беду – и отвёл её!

– Ещё надо победить пиратов, – напомнил я.

Король хлопнул в ладоши:

– Итак, в порт. Я дам новые распоряжения. Об изменившихся планах капитаны и команды узнают лишь в море от Петрика, которого я наделю особыми полномочиями. Далим, я буду готов через десять минут.

Все разбежались, со мной осталась одна королева.

– Миче, – обратилась она ко мне, – что ты хочешь за такую верность и предприимчивость?

Я рассмеялся. Этой маленькой женщины стесняться было невозможно. Говорили, что она весела, любит безобидные шутки и розыгрыши, увлекается спортом и знает толк в мореходстве. В юности она поднималась с экспедицией на вершину Дома Эи – одной из самых высоких гор. Она покровительствовала двум юмористическим изданиям, но, когда я видел её, например, в университете, замечал в её глазах грусть.

– Не думал, что за верность и предприимчивость надо чего-то хотеть, ваше величество, – с улыбкой ответил я. – Хотелось бы пойти домой, пока моя родня меня не хватилась.

Она не сводила с меня печальных глаз. Как я её понимаю! Королевич, её сын, уходит воевать с пиратами. Если бы речь шла о Рики, я бы умер.

– Тебе хорошо живётся, Миче? – спросила королева. В мыслях я уже был за праздничным столом, поэтому воодушевлённо воскликнул:

– Да, очень хорошо, ваше величество!

– Всё ли у тебя есть, Миче?

– Да! У меня, например, есть очень младший брат, ваше величество. Этого вполне хватает.

– Малыши иногда так достают! – рассмеялась теперь и королева.

– Ох, нет, это я его достаю, – радостно улыбаясь, сообщил я. – Совершенно замучил его своей заботой.

– Есть ли у тебя друзья, Миче? Хотя, ваш ректор говорил, что ты очень общительный. Надо же, королева интересовалась мною, маленькой мошкой!

– Да, это так, – с гордостью за себя поведал я, забыв прибавить «ваше величество».

– Но есть же и лучшие друзья. – Королева не заметила моей оплошности.

– Конечно. Это Лёка Мале, про которого я сейчас рассказывал. Да ещё вот Чудила. В смысле, Петрик Тихо. Он только что был тут.

– Так вы, – сказала она, – заходите сюда. С Петриком.

– Зачем? К чему это, ваше величество?

– За компанию. Что ж, мне пора, Миче, надо проводить родных и близких. Спасибо тебе, Рики, и Лёке Мале.

Она быстро вышла из зала, а я остался и хлопал глазами. Лакей, замаячивший в поле моего зрения, недвусмысленно дал понять, что мне тут нечего делать в отсутствие царствующих особ, будь я хоть трижды принц Далим. Кстати, шестой снизу рубин на правой ножке трона мне не понравился. Не был бы он фальшивым.

Я двинулся к выходу, и в коридоре попал в чьи-то сильные лапы. Меня приплюснули к стене и сунули в нос кулак.

– Я тебя излуплю, Далим, – сказал мне в лицо разъярённый Чудила. – Ты ходил к Миче – и не веришь ему. Ты не понял, что это за человек, да? Не говори только, что и хорошие люди ошибаются. Поражение, Далим, будет на твоей совести.

Эта навязчивая идея насчёт моей непогрешимости мне уже надоела. Жутко действовала на нервы.

– Можно было выслать разведку, и узнать, где в действительности прячутся пираты, можно было просто подумать. Столько времени прошло, а теперь уже поздно! Как мне оставить город и родителей, Далим, если я знаю такое?

Я решил прервать стенания Чудилы.

– По какому праву ты поднял руку на особу королевских кровей? – спросил я, грозно сдвинув брови.

Это немного озадачило Петрика, и он убрал кулак из-под моего носа.

– Ну, ты и сказал, Далим! Мы тысячу раз лупили друг друга. Забыл, что мы шестикоронные кузены?

Ага! Вот в чём причина того, что наш Чудик обласкан при дворе – он дальний родственник государей. Он не хотел говорить этого в нашей компании, потому что дорожит нашей дружбой, но разве мы стали бы к нему хуже относиться?

– Когда это мы с тобой дрались, Чудила, ау? – засмеялся я. – Борьбе ты меня учил, это было, но это всё. Я как-то всё больше по Кохи специализируюсь.

Глаза Петрика полезли на лоб.

– И кто из нас чудила? – рявкнул он. – Миче, ты? – Не дожидаясь ответа, он стиснул меня в объятиях. Что-то хрустнуло, ой-ой. – Ну как?

– Ну так. Я добыл амулет и всё устроил. Что глазами моргаешь? Да-да, сам добыл Доброе Сердце Эи, как доказательство нашей правоты. Здесь добыл, ни на каких там тебе островах. Король Стоян сейчас даст другой приказ. Отплыть, затаиться, дожидаться, напасть, разгромить. Корки утрутся, ура! Получив известие о том, что корабли держат курс на Лийские острова, пиратский флот покинет укрытие, приблизится к Някке, а тут мы. Ну или как-то так. Может, адмирал знает, где поблизости может прятаться целый пиратский флот, и мы нападём внезапно. Главное, чтобы не разошлись слухи и не разлетелись вести.

– Миче, ты лучше всех! – прямо как мой Рики, завопил Чудила. – Это точно? Да? При чём тут Корки? Расскажи, как тебе удалось добыть талисман. Только давай так: по пути во двор.

Этого как раз хватило. Я пообещал ему рассказать подробней, когда он вернётся, а он мне – что никогда не упомянет имена чёртовых Корков и Лалы в связи с этим делом.

А ещё мне было интересно, каковы его отношения с флотом, с какой радости ему доверили командовать и носить форму морского офицера. Когда это наш Чудик обучался мореходству?

– А вот такой я – всё успел, – смеясь поведал мой друг. Он нервно теребил украшение на шее, золотую, узкую, длинную пластинку на цепочке, которую носил всегда, сколько я его помню. И я подумал, ладно, каждый имеет тайны, пусть будут и у нашего дружка. Ну такой вот он у нас, человек-загадка. В любом случае, сейчас не время лезть к Петрику в душу. В конце концов, не так уж значительно его звание, возможно, оно лишь атрибут высокого положения, которое этот чудила (а как сказать иначе?) скрывал от нас, своих друзей. И ведь чем-то он занимался в отрочестве в своём родном городе? Возможно, как раз изучал морское дело. Я потом его расспрошу.

Во дворе король и Далим готовились отбыть в порт, они уже сидели на конях, а их супруги и другие женщины – в колясках, вокруг теснились придворные и разные важные личности, все верхом. Тут они заметили Чудилу, и все ему закричали:

– Петрик, да ты что? Почему ты ещё здесь? Скорей, быстрее! Да как же так можно?

Он, было, рванулся в том направлении, но вдруг остановился и взглянул на меня беспомощно.

– Если что, – сказал он, – не грустите. Если что – я буду с вами даже в виде привидения. Я испугался так, что у меня прервалось дыхание.

– Дурацкая шутка, – похолодев, выдал я из себя. – Не надо так, Петрик.

– Всё будет нормально, – он широко улыбнулся. – Теперь – нормально, Миче.

И так мы стояли друг напротив друга, не обращая внимания на окрики. Чудила сказал:

– Привет там всем... – и хотел идти.

А я шагнул к нему и крепко обнял, и пробормотал что-то о том, что жду его с победой. И о том, что – как же так? – у меня не хватило времени сделать ему дополнительный амулет. Оберег, который хранил бы его в море и в бою.

– Дурачок, – шепнул расчувствовавшийся Чудила, – ты не понял, что нет сильнее оберега, чем доброе сердце. Благословение Эи будет с тобой всегда. И я вернусь, ведь ты этого хочешь.

– С нами, – объяснил я ему. – Благословение Эи будет с нами. Ты причастен не меньше к спасению Доброго Сердца. Ты рисковал многим. Я тебя жду.

– Кажется, ты не понял, о чём я, – усмехнулся Чудила.

– Петрик, скорее! – кричали ему.

Кричали что-то ещё, но для меня слова сливались в неясный шум, в гул прибоя: «Ышшш! Ышшш!». От волнения что-то сделалось со слухом.

Отцепив меня от себя, мой друг побежал к тем, кто отбывал в порт. Король и королева смотрели на сцену нашего прощания очень странно. Выражение их лиц было напряжённым и расстроенным.

А вот заморский принц и все прочие веселились от души, глядя на меня. Нет, никто не смеялся оскорбительно, не показывал пальцем, но понятно же, что всем удивительно и интересно наблюдать Далима номер два, перекрашенного анчу из Повыше, пробравшегося во дворец... Далим, думаю, сумеет объяснить, зачем. Например, чтобы проститься с другом Чудилой, которого не выпускали в город, потому что он провинился перед королём. В другое время я сам посмеялся бы и пошутил, зрелище темнокожего меня, согласитесь, забавное до невозможности. Но было совсем не до этого. Я забыл, как странно выгляжу.

По инерции я тихонько двигался за Петриком. А он быстро пересёк лужайку, вскочил на Сокровище, лучезарно улыбнулся нам всем, махнул рукой, и сильные мира сего отправились вершить великие дела.

*

Королевский поезд выкатился за ворота, стихли стук копыт и приветственные крики на площади. Красивые эти люди недавно были здесь, Далим и Назика, и Петрик, даже король с королевой, оборачивались и махали мне и тем, кто провожал их, выйдя во двор, на зелёную

лужайку, и вот они уехали, скрылись за поворотом, за домами, за чужими головами. В моём сердце только грусть и тревога, и что с этим делать?

Что?

А на меня глядели с любопытством, подбирались ближе, я слышал девичьи смешки, удивлённые возгласы мужчин. Дети поварих и горничных окружили меня, трогали мою одежду, заглядывали в лицо.

– Нет, – тоненько крикнул крохотный мальчуган, – это не принц Далим. Принц уехал бить пиратов. У этого сабля не настоящая.

– Вы кто, дяденька? – пискнула полненькая девчушка лет восьми.

– Это Миче. Миче, сын Арика Аги, – сообщил кто-то. – Я слышал, его так называли. Гляжу – и впрямь Миче.

– Ты чего это, Миче, больше не хочешь быть анчу?

Вокруг засмеялись.

– Я не хочу? Почему? – удивился я. И вдруг вспомнил, какой я сейчас чёрный, и расхохотался. Надо же, какой случай!

Вокруг веселились тоже – меня, как вы помните, хорошо знают в Някке. Я шутил и объяснял, что решил ради смеха намазаться гуталином, и отправился домой в прекрасном настроении.

Благословение Эи будет с моим Петриком всегда. Пусть будет.

*

Гостей Мале чуть удар не хватил, когда они узрели меня в таком виде. Я сказал: праздник – так праздник. Имею право пошалить. Раз у меня есть заморский костюм, то к нему нужен заморский вид.

– Ты ведёшь себя, как Петрик, – упрекнула меня мама.

– С кем поведёшься, – усмехнулся папа.

Рики же был в восторге, что меня не арестовали. Он первый помчался в порт – сообщить Мальку, что всё нормально.

Чего-то не доставало. Вернее, кого-то. Лоры, одной из моих двоюродных сестёр, той самой, что дала от ворот поворот Ловкачу Воки.

– Ах, Лора! – махнула рукой её мама. – Она в больнице.

Меня поразил легкомысленный тон тётушки. Дочь заболела, а ей хоть бы что! Видя выражение моего лица, она объяснила, смеясь:

– Миче, дурачок, сегодня выписывают её парня. Того, для которого она заказывала у тебя защитный амулет. Думаю, они поженятся, да-да.

– Значит, это парень заболел, – догадался я.

– Он упал со смотровой площадки, – подскочила младшая Лорина сестра. – Ждал-ждал Лору, она всё не шла, и тут, говорит, ему показалось, будто она его зовёт из-под площадки. Он удивился, перелез через ограду, наклонился – ну и привет. Мог бы насмерть разбиться. Это знаешь, когда случилось? Как раз в тот вечер, когда вы за зверушкой из города уехали.

– Там сосна, – пояснила тётя. – Парень упал на сосну, чудом жив остался. Даже не сломал ничего, только поранился сильно. Будет парочка шрамов, ну да это можно пережить.

– Это, Миче, твой амулет действует! – радовалась сестрица.

От сердца отлегло. Значит, Лора здорова, просто опекает любимого. Надо с ним познакомиться на досуге.

– Попозже они оба сюда придут, – сказал папа.

Странно, однако. В газетах пишут, что в нашем городе увеличилось число несчастных случаев, связанных с падением откуда-нибудь.

Вся наша толпа дружно наблюдала за отходом кораблей, только папу отправили обратно в Лечебницу. Но он тоже видел море и суда из сада, с большой высоты.

Это было красиво. Корабли казались кружевными и игрушечными издалека. Какими-то они вернутся?

Их было так много, что они заняли всё видимое пространство слева и справа, но почти незаметно все они скрылись за горизонтом. Сколько-то их возвратится в гавань?

Отыграв последний бравый марш, замолк оркестр. Что он будет играть, когда наступит день встречи?

Весело гомоня, разбрелись пёстрые толпы. А ведь многие из этих людей в тот день будут плакать, узнав, что потеряли своих близких навек. Если бы я мог, то предотвратил бы этот бой, но тут я бессилен. Рики дёрнул меня за рукав:

– Чудилу ведь не убьют, а? Он совсем не хотел воевать.

– Надо, сынок, – сказала мама. – Если мы не покажем свою силу, пираты возьмут нас голыми руками. Они обнаглели и людям житья не дают.

На руках у мамы вертелась наша зверушка, вымытая и причёсанная. Они полюбили друг друга.

– Мы назовём её Чикикуки, в честь того камня, да, Миче?

– Не уверен, что камень зовут именно так, Рики. Но пусть будет Чикикуки.

Зверушка не возражала. А мой очень младший брат вздохнул:

– Хорошо, что имя такое, не пойми какое. А то мы так и не поняли, мальчик это или девочка.

Это точно. Зверёк, как дикий, сопротивлялся переворачиванию на спину. Потому-то я настаивал на том, что это девочка. Чикикука.

– Конечно, девочка, – подтвердила мама. – Вы бы видели, как она вылизывалась у зеркала в парикмахерской Мале.

– Ты бы видела, в каком виде мы её нашли. Это Рики её потом немного вычесал.

– Пока вы её не нашли, у девочки была тоска от одиночества, и ей было всё равно, – объяснила мама.

– Если это девочка, – хихикая, сказал мне на ухо Рики, – то она влюбилась в Кохи. Ты видел, как она его обнюхивала?

У тоненькой колонны смотровой площадки стояла тоненькая девушка в мрачно-синем платье, с волосами, собранными в тугую дулю. Она не сводила взгляда с моря.

Мадина Корк полюбила Петрика Тихо. Полюбила глубоко и нежно, я это понял без всяких карт, лишь взглянув на неё. Она боялась, что он не вернётся. Она не заметила, что я стою недалеко и смотрю на неё. Вот такое несчастье свалилось на дочь моих врагов. Любовь не к тому.

Я протянул руку:

– Ната...

– Что, Миче?

– Нет, ничего.

*

Прошло несколько дней.

Они летели один за другим, и в течение дня я не успевал думать о плохом. Много работал, и мне было не до того. Я привлёк к работе Рики, и он самозабвенно строгал дощечки, выжигал на них замысловатые буквы древнего анчутского алфавита, и прочее, и прочее. Я упорядочил свой день, я стал вывешивать над домом флаг – это значит, есть приём. Нет флага – нет приёма. Имею же я право отлучиться и поесть. Люди хотели знать, вернутся ли их близкие домой, и многим не суждено было вернуться. Я не гадал на Чудилу, и Рики запретил. Ни на него, ни на Далима. Я боялся. Но просыпался ночью и выходил за калитку туда, откуда хорошо просматривается гавань. Не видно ли кораблей?

Вдруг испортилась погода и начался дождь и шторм. И тогда ночью я вдруг понял, что плачу в подушку. Вместо того, чтобы свалить это на погоду, усталость и дурной сон, вытереть глаза и заснуть, я встал, оделся, накинул плащ и вышел в сад.

– Миче, ты куда? – Рики тоже встал и оделся. – Я с тобой.

Молча мы шли по мокрому, пахнущим свежестью и хвоей улицам, всё выше, на обрывы Вершинки над морем. Мы стояли на высоте, а под нами бились о берег упрямые, пенные, пугающе высокие волны.

С Петриком случилась беда.

Может, он в страшной опасности, может быть, умер. Как же мне жить теперь? Ко мне жался Рики, он всхлипывал, уткнувшись в мой бок, потому что очень любил Чудилу. Наша зверушка, увязавшаяся за нами, сидела на парапете и тоже смотрела в море.

Вдруг она вздрогнула, заурчала и одним прыжком оказалась за нашими спинами.

– Ррр...

Там стояла Мадина Корк.

Да можно ли девушке ночью, в шторм, одной бродить по городу так далеко от дома? Первым делом я испугался, что из-за неё у меня опять будут проблемы с Корками, а вторым сказал:

– Какой смысл стоять здесь, Мурашка, если из башни вашего дома отлично видно побережье и море? Тебя родители загрызут за то, что болтаешься по городу в темноте. Где твои братья?

Из башни её дома также хорошо видна площадь, которую мы с Рики пересекли по пути на обрывы. Я знаю, потому что однажды, в детстве, в отсутствие мужской части Коркиного семейства, одноклассницы затащили меня туда ради гаданий и рассказывания страшилок из пещерной жизни анчу. Прибежав сюда за нами под влиянием порыва, Мадинка теперь боялась возвращаться одна. Мурашка – это её детское прозвище. Не потому, что она боязлива или не любит холод, а потому, что трудолюбива, усердна и заботлива. Девушка замотала головой и припала к платану в расстроенных чувствах.

– Мы тебя проводим, – вызвался Рики. – Мы проводим Мадину, правда, Миче?

– Угу.

Я снова уставился в море, и снова ничего почти не видел. Набережную освещали фонари, а там, дальше, редела чернота. Вокруг маяка клубился подкрашенный алым туман, и нигде ни души.

Чикикука залезла мне под плащ. Не из приятных ощущение – мокрая тушка на груди. Мы, трое, молчали. Наконец Мадина спросила:

– Миче, ты думаешь, где-то бой?

Именно так я и думал, потому и кивнул.

– Думаешь, кто-нибудь из наших знакомых... В смысле, думаешь, кто победит? Может быть, ты гадал? Может, ответишь мне, как предсказатель?

– Должны победить наши. Нас много. Внезапность. Буря. У Петрика есть мой амулет. Я сделал его давно, и ведь такой же помог однажды. Да, тогда была большая драка в порту, а Чудила туда затесался, чтобы остановить.

– Матросы напились и подрались, и могли пострадать обычные горожане, – пояснил Рики, который был в курсе всего.

– И что? – спросила девушка. Таким тоном спросила, что я уловил – она знает эту историю.

– Чей-то нож наткнулся на амулет, как на маленький щит. Талисман развалился, а на Чудиле ни царапинки. Потом я сделал новый.

Не говорил ли я с Мадиной так, что она могла подумать, будто я одобряю их с Чудилкой привязанность? Ни с того ни с сего, сразу повёл рассказ о её любимом. Надо попробовать выкрутиться.

– Извини, волнуюсь о нашем друге, – нашёлся я. – Отвлекаю тебя от мыслей о твоих друзьях.

– Миче, – помолчав, снова начала Магина, – думаешь, бой очень большой? Очень страшный? Думаешь... Что ты думаешь? Что-нибудь случилось? С общими знакомыми, например? С Чудилой твоим?

– Я дал себе зарок не гадать на Чудилку. Но если бы знал, что встречу тебя, и ты спросишь, погадал бы.

– Но что ты ощущаешь? Что всё плохо? Или же нет? Предсказатели чувствуют и без гаданий.

Я задумался. Да, чувствовал я, что всё плохо. Но некоторое время назад. Теперь же сердце моё почти успокоилось. Может, из-за того, что встретил Мурашку? Присутствие таких людей успокаивает.

Не выдержав, влез Рики:

– Теперь уже всё гораздо лучше.

– Да, Миче?

– Возможно. Да, видимо так.

Мадинка облегчённо вздохнула, улыбнулась и отвела с лица мокрую прядь. Я спросил:

– Кохи вернулся домой с этой вашей Лалой? Я слышал, он за город уезжал.

– Да.

– Коня забрал? Мы нашли и у стражи оставили.

– Да. Забрал.

– Ну и ладно.

– Он заболел.

– От чего?

– От простуды и расстройства.

– От какого?

– Я не знаю. Врач сказал – это нервное расстройство.

Я не мог не съехидничать:

– Кохи мерещатся белые бесенята?

– Кохи четыре дня не мог встать с постели.

– Наверное, ударился головой, – предположил я, опытный искатель приключений.

– Нет. Но он совсем молчит, ничего не рассказывает. Это ты с ним подрался, да, Миче?

– Когда бы это я успел? – лицемерно воскликнул я. – Думаешь, почему я спросил? Просто знакомый стражник у ворот сказал, что видел, как Кохи с вашей воспитанницей покинул город, а вот теперь конь вернулся один. Кстати, что говорит Лала?

– Что Кохи повёз её в долину, вроде как на экскурсию, и на обратном пути эта чёртова кляча сбросила их. Мой брат покатился с обрыва. Конь убежал.

– Ну вот. Кохи ударился головой.

– Нет. Врач сказал, с головой всё в порядке.

– А что говорит Лала?

– Ты о том, почему экскурсия вышла долгой такой? Говорит, они остановились в гостинице, и ей захотелось погулять при свете Ви и Навины. Но она заблудилась, а Кохи её искал. Перенервничал и замёрз.

– Н-да... У него есть нервы? Кстати, Лале должно было здорово влететь за то, что она не сидела в чулане, а отправилась на экскурсию.

– Да, – понурившись, односложно ответила Мадинка. И потёрла локоть, будто бы там у неё синяк.

– Тебе тоже влетело, – догадался я.

– Нет, – слукавила дочь злодеев. Правильно. О том, что они злодеи, никто не должен знать.

– И Хроту влетело? Я понял, что тайна старого чулана – это ваша общая тайна.

Мурашка усмехнулась, и потупилась ещё больше.

– А что твои любимые родители сделали с Кохи за то, что он повёз наказанную девочку в долину?

– Нет, – не в лад ответила Магина, сторбившись, как старушка. Словно простонала.

Я понял. Кохи, вернувшемуся с экскурсии простуженным и побитым, влетело больше всех. Счастливые дети ласковых родителей.

Постояли немного молча, глядя в шторм. Мадинка подошла близко, заглянула в глаза:

– Ты, наверное, не знаешь, Миче, мы, трое, очень близки. Мы любим Лалу. Хрот – он ничего не имеет против анчу, он интересуется вашей историей, собирает ваши легенды. Втихаря, – Мадинка улыбнулась нежно. – Ему нравятся такие беленькие девушки. Кохи не ссорится с Хротом из-за этого, наоборот, часто спрашивает, как всё было в далёкие времена. Если ты... ранишь... Кохи или Хрота, мне будет больно.

Она считала, что я способен убить её братьев. Я смолчал. Мы с Рики проводили её до калитки сада Корков, потому что торчать непроглядной ночью над морем было бессмысленно.

Она так и не спросила, откуда мне известна тайна любимого чулана старого злыдня Кырла Корка. Наверное, Лала давно уже сама ей рассказала о своём благородном предательстве и моём обещании. И о том, конечно, как мы встретились с Кохи у подземных владений анчу.

И чем мне это грозит? Погадать, что ли?

Глава 16. После дождей

А через некоторое количество холодных, дождливых, штормовых дней продолжилось лето. Весь город журчал, сейчас это было царство бегущих наперегонки ручьёв и солнца, сияющего на воде. Так всегда бывает после больших дождей. Вода бежала по склонам, земля дымилась и благоухала, высыхая. Заливались птицы, они трепыхались в тёплых лужицах и блаженствовали, купаясь. О, как пахнут мокрые сосны, как манит море, как радуется вид белых убегающих облаков! В наступающей жаре капли падают на макушку с веток яблонь, и с сорняков в саду – на босые ноги.

Ах, что за дождь! Прекрасный и сильный дождь! Он прошёл и принёс красоту и жизнь.

– Что? – спросил Рики. – Что ты стоишь? Ты будешь собираться? Мы папу навестить идём?

Пусть за мной зайдёт Ната. Должна же она понять, как мне плохо? Мне обычно всегда хорошо, и это я прихожу, когда она плачет. Мне было настолько худо в эти дни, что я эгоистично решил отложить на потом лишение Наты надежд насчёт меня, если таковые надежды вообще имели место. Мне нужно было участие, но и Нате тоже. Мы с ней поддерживали друг друга в нашем беспокойстве. А теперь я стою босиком и гляжу через калитку на улицу, и за моей спиной спущенный флаг. За моей спиной с невозможной скоростью носится по лужам Чикикука, то плещится, то зарывается в мокрую траву. Фыркает и кувырывается от счастья.

– Ты погадал бы, – жалобно попросил Рики. – Сразу станет всё ясно. Ты ведь не ошибешься. А вот если я погадаю – я могу ошибиться. Я ещё маленький.

– Рики, – сказал я, – о человеке, который умер, не беспокоятся. А я беспокоюсь.

– Ты переживаешь.

– А ты пережёвываешь, – огрызнулся я. Помолчал и сознался: – Просто себе места не нахожу. Может, Чудилка ранен?

– Миче!

– Да нет, это я так, просто так.

– Миче!

– Сказал же, что не подумав.

– Да нет, глянь туда, там едут Корки!

Я глянул в сторону сада. По переулку, на замечательных конях, двигался небольшой отряд. Папаша Корк со своей Коркиней и с несколькими родичами. Куда это они, интересно, по нашей-то улице?

Свернув налево, отряд зацокал вниз мимо моего дома. Цоканье было еле слышно сквозь журчание воды и верещание ласточек. Богато одетые всадники вспыхивали драгоценными камнями сквозь пар, поднимающийся от дороги, волосы и гривы, пронизанные лучами, поблёскивали, сверкающие брызги разлетались от копыт, блестящие капли висели над головами на листьях. Красиво! А я схватился за ворот рубахи и, задыхаясь от злости, смотрел на процессию. Это всё из-за них! По их милости я измотан тревогой, бессонницей и работой. По их милости Чудилка сейчас в море совершенно без меня. Не могу защитить. Наверное, стоило попроситься с ним. Как это я не подумал?

Я же говорю: слухи – это напасть какая-то. В городе только и твердили о том, какой я молодец – сорвал планы пиратов, а откуда это стало известно, я понять не мог. В рассказах, полных невероятного вымысла, упоминался даже амулет Сароссе, о котором я узнал посредством гадания и за который бился – деревянной саблей! – с великанами и дУхами. И все валом валили ко мне со своими проблемами. Все превозносили меня до небес. Собственно, то же самое происходило и с Мальком. Семейный бизнес Мале расцвёл пышным цветом. Своя доля славы досталась и Рики. Мальчишки и девчонки ходили за ним по пятам, но Лалы Паг не было в этой компании.

Всё это было несправедливо, потому что мы втроём весело развлекались несколько дней, добывая амулет, а Чудила, например, безрезультатно бился лбом во все двери, не зная того, что предпринимаем мы, доказывал и портил с кем-то отношения. Это гораздо сложнее, уж поверьте. Он ничего не добился, но это не его вина, и о его усилиях не знают, и помнить не будут. Зато вспомнят о наших, если флот союзников потерпит неудачу: нас с Рики, как анчу, растерзают первыми. Вы чувствуете, я всё об одном.

Отряд уже миновал мои ворота, когда ехавший во главе его папаша Корк, резко развернул коня и быстро поцокал назад. Должно быть, он очень зол на меня – я сорвал его планы. Должно быть, его друзья-пираты уже давно обязаны были хозяйничать в нашей столице и посадить его на престол. А их всё нет и нет, а по городу ходят слухи о Миче, добывшем Доброе Сердце Эи, похищенное и спрятанное злоумышленниками в пещерах анчу.

Да, Корк, конечно, впал в бешенство при виде меня, но он не знал, насколько взбешён я.

Хлопнув калиткой, я выскочил на дорогу и встал перед его конём, как был: босиком, в наполовину расстёгнутой рубашке и лысый почти (вы же не думаете, что я всё ещё щеголял с чёрными кудрями? Я их сбрил).

– Ты, урод белоглазый... – яростным шёпотом начал Корк, свесившись с коня. И заткнулся. А что он скажет? Создается, что готовил переворот, а я сорвал его замысел?

– Это всё? – спросил я, трясаясь от злости.

– Ты... Ты... – заквакал он и, не зная, к чему придраться, ляпнул: – Ты что опять сделал с моим сыном?

– Что я опять сделал? Ну, скажи! – Я вцепился в уздечку его коня.

– Ты знаешь!

– Понятия не имею.

Наклонившись ниже, он закричал:

– Когда-нибудь на узкой дорожке я тебя убью.

Я рассмеялся ему в лицо:

– Давай, попробуй. И береги свои мозоли, если не разминёшься.

– Миче, не связывайся с ним, – послышалось сзади. Соседи выбежали на улицу мне на помощь, и у некоторых в руках были вилы, лопаты и палки. – Уезжайте себе, господин Корк.

– Эй, анчу, тебе что надо? – закричали из свиты.

– Отпусти уздечку, выродок, – шипел этот подонок.

Я бы отпустил, но это не я к нему лез изначально. Это он цеплялся ко мне и вывел-таки из себя. В ярости не подумав о животном, я дёрнул ремень, конь взвился на дыбы, Корк кувыркнулся и брякнулся. Я подскочил и схватил его за шкуру, пока он не пришёл в себя. Я сунул свои губы ему в ухо и шепнул кое-что:

– Помолись своему пиратскому богу за то, что я догадался, но не сказал. Облобызай ему ножки, потому что я не скажу. Не ради тебя. Ради других.

И я отшвырнул его от себя. И вот теперь меня убьют. Жаль, что волосы не успели отрасти – хотелось бы помереть с нормальными.

– Держите Рики за забором, – крикнул я соседям.

– Держите наглеца! – взвыл чёртов Корк.

Всадники надвинулись на меня, а чьи-то руки дёрнули меня назад, в толпу соседей.

– Расступись! – орала Коркова родня, пытаясь до меня добраться. – Выдайте преступника, напавшего на высокородную особу.

Соседи перегородили улицу, а на выставленные вперёд вилы особо не попрёшь.

Как по заказу появилась полиция. Знакомый лейтенант, дядя Вэт, крикнул что-то про порядок и суд, но Корк уже взгромоздился на коня и повёл своих в атаку. Ох, до чего ж плохи наши дела! Соседи в заботе обо мне крепко держали меня за руки. Они никогда не помнят, что я волшебник, и что руки мага нужны для колдовства и для их же защиты.

И тут звонкий голос перекрыл весь этот гвалт:

– Корабли! Смотрите, корабли!

На ограде, напротив моего дома, стояла Ната в платице в горошек и показывала на море.

Схватка заглохла, не начавшись. Крики взвились до небес. Корки умчались вниз. Соседи бестолково заметались, покидали через заборы домашние орудия убийства и понеслись следом. Лейтенант Вэт похлопал меня по плечу и сказал:

– Миче, мальчик, обратись в суд, тебе говорю. Может, Корков попустит.

Через мгновение его уже не было в поле видимости.

Я остался дурак дураком посреди улицы, и даже едва сообразил помочь Нате слезть. Из калитки осторожно выглянул Рики с Чикикукой на руках.

– Ну, вообще, Миче, ну ты даёшь! – только и сказал мой очень младший брат. Зверушка уткнулась ему в шею и дрожала от усов до кончика хвоста.

Мы помолчали.

– Могут вернуться, – наконец выдавил я из себя. – Кораблей-то нет.

– Но надо же было что-то делать, – пробормотала Ната.

Я притянул её к себе и обнял её, как Рики обнимал Чикикуку. А Ната вела себя также, как зверушка: уткнулась и дрожала.

– Спасибо, – говорил я, глядя её волосы и пытаясь успокоить. И всякий раз в таких случаях мне хотелось так прижимать её к себе всю жизнь. Я вспомнил, что мне ведь надо отказаться от этого, но прогнал кошмарную мысль, решив додумать её потом.

Ната не могла отсюда видеть корабли, если бы они входили в гавань. От моего дома открывается вид на то место, где пляжи, но не на порт. Но её крик взбудоражил всю округу. Люди с воплями пробежали мимо нас, скакали верхом, ехали в экипажах, всё вниз.

– Корабли! Корабли! – кричали все. – Что стоите? Наши вернулись! Победа! Победа!
– Победа?

Рики понёсся за угол и возвратился оттуда с дикими глазами:

– Корабли! На самом деле! Я их видел! Там!

Над Няккой грянули колокола, ликующий перезвон ворвался в безмятежное небо.

– Миче, стой! Обуйся хотя бы, – удержала меня за рукав смеющаяся Ната.

Очень скоро мы бежали вниз вместе со всеми, и в просветы видели на горизонте возвращающийся флот.

– А вдруг пираты? – испуганно крикнул я.

– Ты что? Это наши! Я узнаю корабли. Вон тот – флагман «Великая Някка», а вон там – «Решительный». Тот – самый красивый – «Роза Заполя». Вид у него потрёпанный. На том меня в детстве разок прокатали – смотрите, это «Прекрасная Ориес». Надо же! «Северянин»! Он такой строгий! Ой, глядите туда: даже маленький цел, «Малыш Ключ». Он участвовал во всех сражениях и всегда возвращался почти невредимым. «Летающий»? ... Нет, не он. Это «Энн Кари». «Летающего» нет, я не вижу. На тот дали деньги какие – то прошлые Корки. «Золотая мечта» называется. Понятно, какая у них мечта. Нет «Красавицы запада». Честно, нет её. Может, не дошла ещё, а? «Грозный Дук», его отняли у пиратов давным-давно. Его нет. Не вернулся. И двух новых нет. Миче, помнишь, мы смотрели, как спускали на воду «Лилию». Ужас какой! Где она? Миче, думаешь, все они... утонули?

– Не знаю, – охнул я.

Меня всегда изумляла страсть Наты к кораблям. Она знает их все, характер каждого, время постройки, имена капитанов. Кое с кем из них водят знакомство её родители, и Ната спокойно может попросить покатать её, взять в плавание и, представьте, ей доверяют штурвал и даже покомандовать. Она знает страшное количество морских песен и разбирается в рыбе, потому что её отец был сначала простым рыбаком, а теперь – один из трёх известнейших торговцев этой скользкой добычей. Мало того. Ната может водить речные торговые суда по прекрасной Някке, нашей реке.

– Ната, а где Чудилка? – теребил её Рики.

– Что ты, разве можно увидеть?

Судя по тому, что Петрик уезжал в порт с Далимом и королём, он должен быть на «Великой Някке», хотя вовсе не обязательно.

Команды сойдут на берег ещё не сейчас, но люди на набережной будут ждать. Пока переправляли раненых, и в порту грузили их на санитарные повозки. Я нагло отвёл глаза стоящим в оцеплении солдатам. Я бродил там и каждого встречного-поперечного спрашивал, не слышал ли он чего о Петрике Тихо. Зря я сюда пришёл. Невозможно было смотреть на этих искалеченных людей, заглядывать в их бледные, измученные лица. Война, это, знаете ли, не игра, не праздничное шествие. Это беды и боль. Надо было подождать вечера и прийти к госпиталю, где вывешат списки. Я не нашёл Петрика, зато меня затошнило и потемнело в глазах. Я ринулся было уходить, когда заметил долговязую фигуру приятеля – младшего доктора Шу, и пристал к нему с этим вопросом.

– Не знаю я, – вздохнул он. – Я не видал Чудилу. Где тут его найдёшь, смотри, что творится. С чего ты вообще взял, что ранен, почему сразу сюда пошёл? Здесь полно других моих знакомых, Миче.

Я знаю. Я сам склонялся над ними и звал их по имени, но не все откликнулись. Моя душа была полна ужаса, а живот сводили спазмы.

– Ты, Миче, или помогай или шуруй отсюда, – сказал Шушик.

– Но... Что делать надо?

Сколько-то времени я таскал носилки, потому что больше почти ни на что не годился. Когда вернулся домой, то рухнул на кровать, как полено, и проспал часа два, пока меня не разбудили.

– Вставай, Миче, – наш приятель Воки Ловкач тряс меня за плечо. Но мой организм сопротивлялся возвращению из забытья в эту кошмарную действительность. Открыв глаза, я снова закрыл их и отвернулся к стене. Мне всё мерещились эти раненые в порту, эти люди, с надеждой глядящие в море, эта беременная женщина, которую всю в слезах увели с набережной, эти слова Наты: «Миче, ты думаешь, все они утонули?»

И этот Ловкач, который, помнится, был замечен рядом с Назикой, укравшей амулет Сароссе. Я больше ему не верил, и это было горько. Что мы знаем о нём? Он не учился с нами. Он служил на таможне, и мы познакомились с ним через Малька, который привёл его на одну из пирушек по его просьбе. «Прицепился потому что», – объяснил Лёка. Я рассказывал уже, что сам он Ловкача не любил, но тот вошёл в нашу компанию и считался нашим приятелем.

– А ты, Воки, чего одет, как моряк? – спросил я Ловкача вместо приветствия.

– Ну вот тебе и здрасти, – засмеялся тот. – Я только что с корабля.

– Откуда?

– Миче, ты что? Я уходил с флотом. И, представь, не просто так, а на «Северянине». Хоть и простым матросом, но интересно же!

– Стоп! – сказал я. – А почему мы ничего об этом не знали? Почему ты не сказал, что уходишь в море, когда мы тебя встретили у ворот? Почему не знал Малёк, а он работает с тобой? Подожди, он сказал, ты уволился, но ни разу потом не зашёл ни на службу, ни к нам. А мы тоже не могли зайти, потому что адреса твоего не знаем. Где ты живёшь, Воки?

– Как же я мог зайти, Миче, если я был в море? Я для того и уволился, чтобы поступить на корабль. А ко мне заходить нечего. Ты знаешь: отец пьёт, и всё такое.

– Но мы беспокоились. Даже пьяный отец может сказать, где его сын. Ты живёшь в Пониже? Или за городом? – прицепился я. Никто из нас не бывал дома у Ловкача, а вот он у нас постоянно крутился. Что-то он соврёт?

– За городом, – сказал Воки.

– На востоке? На севере? – домогался я, хитрый анчу. – Из каких ворот ты выходишь, Ловкач?

– На севере, – кивнул он.

– Да нет, погоди, в прошлый раз ты говорил, что вышел через Западные ворота и пошёл домой.

– Да? Когда?

– Да когда-то давно.

– Наверное, я сделал крюк. Наверное, надо было куда-то зайти.

Хитрый Ловкач, но я хитрее. Наш город с запада на север можно обходить весь день. Хорош крючочек. Брешет наш дружок. Никогда вообще не было речи ни о каких воротах и месте проживания Ловкача.

– Отца-то как зовут? Встречал он тебя? Мы – так сразу побежали к морю.

– Встречал? – хмыкнул Воки. – Да он совсем допился. Вряд ли он знает, что флот отсутствовал, а я вместе с ним.

– Ты как-то странно к отцу относишься. Пусть допился, но он же тебе отец. Ты даже имя его не вспоминаешь.

– Да ну его, Миче, не о том мы говорим. Ты спроси меня, как всё было. О, как мы расчихвостили пиратов!

Но я не дал себя уболтать.

– Вот видишь, – с упреком сказал я. – Видишь, ты сражался, ты молодец. Тобою надо гордиться. Я замолвлю словечко – и твоего папашу в Лечебнице превратят в нормального человека. Будет у тебя хорошая семья.

– Да мне и так неплохо. Это у тебя хорошая семья, Миче, вот ты и не понимаешь меня.

– Да у тебя нет сердца! – фальшиво возмутился я. – Даже не надо в Лечебницу. Вот я сделаю снадобье – и ты станешь давать его папаше два раза в день. Будет как огурчик. Кстати, я вспомнил. Ты говорил, его зовут Джоуш Тэрю. Это важно, Воки, ведь над снадобьем надо четырежды произнести имя клиента. Я дам его тебе через две недели, приходи тогда. Итак, что там случилось в море?

– Да, – ошарашено произнёс Ловкач, выпучив от удивления глаза. Когда это он сообщил мне имя папы-пьяницы? Ну, вы-то поняли, что никогда, что ему сейчас приходилось врать и изворачиваться. – Да, – повторил он выдуманное мной имя: – Да, Джоуш. А что было? О! Мы напали на пиратов у острова Куа, мы даже не дали им выйти из бухты. Знаешь, кто сказал, что они прячутся там и ждут, пока мы отбудем на Лийские острова?

– Догадываюсь. Чудила? Он был на «Великой Някке»?

– Да! Да! Его очень ценит адмирал. Они вечно вместе, – с некоторой обидой подтвердил Ловкач. – Представь, никто не знал, что планы меняются. Всё случилось в последнюю минуту, когда адмирал собрал всех капитанов. Приказ короля. Мы сначала шли намеченным курсом, потом вдруг ночью повернули назад, к острову Куа. Говорят, что это Чудила заранее попросил кого-то из рыбаков или из моряков пошпионить и выяснить, где могут скрываться пираты. Прямо в море подобрали человека на яхте, который очень спешил шепнуть ему об этом. Мог не успеть. Мог просто разминуться.

Вы посмотрите, каков Петрик, наш тайный полицейский! Пока мы с Мальком и Рики рыскали по пещерам, а сам Чудилка сидел под домашним арестом, он ухитрился выслать разведку. У него везде приятели! И точно – могли не успеть разузнать и отчитаться, слишком мало было времени до отхода кораблей. Но вот что интересно: мне померещилось или я и впрямь уловил в голосе Ловкача злые нотки? Он продолжал:

– А следующей ночью был шторм – и мы напали на них, хоть это было опасно.

– На пиратов нападать всегда опасно, – буркнул я.

– Да, но я в смысле шторма. Такая драка была... Страшно, Миче. Ещё так темно, и волны, и дождь. Но это ещё не всё. Пришлось гоняться за теми судами, что улизнули. Ужас, я просто с ног валился.

– Ты бегал за кораблями пешком? – усмехнулся я.

– Нет, просто всё время на ногах, всё время в работе. Ещё дожди без конца. Бои... – голос Ловкача дрожал, он смотрел мимо меня, должно быть, заново переживая все эти ужасы: сражения, смертельную опасность и усталость, угрозу со стороны переменчивого моря. – Мы сражались ещё позавчера. Мы разбили пиратов даже в их логове, на Лийских островах. Да, мы добрались и туда – надо же покончить с пиратством. Часть кораблей контролирует побережье...

Он ещё что-то говорил, наш новоиспечённый моряк. Я смотрел на него и думал: вот так рушатся приятельские отношения. Враньё насчёт папы, нарочно выброшенный, якобы украденный кошелек... Что ещё?

– Ты, Миче, не знаешь, кто тот человек, который для Петрика шпионил?

Откуда мне знать, меня не было в городе, я не виделся с Чудилой, я не успел нормально с ним поговорить. Я хотел бы знать, какое дело Ловкачу до имени этого человека, моряка или рыбака. Тем более, этих людей, скорей всего, было несколько.

– Ну... Он же герой! Заслуживает всяческих почестей за такую смелость, – объяснил наш товарищ свой интерес.

– Где Чудила, Воки? – спросил я.

– Где?

– Я тебя спрашиваю.

– Ну, вообще-то я думал, что застаю его у тебя. Может, он домой пошёл? Может, приехали его родители, и он сейчас с ними? Может, он ранен?

– Ты когда его видел? – спросил я.

– Позавчера.

– До боя или после?

– Во время. Мелькнул где-то, когда мы...

Дзинь – дзинь!

Я вскочил, как потревоженный заяц. Кто-то пришёл!

По дорожке ко мне бежал зарёванный Рики.

– Нигде нет Петрика, – захлопал мой ребёнок, уткнувшись мне в живот. – Хозяйка обещала сразу сообщить, если объявится.

Чикикука льнула к его ногам и жалостно на меня смотрела. Часто мне казалось, что она понимает человеческую речь.

Следом за Рики вошли Ната и Малёк.

– Пропал без вести, – сказали они. – Вывесили списки. Петрик Тихо пропал без вести. Позавчера.

– Но это ведь значит, что он найдётся? – проскулил мой очень младший брат.

Мы переглянулись беспомощно.

* * *

Пришли наши родители... Ах да, я не сказал, что папу уже отпустили домой. Он уже даже не ходил на процедуры, и выкинул не только костыли, но и палку. Врачи в Лечебнице удивлялись тому, что папа вдруг так быстро пошёл на поправку. Мы с Рики навещали отца почти ежедневно, болтали, а Чикикука забиралась ему на колени. После каждого посещения папе становилось всё лучше и он, смеясь, утверждал, что это от нашей большой любви и внимания... Родители пришли, и мы сидели, не зажигая огня.

Что же мне делать теперь? Петрик мне дорог совсем как Рики. Кто будет будить меня дикими воплями, входя в окно вместо двери? Кто будет болтаться у меня по выходным с утра до вечера, лазая с Рики по черешням и ругая меня за то, что я никак не куплю ребёнку ролики? Как мне быть без его упрямой веры в меня и готовности помочь во всём в любой час? Он был частью моей жизни и частью жизни моей семьи. Его родители были далеко, и он приходил к нам, чтобы провести вечер с моим папой за кошмарной умственной игрой королей, в которую я всегда проигрываю, а Чудила как раз наоборот. А если мама за его чудачества запускала в него мокрой тряпкой, он не обижался, а покорно шёл помогать мыть посуду, если у кухарки был выходной. Думая о Петрике, я вспоминал, что у нас и некоторые привычки были похожи, и мы перенимали друг у друга разные словечки и выражения быстрее, чем прочие наши друзья. У нас даже в уголке правого глаза было по одинаковой родинке, только у Чудилы она нормальная, а у меня – розоватая такая. И нас обоих это не смущало, а почему это должно смущать нас, мужчин, если нашу красивую королеву такая же родинка в уголке глаза ничуть не портит? Надеюсь, хоть у неё в семье всё нормально.

Не успел я так подумать, как папа вздохнул, встал и зажёл настольную лампу. Лучше бы он этого не делал. Мы заморгали красными опухшими глазами, а папа грустно сказал:

– Что ж, это цена победы. Но раз сказано, что пропал без вести, значит, надежда есть.

Заговорила мама Малька, всегда бывшая в курсе всех сплетен:

– Король с королевой, бедные люди, у них тоже такое же горе.

– Какое горе? – спросил Ловкач.

– Так ведь наш королевич тоже не вернулся. То ли убит, то ли взят в плен, а может, просто утонул. Не все умеют плавать.

Моя мама вдруг залилась слезами, припав к плечу мамы Наты, и плакала так горько, что у меня сердце едва не разорвалось.

Папа поджал губы, засопел и отвернулся.

– Никому не пожелаешь, – тихо сказал он, – тем более другу юности и детства.

– Кто друг? – поинтересовался Рики, обнимая маму.

– Как кто? Мы с Охти учились вместе. Только в ту пору никто не звал его «ваше величество», а дразнили Котофеем. Очень хороший человек. Мой и мамин товарищ.

Удивительное признание! Даже я не знал, хоть я старше.

– А что же сейчас вы не дружите? – пристал простодушный Рики.

– Почему-почему, не ясно что ли? – пробурчал Малёк. – Кто дружит с величествами? Только вон Миче.

– Если у человека горе – надо пойти и пожалеть, – не сдался мой очень младший брат. – Тем более, если человек – друг юности. Пойдёшь, па?

– Кто ж его пустит во дворец? – постучал по лбу Ловкач. – И у нас у самих горе.

Натина мама сказала:

– Но может, королевич найдётся? Может, и Петрик найдётся, раз без вести?

Ната тихонько заплакала. Чикикука заскулила. А я почему-то вдруг резко вышел из ступора. Я не могу, когда при мне скулят.

– А что я сию-то? – заговорил я, подскочив. – Если Чудила живой, я найду его! Эх, сколько потеряно времени! Что же я сидел-то? Больше никогда! Только сразу! Рики, давай, тащи, что нужно. Почему я не додумался погадать? Вспомнил! Полдневный Поиск после полудня было поздно проводить.

– Проведёт, значит, что-то другое, – пояснил присутствующим Малёк.

– Говорил я тебе, – не сдержался братец.

– Я узнаю, жив ли он, и сразу отправлюсь искать. Но мне нужна Петрикова вещь какая-нибудь.

Говоря это, я уже раскладывал гадательные принадлежности трясущимися руками при свете пододвинутой к себе лампы.

– Рики, – лихорадочно восклицал я, – тащи какую-нибудь Чудилкину вещь. Их полно тут. Скорее.

Получилось так, что я сидел в круге света, а края комнаты тонули в полумраке, потому что это была маленькая настольная лампа, вроде ночника. Раскрылась дверь, ведущая в коридор, и оттуда вылетело и закачалось в проёме, в тени, привидение. Самое настоящее. Оно качалось в воздухе туда и сюда, окутанное чем-то вроде облака, а полы его белого балахона развевались. Все мы ахнули в один голос, а храбрый Рики заплакал. Чикикука спряталась под диван.

– Ищешь вещь, принадлежащую твоему другу? – обратился ко мне призрак загробным голосом. – Подойдёт ли душа Петрика Тихо?

– Нет! – отказался я.

– Подойдёт. Как это нет? – настаивало привидение. – Подойдёт-подойдёт.

Оно опустилось на пол и бесшумно скользнуло ко мне:

– Уже подошла.

– Что подошла? – совершенно обалдев, прошептал я.

– Душа.

– Петрик! – дошло до меня. – Петрик, это ты?! Ты умер? Нет, ты не умер!!! Ну так я убью тебя!

Вмиг это чудило было облеплено нами с ног до головы. Мы тискали его и вытирали счастливые слёзы о различные его части тела. Малёк отвесил ему подзатыльник, а потом выдрал его из рук моих родителей в свою пользу. Рики прирос к Петрику, как привитая веточка к молодой яблоне. Чикикука скакала у нас под ногами на задних лапах. Моя мама благородно про-

стила балбесу испорченный мой любимый пододеяльник и обрезанную бельевую верёвку. Папа высказал предположение, что Петрик голодный, Ната сбегала на кухню и принесла еды. Старшее поколение её семьи и семейства Мале водило вокруг хоровод. Ловкач тоже радовался.

– Я на минутку! – говорил Чудила.

– Садись ешь.

– Да я потом...

– Ешь сейчас.

– Мне бы пойти...

– Куда ты пойдёшь?

Он улыбнулся:

– У меня же есть свои родители? А? Есть? Так они же меня не отпустят. Поэтому я сначала к вам. Но на минутку!

– Так поешь, а потом пойдёшь.

Чудила сел за стол. А куда ему деваться? Он был бледным и оборванным, а левая рука перевязана грязной тряпкой, но это не мешало Петрику махать ею во все стороны.

– Ты что? Родители умрут, увидев тебя в таком виде. Миче, дай ему во что переодеться. И посмотри, что у него с рукой. Пошепчи там или что.

Я вынул Петрика из-за стола и уволок в свою спальню. Он умылся, переоделся, а руку я ему быстренько залечил. Ну, почти. То была маленькая ранка.

– Ужас, Миче, я просто с ног валюсь. Вы бы меня отпустили, а то я не дойду. Усну на газоне. Я завтра приду и всё расскажу.

– Устал, а играешь в привидение, балуешься иллюзиями и воздушными эффектами, – попенял я. – Ты поешь, а мы тебя доведем. Мы тебя проводим.

– Я не знаю, Миче, мне как-то неудобно. Мои родители останавливаются во дворце. Найму извозчика.

– Представь, – сказал я, – оказывается, мой папа и наш король дружили в юности. А теперь получается, не дружат. А что, собственно, тебе неудобно?

– Мне неудобно, что я вроде как задаюсь. Или что? Ничего? А ты знаешь, бывают в жизни такие ситуации, когда в жертву обстоятельствам приносится дружба.

– Дурацкие обстоятельства.

Чудила вдруг рассердился:

– Не говори ерунды! Если не знаешь, лучше молчи.

Я удивился. Чудила – это не я. Он гораздо спокойней, и редко выходит из себя. Значит, дело серьёзно, и лучше я пока буду молчать. Я махнул рукой на обстоятельства, всё равно из папы или из Петрика я когда-нибудь вытяну, что тут за секрет.

Мы вышли в столовую, и Чудилу снова усадили за стол. Глядя на то, как он ест, я понял, что мой друг просто смертельно голоден.

– Что с тобой случилось, Петрик? – спросили мы его, когда он немного уже наелся.

– Мы вообще не спали, всё время переживали, – укорил его Рики, ласкаясь к Чудиле, как котёнок.

– Да всё было нормально, всё как у всех. Сражались мы. А позавчера меня какая-то скотина столкнула в воду. Бой был на палубе.

– Оступился, наверное, – предположил Ловкач.

– Столкнула скотина, – упрямо стоял на своём Петрик. – Во время боя стукнула меня по голове. Только я не отключился, а так, немного дезориентировался. Так меня эта дрянь схватила за ноги и перекинула через борт. И уже когда я упал, там, внизу, ударился сам и потерял сознание. Смотрите, какая шишка. Убиться же можно было! Или даже вообще утонуть. Чёртов пират! – поморщился Чудила, поглаживая себя по темечку, а Чикикуку, забравшуюся ему на макушку, по спинке. – Знаете, в чём дело? На обратном пути, позавчера, наткнулись

мы на пару их судов. Они сначала где-то затаились, а потом решили рвануть домой, в своё пиратское логово. Да не вовремя высунулись. Им было без шансов уцелеть. Я очнулся после падения, гляжу – нигде никого. Сам я на каком-то обломке. Думал, думал, куда двинуть, потом сообразил. Поймал доску, чтобы грести – и вперёд. Не так уж далеко от берега.

– Ну ты и сказанул! – ахнул Ловкач. – Тебе оттуда было грести и грести.

Чудила легкомысленно ответил:

– Да догрёб бы ведь когда-нибудь. Шуровал я доской до глубокой ночи, а потом случайно заснул. Устал. Тут меня будят...

– Среди моря? – не поверил Натин папа.

– Ну да, среди моря. Но уже значительно ближе к берегу, я же так быстро работал доской! – (Вы видите, в этом весь Петрик, он никогда не отчаивается). – Я открываю глаза, о! – передо мной шлюпка, полная пиратов. Мама моя! Я чуть со своего плота не свалился. Я так и сказал: «Кошмар какой!» – говорю. А они хохотать: «Не дрейфь, сынок, залазь, нам по пути. Ты к берегу, и мы к берегу». Я им: «Вот уж нет, не залезу». Они опять гогочут: «Надо бы тебя притопить, да жаль. Молоденький ты ещё. Давай, грузись, довезём. Только, – говорят, – долг платежом красен. Ты уж нас не выдавай на берегу. Мы, – говорят, – затеряемся где-нибудь, будто нас и не было вовсе». Я забрался в шлюпку. Нормально добрались и разошлись в разные стороны. Я гляжу – шлюпка уже никому не нужна, ну и воспользовался ею. До города ещё далеко, а по воде я сократил расстояние. А ворота закрыты, ночь уже.

– И что ты сделал?

– Проник через водосток. Там, где в Някку впадает Икка. Надо бы решётку поставить попрочней, я её оторвал.

– Зачем такие сложности, Петрик? Почему бы нормально не войти в ворота?

– Ждать утра? Мне захотелось сейчас. У меня тут вы. У меня мама и папа. Кстати, я бы уже к ним поехал. Спать хочу невозможно. Сейчас приду и завалюсь.

– Ну, давай, давай, – засуетились наши родители. – Давай иди, мама с папой, конечно, с ума сходят. Бедный Петрик, тебе надо скорей отдохнуть. Мы тебя довезём. Нет? Почему? Ладно, найдём извозчика. Давай, Миче, ступай, найди.

Таможенник Малёк возмутился:

– Так что, по окрестностям бродит тьма-тьмущая пиратов?

– Да ерунда, – отмахнулся Чудила. – Они рассеялись. Кто-нибудь займётся чем-то мирным, другие – обычным воровством. Особые неудачники сразу попадутся дозорам. Банды, в которые некоторые потом сплотятся, перебьют. Пройдёт много времени, прежде чем пиратство снова обретёт силу. Я, знаете ли, кокнул их вождя.

– Кого кокнул?

– Какого вождя?

– Ты кокнул?

– Ты лично?! Сам?

– Самого Длинного Когтя?

– Ну да, ну да, – подтвердил Чудила, – ещё в первом сражении, когда был шторм. У острова Куа. Его было легко узнать: злобный, бородастый анчу.

– О! О-о-о!!! – взвыли мы в полном восторге. – О, Чудила, а говорят, он сражается, как бог, и вообще непобедим!

– Враки. Легенда. Какое там непобедим, если даже я с ним справился?

Мы снова повисли на нём, но помня, что Петрик очень устал, быстро отцепились, нашли ему извозчика и отправили к маме и папе. От провожатых он отказался.

Мы вернулись домой слушать похвалы наших собственных мам и пап. Какие мы у них молодцы! Как они нами гордятся! Как они нас любят! Это очень, очень приятно.

Но под восторженное обсуждение подвига Петрика, я хмурился и кусал губы. Я помнил, что рассказывал дед: пираты мстят и убивают тех, кому не повезло расправиться с их вождями.

– Так значит, правда, – спросил Ловкач, – что ты, Миче, приложил руку к разгрому пиратов? Это благодаря тебе корабли сменили курс?

– Да, это благодаря ему, – с гордостью сказал мой папа.

Зря он это сказал. Лучше бы с Ловкачом не разговаривать вообще. Мне стало казаться, что это неподходящее для меня знакомство.

Глава 17. Деревянная сабля

Прошло два дня. В эти дни случился праздник в честь победы, и нас: Петрика, Малька, меня и Рики, в числе прочих, наградили на главной площади за наши заслуги. Была у меня мысль, что Чудила разыгрывает нас, утверждая, что лично прикончил Длинного Когтя, но нет, так оно и было, за то он и был представлен к награде. Причём наш старый адмирал лично, при всех, рассказал о подвиге нашего дружка. Это действительно был подвиг, как бы не преуменьшал его сам Петрик. Причём, из рассказа адмирала выходило, что Чудилка искал этой встречи специально. Я даже подозреваю, что не только для того, чтобы просто облегчить победу, а отчасти и для того, чтобы пиратская месть пала на его собственную голову, а не на чужую чью-нибудь. Мы же вместе слушали дедовы рассказы, а Петрик – он такой вот чудила.

Длинный Коготь и впрямь был непобедимым соперником, опытным, безрассудно смелым воином, и при этом – человеком огромного роста и мощной комплекции. Его свирепость и умение владеть оружием вошли в легенду. По идее, один его крайне лохматый, и злобный вид должен был ввергнуть противника в панику. Особенно чувствительного Петрика, который не выше и не толще меня. Никто до того не устоял перед Длинным Когтем. Наш прежний адмирал погиб от его руки, как и многие другие моряки что опытней, старше и сильнее Чудилки. Атаман крушил ряды врагов со страшной силой. Его участие в битве и умелое руководство, могли решить исход сражения не в нашу пользу.

Но Чудила – он чудила во всём. Он всегда поступает нетрадиционно. Ради оригинальности, он не испугался. Причём, как утверждал Петрик, сам не знал почему. Но я думаю, что постоянно действующая счётная машинка в голове Чудилки быстро просчитала все варианты возможного достижения цели. Он справедливо решил, что там, где много шума и грома, и ненормальных эмоций, рациональный подход и сдержанность могут привести к победе. Худенький, но ловкий и тренированный Петрик довольно долго противостоял этой туше, отвлекая на себя внимание атамана, вывел его из себя своей невозмутимостью и упорством, но потом позволил Длинному Когтю считать себя побеждённым. В тот момент, когда сабля пирата неминуемо должна была бы лишит нашего дружка жизни, он ловко вывернулся из-под удара и нанёс свой. Спокойный Чудилушка вынудил несдержанного атамана действовать по своему плану – и вот результат.

А мы с Рики и с Мадиной Корк стояли тогда под дождём и понимали, что переделка, в которую попал наш Петрик, опасна и может плохо кончиться, и беспокойству нашему не было предела. А Малёк, как он признался, весь извёлся на службе, и улизнул с глаз дяди Тумы, чтобы попросить у Эи заступничества за «этого обалдуя». Ната не спала всю ночь и тревожно глядявалась в темноту за окном.

Светлый ум, смелость и постоянные тренировки – понятна вам мораль? Петрик был смущён, краснел и опускал глаза.

Мой Рики получил медаль, и его просто распирало от гордости. Мне пришлось устроить детскую вечеринку в саду по такому случаю (взрослых тоже было полно). Мы с Мальком и Чудилой посмеивались и подтрунивали друг над другом. Нас эти малявки заставили тоже быть при наградах.

– Пригласил бы своих родителей, – сказал я Чудиле.

– А они уже уехали, – вздохнул он. – Дела. Совсем мало побыли со мной.

Никто из нас никогда не видел его родителей, но это почему-то лично у меня не вызывало никаких подозрений.

Сегодня утром флот Сароссе отбыл восвояси. Мне принесли от Далима свёрток: тот самый пояс и его прекрасную настоящую саблю. Чересчур роскошный презент на мой взгляд. Я помнил сон, ужаснувший меня в ночь перед знакомством с Далимом. До сих пор я холодел при воспоминании о том, как замахиваюсь острым клинком, и ничто не может остановить сильного и быстрого движения. Хорошо, что я проснулся, не досмотрев. И теперь этот подарок! Я не просил его! Я никогда не хотел иметь саблю! Ружьё – да. Саблю – нет. Если бы я мог, я бы отказался. Но отослать оружие назад мне показалось крайне невежливо и невоспитанно. Далим, конечно, считал, что для человека, изменившего ход войны, это достойная, дорогая и забавная награда – Назика рассказала ему про деревянную саблю.

На самом деле, больше всех других надо было благодарить, чествовать и наградить Лалу Паг, прибежавшую ко мне с ценными сведениями. Это она должна была стать героиней дня, и её имя должно было быть вписано в историю Някки. Но, как вы понимаете, о девчоночке даже никто не упомянул.

Не были при всех произнесены и имена людей, посланных Петриком на разведку, и Рики сказал, что это нечестно.

– Зато безопасно, – ухмыльнулся Малёк. – Тех людей нельзя называть, им тоже мстить могут. Это Петрику всё равно. Страшное количество людей видело, что он сделал с Длинным Когтем. Вы, Аги, давайте-ка, примите меры, как волшебники.

Мы приняли меры. Буквально с того момента, как Чудилка после возвращения отправился к маме и папе.

Рики Далим прислал остроносые модные сапожки, красивый кожаный ремешок, шапку с пёрышками и прочие вещицы, милые мальчишескому сердцу. Против этого я ничего не имел. Мы с принцем виделись и поболтали немного перед церемонией награждения. А вот нашего королевича, который, как и Чудила, внезапно нашёлся вскоре после возвращения кораблей, я не заметил в тот день на площади. Может, он ранен, может, приболел, но не сильно, потому что вид у нашего короля, когда он прицеплял мне орден, был самый сияющий. У королевы – тоже. Если бы с сыном случилось что-то серьёзное, не было бы её на площади, не было бы радости в её лице. Я говорил уже: хоть я время от времени видел королевича, но его внешность не удерживалась в моей памяти, и я не помнил, совсем не представлял, как его зовут. Сам не знаю почему.

В день награждения я озаботился, было, своим здоровьем. Спросил у приятеля моего, младшего Шу, подошедшего нас поздравить, слышал ли он о проблемах со слухом у анчу. Он слышал только о проблемах со зрением.

– Сегодня погода, наверное, такая или мы от множества народа устали, – фыркнул приятель. – Гул такой в голове, как прибой: ышшш, ышшш. И, знаете, довольно часто такое происходит. Особенно на всяких сборищах и гульбищах. Не у тебя одного проблемы, Миче.

– У меня тоже проблемы, – радостно примазался Рики.

– Ага, – кивнул Малёк. – Уши заложило и шуршит что-то. Это от погоды. Так бывает. Когда адмирал говорил, я некоторые слова вообще не слышал.

– А у меня нет проблем, – доложил счастливый Чудила и, хитро блестя глазами, постучал ногтем по золотой длинной пластинке на шее.

Что-то я хотел спросить у него, когда он вернётся. Вы не помните? Может, хотел поинтересоваться, как это его угораздило влюбиться в Мадину Корк, и что он думает с этим делать? Ната была со мной, и Аня была с Лёкой, и они радовались за нас, а Мадины нигде не было

видно, и Петрик оглядывался и кусал губу. Лала Паг тоже словно испарилась, и Рики вёл себя точно так, как его старший друг.

Вместе с подарком Далима мне передали записку от Назики. «Бойся Якова Рэютри», – вот что было написано в ней безо всяких объяснений. Я слыхом не слыхивал об этом человеке. Яков Рэютри? Я всю голову сломал, пытаюсь сообразить, кто это. Неужели нельзя было написать подробней?

*

И я начал бояться. Я боялся мести Корков, и мести пиратов, и неведомого какого-то Якова. Корки, правда, должны бы сейчас затаиться, чтобы не привлекать внимания к своему имени, не названному ни мной, ни Назикой, ни Лалой. Если бы они что-нибудь сделали со мной – сразу всё стало бы ясно. А вот пираты... С другой стороны, Корки должны бы запретить им мстить. Но если подумать, какое пиратам дело до каких-то Корков?..

Страх, не дававший мне покоя с того дня, как родился Рики, поднял голову и расправил крылья, а я старался прятать его, но не знал, что с ним делать. В детстве доктора объяснили мне, внушили, просто вдолбили, что мой страх не имеет под собой оснований, что гадать, в чём тут дело – это проявление малодушия, недостойное мужчины, и я теперь, если брался за карты, чтобы погадать себе, вспоминал их уроки. Гадательные принадлежности не слушались меня, рассыпались и складывались в комбинации, в которых я не видел смысла, порой просто потому, что темнота застилала глаза. Это от страха увидеть. Понимая, что доктора – замечательные люди, желающие мне добра, и помня их наставления, я гнал от себя страх, хотя теперь, на детской вечеринке, в который уже раз серьёзно задумался: а может, правы не они, а я, предотвративший переворот? Так задумчиво я и провёл некоторое время, глядя сквозь листву на Нату в жёлтом платье, что так идёт к её русым волосам и удивительным золотистым глазам, любуясь её движениями и возбуждённым счастливым лицом.

– Миче, у нас ещё есть то печенье? – донеслось ко мне сквозь визг и верещанье.

– Какое?

– То, с мармеладкой в середине.

– Не помню. Я посмотрю.

Спрыгнув с черешни, на которую я забрался от приставучих ребят, и одёрнув Далимов кафтан, в который они меня вырядили, я пошёл к дому.

– Захвати мою читру, – крикнула Ната. – Я спою.

– Ура! – подхватил Малёк. – И мою свирельку. Потанцуем.

– Да! Да! Потанцуем! – подхватили все. – Тащи все инструменты, которые мы принесли.

Поглаживая Чикикуку, мой Рики грустно вздохнул. Он хотел позвать на праздник Лалу Паг, но не смог её найти и вызвать в сад. Ни вчера не мог, ни сегодня, а ему хотелось с ней потанцевать.

Я начал с кухни. Где оно, это печенье? Неужели всё съели, а я и не заметил? А! У меня в кабинете есть заправка. Я прошёл в кабинет.

Дзинь-дзинь!

Это кто же ко мне?

Выглянув в окно и увидев, кто пришёл... Нет, я даже не берусь описать свои чувства. Самым слабым из них было сильное удивление. Не трата времени на оббегание стен, углов и дверей, выпрыгнул прямо из окна навстречу тому, кто ко мне явился.

– Привет тебе, Хрот. Ты в гости или подраться? Или ошибся калиткой? Или уже уходишь? – спрашивал я, прикидывая, чем он попытается нанести удар и где скрывает оружие. – Эй, ты чего это, Хрот?

Младший Корк пошатнулся и прислонился к забору. Выглядел он зеленовато и запуганно. Помято и даже небрито. Необычно и странно. И при этом молчал.

– Подожди, постой-ка, сбегая за стулом, – залепетал я, невежливо пялясь в лицо гостя. – Нет, какой стул? Есть же лавка. Где-то тут лавка. Или в дом? Пошли в дом. Вижу, что-то стряслось. Только тебе придётся перелезть через подоконник, чтобы не увидели остальные. Если ты зашёл погадать, то большая толпа – это не то, что поможет.

Минуту назад, я считал, что Корк пришёл, чтобы, подобно старшему братцу, мне претензии предъявлять и драться.

– Плевать, – чуть шевельнулись губы Хрота, и я повёл его через клумбу к окну, приговаривая:

– Сейчас, сейчас.

Поскольку сын злыдня Кыра не выказал восторга от возможности перелезть через подоконник, пришлось усадить его на ящик из-под цветочной рассады. Ящик установил под окном Чудилка для удобства проникновения ко мне в кабинет. Может, в другое время Корка перекосило бы от прикосновения анчу, но сейчас ему было не до такой ерунды. Он скрючился на ящике, как старичок.

– Что... случилось? – тихо спросил он меня, а я не понял, о чём это он. Хрот объяснил: – Визжат.

– Визжат? Это дети. Мы собрали детей на вечеринку. Они резвятся. Играют, бегают.

Хрот выдал истерический смешок. Поди, он впервые слышит словосочетание «детская вечеринка», и что это такое, ему неизвестно. Коркина крошка.

Неопрятный и странный вид обычно элегантного и подтянутого парня заставлял меня тревожиться и трепыхаться. Почему он молчит, ничего не объясняет? Молчаливый Хрот – это примерно то же самое, что холодное солнце. Такого я пережить не мог, мне захотелось привести его в чувство. Я слазил в кабинет за вином, плеснул его в чашку и влил в Хрота. Изменилось только то, что он перестал обнимать колени и схватился за голову. Я снова потянулся за бутылкой, но тут младший Корк заговорил. От сердца отлегло.

– Миче, – сказал он, – нас трое, и все мы несчастны. Лала тоже будет несчастна. На нашем поколении лежит проклятье.

– Не проклятье лежит, а ваши родители стоят. Над вами, – ввернул я.

– Все они, кто старше, все довольны. Всем хорошо, а мы не такие. Я не пойму, в чём тут дело. В чём, Миче?

– Ну... Я не знаю. Но я могу погадать.

– К чёрту твоё гадание. – Он зашёлся в истерическом смехе. – Ты уже погадал. Что же ты не увидел, Миче, чем это кончится? Хотя, конечно, жизнь одного Кохи, тем более, твоего врага, ничто по сравнению с целым городом...

– Э, нет, – я даже закашлялся от возмущения. – Ты в чём меня обвиняешь? Я пальцем Кохи не трогал. Ну, последние несколько недель. Я вообще его не видел.

– Где бы ты мог его видеть, если он сначала болел, а потом был тихий и всё дома сидел.

– И что? – осторожно спросил я, не понимая, что могло случиться с припадочным братцем Хрота.

Оказывается, в тот день, когда вернулся с победой наш флот, все трое молодых Корков вместе с Лалой Паг сидели в комнате Мадины и болтали о ерунде. Типа нового способа вышивания тонкими ленточками. О возвращении кораблей они узнали от служанки, вбежавшей к ним с этой вестью. Едва услышав такое, Кохи встал, уронив все цветные клубки и мотки, которые девчонки насыпали ему на колени, и выражение его лица было как у осуждённого на казнь. Никто ещё не успел спросить, что же такое случилось, и почему он так испугался, как снизу послышались топот, грохот и рёв, и в Мадинину комнату вломился их любящий папочка.

Он ударил ринувшуюся наперерез служанку по лицу и, рывкнув ей: «Вон!» – захлопнул дверь. Он набросился на Кохи, слабого после болезни и бил его так... И даже торшером на кованной ножке. Всё случилось очень быстро. Старший Корк отшвырнул к окну метнув-

шуюся на выручку Мадину, а один Хрот никак не мог справиться с впавшим в ярость отцом. Выручила Лала. Не долго думая, она вспрыгнула на стол, схватила стул и со всей силы опустила его на голову уroda. Если ему можно торшером – то и ей можно стулом, тем более, кто он ей? Практически никто. Старая скотина рухнула под стол, Хрот, не разбираясь, жив Кохи или нет, подхватил брата на руки и выбежал из комнаты, девчонки – за ним. В панике они пересекли двор и оказались на улице, и на извозчике довели бесчувственного Кохи до госпиталя, где устроили раненных, где есть хирурги и много военных, которые, может быть, не допустят нового нападения злыдня на полумёртвого сына. Сами они, все трое, вот уже третьи сутки дежурят там же. Сегодня, да, только сегодня, Кохи очнулся и попросил позвать Миче Аги. Только это он и сказал, и Хрот отправился за мной.

Я не совсем понял:

– Мне надо пойти к Кохи? Зачем?

– Я не знаю, – был безнадежный ответ. – Сходи, Миче, что тебе стоит? Хотя, если ты не придёшь, мы поймём.

Они поймут! Что эти Корки вообще понимают?

Через минуту мы шли уже по улице по направлению к госпиталю, а за нами увязалась Ната. Она заждалась своей читры и пошла за ней сама. А тут такое дело: я уйду с младшим Корком.

– Куда вы? – допытывалась она, хватая нас за рукава. Она решила, что мы отправились бить друг друга на пустыре или пляже.

– Если не скажете, я крикну, и буду кричать, пока не прибежит стража! – пригрозила Ната.

– Кохи избил его папочка. Хрот говорит, что очень сильно. Мы идём в госпиталь, – объяснил я. Ната даже приостановилась от удивления, а потом сказала:

– Я с вами.

И пошла с нами. А следом трусила удивительная зверушка Чикикука.

*

Дело в том, что я видел побитых людей. Даже хорошо побитых людей. Даже того же Кохи. Но, право, то, что с ним сделал его папочка, это ненормально. Моего недруга поместили за ширму. Он ничем не отличался от изувеченных в бою матросов, разве что в худшую сторону. Его лицо было сплошным синяком, а всё остальное – в бинтах. Я видел только два пальца правой руки, к которым едва решился прикоснуться. Я боялся, что Кохи будет больно. Ещё – два огромных чёрных глаза, которыми он глядел на меня. Сообразив, что он меня слышит и понимает, я залопотал что-то о том, что всё будет хорошо, и что я сдержал обещание и не сказал никому, и не скажу он сам знает что. Но от самого Кохи я ничего не добился. Может, потому, что он был слаб, а может оттого, что рядом со мной стояла Ната. Наверное, она ему и вправду сильно нравилась, он не сводил с неё глаз. А наша Чикикука забралась к Кохи на постель и также нежно, как в прошлый раз, обняв лицо, легла ему на грудь и сложила лапки. Прав Рики, тут что-то не то. Что-то я не помню, чтобы она так обнимала Малька, например, или Чудилу, когда с ними знакомилась.

Тут вошёл врач и прямо онемел. А когда обрёл дар речи, принялся ругаться громким шёпотом:

– Это кто? Это что? – он ткнул пальцем в Чикикуку. – Уберите эту... это немедленно. Кто это такие? – он ткнул пальцем в меня и Нату. – Уберите посторонних, зачем они?

– Кохи звал, – пискнула, вылезая из-за спинки кровати, Лала Паг. Вот где девочка провела эти дни! От её писка проснулась Мадина, которая спала, положив голову на столик и на обнажённую саблю. Дурочка! Что она сделает этой тыкалкой, если сюда ворвётся её одичавший папаша?

– Ладно, – сказал врач. – Посторонние побыли и могут уходить. Прогоните эту кошку... Мышку. Это антисанитария.

– Нет, это Чикикука, – поправил я. – Это лечебная анчутская выхухоль. Я ударился головой, и она сидела у меня на голове, и голова прошла и перестала кружиться.

– Сотрясение мозга! – всполошился врач. – Надо обследоваться!

– Говорю же, всё прошло уже тогда. Лечебная выхухоль должна остаться с Кохи, если захочет. Парень моей кухни сорвался со смотровой площадки и здорово повредил лицо. Чикикука его облизала несколько раз – и что? Шрамов почти не осталось. Она садилась на колени моему отцу, который неудачно упал, и он стал выздоравливать гораздо быстрее. Очень, очень быстро.

– А! Анчу по фамилии Аги, – неожиданно улыбнулся задёрганный доктор. – Я слышал. Действительно, в Лечебнице все удивлялись. Ладно, выхухоль пусть остаётся, а вы, двое, давайте идите.

Я оказал сопротивление. Я сказал:

– Если я пригожусь... Вообще-то я волшебник, только у меня нет способностей к исцелению. Так, царапинки, всякая ерунда...

– Ерунда, – устало вздохнул врач. – Что ты тут сделаешь, сынок, какие царапинки?

Доктор так себя вёл и таким тоном говорил всё это, что меня бросило в жар от осознания того, что у Кохи всё очень, очень плохо, хуже не бывает. Ноги стали ватными, а сам я словно оцепенел.

Он вытолкнул нас с Натой в коридор. Я так и не понял, зачем Кохи звал меня. Он не мог знать, что со мной придёт Ната. Для того, чтобы услышать, что ни я, ни Рики, ни Малёк не выдали паршивого старого убийцу, замыслившего переворот и резню?

Мне-то что, мне это было легко. Вот каково было Кохи не сказать, что я знаю правду, знаю имя того, кто стоит за похищением Доброго Сердца Эии!

Только сейчас до меня дошло: Кохи своим поведением, своим молчанием спас МЕНЯ от немедленной расправы. Меня, анчу, соперника в борьбе за сердце Наты!

Но кто выдал Кохи? Откуда Коркин папаша узнал, что старший сын пытался отобрать у меня святыню, но не смог? Откуда он узнал, что Кохи, зная, что я в курсе пиратских планов, не доложил немедленно об этом отцу, а поехал за город поговорить по душам с Миче Аги? Может, чёртов Корк решил, что это Кохи сказал мне, где амулет? Может, он пытал Лалу? И я не знаю, совсем не знаю, что происходило в доме Корков всё это время. Что делал проклятый старый злыдень с Кохи в отсутствие Лалы, сестры и брата? Я понял, он наверняка измывался над старшим сыном, пытался вытянуть из него всё, что тот знает и не знает об этом деле, обзывал его разными словами, бил по щекам, насмехался и угрожал. Конечно, тот, кто выдал Кохи, назвал и моё имя и сказал о моей роли в этой истории, но я теперь лучше знал Кохи, и сообразил, что он всё валил на себя, удержал ненормального отца от желания сей же час разделаться со мной, не открыл того, что это Лала рассказала мне про амулет, сознался в том, что подслушивал разговоры родителей, но пошёл против них. Какое наказание понесла девочка за то, что удрала из чулана «на экскурсию» с Кохи? Сидела в подвале? Кохи должен был быть невероятно убедителен, чтобы доказать отцу, что Лала не при чём, что он просто так взял её с собой, а не для того, чтобы она показала в пещерах дорогу к амулету. Понятно, отчего Кохи всё последнее время был сам не свой. Он даже от самых близких людей, от Мадинки и Хрота, скрывал то, что происходит. По мнению старого изменника, это Кохи встал на его пути к престолу, и теперь заслуженно поплатился за это. И я обязан молчать, потому что дал клятву!

Ярость захлестнула меня с такой силой, что перехватило дыхание, потемнело в глазах и помутилось в голове. Если бы я сейчас увидел отца Кохи, я сделал бы с ним то, что он сделал с сыном. Бил бы его, пока он не сдох.

Не соображая, что делаю, выбежал из госпиталя, забыв, что я здесь с Натой. Что-то злое и невменяемое внутри меня влекло неизвестно куда и требовало выхода. Я то бежал, то шёл быстро-быстро, то прикладывал сжатые кулаки к щекам и размазывал по ним слёзы бессильного гнева, то закрывал ладонями глаза. Невозможно смотреть на мир, где творится такое.

Не помня как, я вылетел на берег, на остывающий на закате песок у воды великой реки Някки.

Что происходит, я сразу не понял. Там клубилась улюлюкающая, воющая и гогочущая толпа. Рыбаки, торговки, бродяги, пьяницы, жители Пониже, района бедного и беспокойного. Они вымещали свои беды и своё ожесточение на волке, запертом в низкой клетке, стоящей на пляже. Клетку сняли с пиратского корабля, приведённого в Някку. Вон он, стоит у пристани.

На пиратском волке можно выместить зло.

В него кидали камнями и тыкали палками, били ногами по прутьям и швыряли песком. А он затаился в сердёжке, лесной царь, молодой, красивый и гордый зверь, напуганный, брошенный на растерзание. Он пытался ещё скалиться и рычать, но был уже побеждён. Зверь, никогда не нападающий на людей, если ему живётся хорошо и есть вдоволь еды.

И вот случай мне утешить свою боль и ненависть. Добить животное, взятое пиратами в плен. Одним движением руки, одним заклинанием...

*

...Звякнув и лязгнув, отлетел замок, и распахнулась дверь клетки, подчиняясь моей воле. Я встал перед ней и сказал волку, припавшему к полу:

– Беги.

Толпа негодуяще взвыла. Кто-то плюнул мне на ботинок. Палки и камни полетели в меня. Я вздрогнул от боли и достал из игрушечных ножен деревянную саблю. Не думаете же вы, что я резвился с детьми, имея на поясе настоящее оружие?

Я сказал:

– Не смейте его бить. Он беззащитен. Он вам ничего не сделал. Кто подойдёт – пожалует.

И я резко шагнул вперёд, а толпа отшатнулась назад, обозвав меня по-всякому и запустив в меня тем, что там было в запасе.

Волк подкрался к двери и, вздрагивая, попробовал лапой свободу. Я снова шагнул вперёд, подальше от клетки, чтобы он меня не боялся. И зверь выскочил, и быстро затрусил по пляжу туда, где под городской стеной виднелись заросли кустов. Он хромал, волочил хвост и бежал кособоко, а толпа, взревев, устремилась, было, за ним. Но я оказался на её пути со своей игрушечной саблей. Я соорудил над волком магический защитный купол – и камни его не задела. Мне, не опытному ещё, пришлось выбирать: или заслонить себя, или несчастное животное.

Я решил, тут мне и конец придёт, но озверевшие люди замерли передо мной, подняв булыжники и дубины, и магия была не при чём. Вряд ли здесь поняли или помнили, что я волшебник. Толпа замолкла, отступила, и никто не решился больше ни ударить, ни бросить камень в меня. Думаю, впечатлила деревянная сабелька в руке чокнутого анчу. И все устались на меня, и сказали одновременно:

– Эй, отойди, парень!

– Дай убить зверюгу!

– Чего тебе надо?

– В морду хочешь? Я дам.

– Поколотим его!

– Ату его!

– Прибьём – и догоним волка, небось, недалеко ушёл!

– А ну-ка!..

– А ну-ка, – сказал я, – подойдите-ка. Не дам обижать беззащитную тварь.

– Это Миче Аги, – сообщил кто-то. – Он не даст.

Постояв так и повозмущавшись, толпа стала расходиться. Начались сумерки, и скоро должны были закрыть Речные ворота.

– Во даёт! – говорили про меня уходящие.

– Попадись мне ты, белобрысый!..

– Да ладно, подумаешь...

Десять человек осталось, пять, три... Среди них – мой пожилой наставник по бытовой магии. Да-да, были в этой дикой толпе и приличные, хорошо одетые господа.

– Миче, – сказал он, – у тебя с головкой всё нормально? Рад, что не дал людям развлечься? Доволен, что не позволил оторваться и расслабиться? Тебе аукнется это, попомни мои слова.

Все ушли, осталась одна Ната. Наверное, она бежала за мной всю дорогу.

По прохладному песку, среди сумерек и последних ярких полос заката, среди чаек, летящих на ночлег, на фоне тускло блестящих волн она шагнула ко мне, как крылья порхнули длинные русые волосы.

Я тоже шагнул Нате навстречу и протянул ей двумя руками свою деревянную саблю. И она приняла её тоже двумя руками и поцеловала меня также, как я её.

И мы гуляли всю ночь...

ЧАСТЬ II. СВАТОВСТВО МИЧЕ

Глава 1. Анчутская мудрость

И всё было так, как будто мы давно уже сказали друг другу о любви, словно уже вчера и позавчера, и неделю назад строили планы о том, как будем жить вместе, не расставаясь надолго, засыпать и просыпаться вдвоём, называя это счастьем. На несколько часов я позволил себе быть просто влюблённым парнем, не озабоченным безопасностью кого бы то ни было, я забыл о том, что мне, анчу, тем более, анчу, провинившемуся перед заговорщиками, не стоит жениться. Затмение нашло.

Я говорил Нате, смеясь, но серьёзно, что она такая красивая, и потому её невозможно представить в фартуке на кухне или, скажем, доящей корову. Ната тоже смеялась, она возражала, что ведь я не раз видел её и за тем, и за другим занятием, а также полющей сорняки и собирающей абрикосы. А ещё Ната знает рыбацкое ремесло, умеет ставить сеть, управлять парусной лодкой и лихо торговаться на рынке. И как вы думаете, нужно ли ей всё это? Разве что для души.

Ната – дочь богатых родителей, ну, да я уже говорил. Натин отец – преуспевающий купец. Он торгует рыбой, перевозя её по реке и по суше далеко от моря, потому что у него есть такие замечательные волшебные штуки – передвижные холодильники. Дом Натиных родителей – большой и красивый, жёлто-розовый. Он стоит недалеко от парка, и сам весь утопает в зелени деревьев. Там, в саду, Ната и её старшие сёстры вечно возились с удивительными цветами, пока те две девушки не вышли замуж. Я знаю их, и их мужей, и их новорожденных сыновей, и даже их собак и особо выдающиеся сорта садовых растений. На той же улице, повыше – дом моих родителей. Улица длинная и извилистая. Не поймёшь, то ли она идёт вдоль ограды парка, то ли перпендикулярно ей.

Я сказал Нате, что когда мы поженимся, я, конечно, найму служанку. Толстую пожилую женщину, чтобы супруга не ревновала. Я не хочу, чтобы моя жена закопалась в домашнем хозяйстве и стала этакой клушей, лишённой всех интересов юности и всего молодого задора, свойственного увлечённым людям. Ната ответила, что это правильно, только я не представляю, что меня ждёт. Она перетащит в мой дом батарею цветочных горшков, миллион справочников, счёты и счётную машинку, бухгалтерскую книгу, здоровенный родонитовый письменный прибор и фигурку собаки, сделанную из ракушек. Я робко поинтересовался, зачем ей бухгалтерская книга у нас дома. Помогать отцу в его расчётах она может и в доме у парка, это гораздо удобнее, чем бегать туда-сюда с листочками и цифрами о доходах-расходах. Ната усмехнулась и ответила, что отец отцом, а доходы-расходы мужа тоже контролировать надо. Я прямо дара речи лишился, а она захлопала в ладоши, радуясь удачной шутке.

Ладно. Я сказал, что толстой пожилой служанке тяжело будет справляться с хозяйством. Женщина помоложе – это лучше. Так благородно дать подработать студентке! На этом можно сэкономить и прямо так и записать в бухгалтерской книге. Ната примолкла, притихла и в печали проглотила цветок вьюнка, который до этого просто держала в зубах. Да, Миче, он такой, он может прийти на помощь хорошенькой вертушке из чистого человеколюбия. Посмеиваясь, я сменил серьёзный тон на шуточный, Ната рассердилась и набросилась на меня с кулачками. Мы повалились на садовую скамейку...

Вы спросите, какое право имею я, такой простой анчу, свататься к девушке из богатого дома? Да вот уж имею. Полюбопытствуйте у нас в Някке, кто такой Миче Аги. Вам непременно, в числе прочего, скажут, что я представитель знаменитого рода, чьи корни уходят в далёкие года, и чьи предки из долины Айкри, из Дома Радо, а это для анчу очень почётно. Ходят смут-

ные слухи, что кое-кто из них был когда-то правителем в тех местах. Предки были людьми не только героическими, но и отличными мастерами, и рассказ о них вы ещё услышите, но я не примазываюсь к их славе. Я и сам кое-чего стою, как ювелир, и, увидев мои изделия на прилавке, вы несомненно отметите, что они хороши, даже если не будете знать об их дополнительных свойствах. Никто из моих родственников не бедствует, каждый из них нашёл себя, если не в ювелирном ремесле, то значит, в другом каком-либо деле.

Дед, отец моей мамы, был известным путешественником, писал книги о странах и открытиях, побывал в местах удивительных, до него не исследованных. Его экспедиции поощрял прежний король, отец Стояна Охти, и нынешний также всегда ему благоволил. На голубятне, под полом, в одном из железных ящиков, хранятся награды и подарки – моему деду за заслуги. В том числе – кубок, усыпанный редкими самоцветами. Дед был смелым человеком, но считал, что вносить столь ценные вещи в дом нельзя: мало ли что. Воры. Переворот. Погром. Пожар. Наводнение. Анчу всегда опасаются подобных несчастий. Довериться банку? Как можно?! Если бы вы спросили моих деда и бабушку, где следует хранить драгоценности, услышали бы ответ: «Только на голубятне». Боюсь, я сам всю жизнь следую этому совету. Иногда приходит в голову мысль: почему не в курятнике? Не в конюшне? Какая такая конюшня? Голубятня надёжней.

Наш с Рики отец занимается продажей ювелирных изделий. Папа предпочитает иметь дело с мастерами и тем, что они сделали только что, а не со старыми вещами, которые продают не от хорошей жизни и которые могут оказать на нового владельца плохое влияние. Папа сам прекрасный мастер, его имя известно в нашем городе очень хорошо. Это он обучил меня и обучает Рики премудростям ювелирного дела. Рики талантлив, он будет гордостью нашей семьи. Самое ужасное для него наказание – отлучение от занятий.

Бизнес моего отца радостен и яростен, и я люблю его с детства. У нас есть магазин и мастерская возле рынка. Папа никогда не держит драгоценности дома, не делает их дома, это знают все. Так что нормальные воры придут грабить магазин, а не жилище моих родителей.

Надо быть осторожными. В папином магазине, например, три запасных, но очень замаскированных выхода, чтоб, если что, можно было сбежать. Кругом потайные панельки, а под ними – рычаги, нажав на которые можно вызвать стражу. Отец платит за охрану магазина, чтобы продавцы чувствовали себя в безопасности. В своё время моя мама и папины две сестры стояли в магазине за прилавком. Я тоже порой стою. Мне очень нравится это дело. Мне и Рики. Я работал с отцом ещё в школьные годы, я отличный продавец.

Я всегда зарабатывал сам сколько мог, и не помню случая, чтобы мне деньги доставались просто так, потому что я сынок богатенького папы. То же самое – Рики. Не то что мама и папа, но даже и я, могли бы завалить нашего ребёнка подарками и дорогими вещами. Но ведь мы хотим воспитать достойного, трудолюбивого человека, знающего цену деньгам, настоящего продолжателя дела дома Аги, не так ли?

И мы с Рики с детства, к большому неудовольствию родителей, подрабатываем гаданиями. Про таких, как мы, говорят: «Родились с дарами Эи в руках». Дары Эи – это гадательные принадлежности. Это способности, пренебречь которыми невозможно, не вызвав гнева богини, наградившей своего избранника. Но нас с Рики одарила ещё и прекрасная Ви, старшая сестра Эи, Мать Магии. Оттого мама и папа, хоть и были против, но запретить не могли, когда сначала я, а потом Рики объявили о том, что желаем всерьёз заняться гаданиями и волшебством. Никто не хочет призвать гнев Матери Предсказаний и Матери Магии на голову своего ребёнка. Но знаете, в наш век технического прогресса всё меньше избранников Эи. Возможно, только отсутствием конкурентов объясняется странная популярность в Някке меня, как предсказателя. Мои малочисленные сокурсники, все пять человек, разъехались по своим городам и странам.

Так что вы видите, мы далеко не бедная семья, нас знают и уважают в городе. Когда я говорил, что надо бы слезть с шеи родителей, я имел в виду не финансовую сторону, а скорее моральную. Если бы мы захотели, могли бы выстроить дом не хуже Натиного и жить на широкую ногу. Открыть ещё магазины, появляться при дворе и так далее. Но!

Но мы – анчу, и не надо привлекать к себе лишнего внимания, если мы хотим выжить, если я хочу увидеть своих внуков. Если кто-то живёт лучше кого-то, у того могут возникнуть зависть и злоба, и, как результат – желание взять факел и подпалить дом соседа. Тем более, если этот сосед – анчу. И так вон Корки выходят из себя при виде меня. Из всей вереницы предков-ювелиров, наверное, только я, их потомок, завёл мастерскую в своём доме: мне просто некуда было деваться: я ведь гадаю людям – где у меня время на дорогу то туда, то обратно? Я продаю обереги и амулеты, поэтому мне приходится держать свои изделия при себе. Да, я боюсь, потому что это неправильно, и папа совершенно справедливо ругает меня за такое поведение. От грабителей можно легко защититься, от обычных таких вороватых граждан. Даже если они запасутся разными контрабандными штучками. Что мне какие-то штучки в их неумелых руках? К тому же я не устаю повторять знакомым и клиентам, что украденный амулет имеет обратную силу, а всё, что я делаю – это именно амулеты. Вряд ли имеются желающие проверить такую истину на себе. В моей мастерской Рики трудится над своим первым заказом. Как не радоваться, что это происходит на моих глазах? Как бы я присматривал за ним и его работой в помещении у рынка? Я боюсь другого. Если кто-то всерьёз задумает расправиться со мной, он, конечно, не полезет ни в мастерскую, ни в голубятню. Он применит хитрость, отлично подготовится, и как знать, может, найдёт где-нибудь волшебника, гораздо более сильного, чем я. Об этом мне твердил ещё дед, мамин папа.

Иногда я задумываюсь, правы ли были мои предки, внушившие нам эту анчутскую мудрость осторожности и страха.

Порой мне кажется, что правы. Это когда лежу ночью без сна, и прислушиваюсь к звукам за окном, и боюсь повторения описанных дедом и бабушкой погромов.

Но гораздо чаще ловлю себя на мысли, что у меня так много друзей и знакомых, со всеми, кроме Корков, прекрасные отношения, всё здорово и замечательно, потому что кому оно надо, причинять вред Миче Аги?

С другой стороны, последние события подорвали мою веру в человечество. Ожили все анчутские страхи. Я действительно очень боюсь.

Я сказал Нате:

– Как я могу свататься к тебе? Я боялся назвать привязанность к тебе любовью, потому что не хотел жениться и подвергать опасности жену и детей. Разве человек имеет право подвергать опасности другого человека? Злоба Корков коснётся и тебя. Я ожидаю пиратской мести. Если придут, чтобы убить меня, убьют и тебя. Я этого не переживу.

Она тихонько засмеялась и прижалась ко мне сильнее:

– Это ничего, Миче. Присылай сватов и ни о чём не тревожься. Я готова умереть с тобой, но не жить без тебя. Что? Мои родители? Они всё понимают.

Она любила меня давно, а я, дурак, ничего не замечал и был глух к собственному сердцу. К глупому сердцу, которое не понимало, что любит.

Как же так? Сколько потеряно дней!

На меня свалилось счастье. Вот так, неожиданно-негаданно, ни с того, ни с сего. А я, запуганный анчу, боялся его принять. Боялся за Нату. Боялся, что её убьют вместе со мной. Сейчас боялся, как никогда.

Да и как оставаться спокойным, если у меня орден за то, что я помог разделаться с пиратством, если на меня точат зубы анчуненавистники Корки, которым я помешал взгромоздиться на престол? Я был уверен, что мне не избежать мести и расправы, я даже заговаривал с родителями, своими и Лёкиными, о переезде: пусть бы они уехали в другой город, избежали бы

кары этих бедолаг, чьи планы я нарушил. Мне переезжать было бесполезно: найдут всё равно. Но наши с Мальком семьи надо было вывести из-под удара. Правда, я не представлял, как уговорить маму и папу и семейство Мале покинуть город.

– Да-да, – твердили они мне, но... только чтобы успокоить и отвязаться. Малёк крутил пальцем у виска и говорил, что старшее поколение с места не сдвинуть, а сам он останется в Някке, ведь я же не переезжаю. Мой товарищ сказал, что будет защищать меня или разделит со мной мою участь.

– А как иначе, Миче? – спросил он тихо. И что было с ним делать?

Единственный раз в жизни я решился расстаться с Рики и потребовал, чтобы родители отправили его в деревню. Они посмотрели друг на друга странно и сказали, что подумают, чтобы я не чудил, что скоро учебный год... Не собирались они ссылать младшего сына к дальней родне из-за моего ненормального страха. А Рики, подслушавший сегодня днём этот разговор, ударился в рёв и сказал, что ничего не боится, и если уедет, то только вместе со мной.

Старшее поколение не верило в месть.

Я знал, что она неизбежна.

Это единственная причина того, что я повёл себя странно и недостойно, когда закончилась волшебная ночь, когда перед рассветом поднялся прохладный ветерок, и я проводил Натю домой, подвёл к её воротам. Мы стояли и смотрели, как нежно розовеет небо, как чайки летят в тихое побуждающееся море, как чуть колышутся под ногами кроны парка и белеют паруса рыбацких лодок. Тихонько открылась калитка, и родители Наты застали нас целующимися прямо посреди улицы.

– Миче! – ахнула её мама.

– Ната! – рывкнул её отец.

– Что? – спросили мы, нервно тиская пальцы друг друга.

– Что это такое? Где вы были? Не предупредив! И... И вот это?!!

– Что? – снова спросили мы, словно были заведенными куклами. – Мы гуляли.

– И что? – поднял брови Натин папа. Он явно намекал на наш поцелуй.

Если бы я стоял у них во дворе, я попробовал бы объяснить. Но посреди улицы... Натины родители были так возмущены, что, кажется, забыли, где мы все находимся. Они сверлили нас взглядами, и я сказал:

– Извините. Ну, я пошёл.

Это вместо положенных слов, которых ждала от меня Ната.

О, как она на меня взглянула! До сих пор я стораю от стыда, вспоминая этот взгляд.

Ната, Ната, как я тебя обидел, каким я оказался трусом! Я, волшебник, который специально обучался магии, чтобы в минуту опасности защитить своих близких. Я думал, эта профессия придаст мне уверенности, но нет. Мне померещились факелы в моём саду, звон оружия, мой пылающий дом, чувство невозможной утраты...

И я сказал, словно прошелестел:

– До свидания.

И Ната влетела в свой двор, шарахнув калиткой так, что должны были проснуться мои родители на другом конце улицы. А Натины родители так и остались стоять у ворот.

– Ты, Миче, что-то не то сделал, да? – попыталась вникнуть в суть моей проблемы её мама. А Натин папа взял жену под руку и, сказав, что это проблема лично моя и больше ничья, увёл и её.

Я стоял, подобно тумбе для объявлений, а потом пошёл к себе, не понимая, что вообще происходит, и как это я так запутался.

Я хотел, чтобы мои папа и мама объяснили мне, как примирить все эти противоречия в моей душе, как вернуть любовь Наты. Я уже тосковал по ней. Я боялся потерять её любовь.

Но мамы и папы не было дома.

Глава 2. Сплошные потрясения

– Так и не приходили ещё, – сказала сонная служанка. – Ты, Миче, сам-то откуда? Почему ты их ищешь, если они у тебя?

Вот тебе и раз. Родители заночевали у меня, потому что кто же присмотрит за Рики в моё отсутствие. А меня всё нет, а они волнуются. Я побежал бегом. Из окна дома Мале меня окликнула мама Малька.

– Бежишь, Миче? Беги-беги. Где ты был?

– А где Лёка? – вместо ответа спросил я.

– Так у вас.

– Почему?

– Так все там.

Странно. Что там делают все? Вечеринка перешла в утренник?

– Я подойду попозже, – пообещала хозяйка дома.

Спрашивать: «Зачем?» – было бы невежливо. Я просто понёсся дальше. Но вот что интересно: дома никого не было. Совсем. И никакой записки. Наверное, мама и папа отправились домой и увели Рики, Малёк пошёл провожать Чудилу, и я со всеми разминулся. Но могли бы черкнуть пару строк. Я вздохнул. Сам виноват: не предупредил никого, что явлюсь лишь утром. Ха! А вдруг все ищут меня?

Устав биться над этой загадкой, и вообще, устав, я лёг и заснул, чтобы выспаться перед работой. Авось всё как-нибудь разрешится само собой.

*

– Спит, – сказали рядом со мной. – Просто невинный ягнёнок. Держи меня, Петрик, чтобы я его не побил. Я его побью.

– погоди, послушаем, что скажет, – осадил Малька Чудила. – Эй, Миче, подъём!

– Чего? – спросил я.

– Мы тебя побьём, – сообщил мне Лёка.

– Не надо, – со стоном попросил я.

Я сел и схватился за голову. Все события этого утра и вчерашнего вечера вспыхнули в моей памяти обжигающим огнём. Это невозможно. Что творится!

– Ребята, что я наделал! Что я наделал, ребята, – запричитал я и даже побился немного головой о ковёр на стене.

Они переглянулись.

– Да ладно, – пожал плечами Малёк, – не так уж всё плохо. Хотя могло быть и хуже из-за твоей дурасти, – добавил он.

– Я ему сто раз говорил: купи ребёнку ролики, – зачем-то вставил Чудила. – Говорил: купи и научи ребёнка кататься. Сам, говорил я, научи, чтобы было спокойнее. Чтобы дитё умело кататься и было как все. Я говорил: умение – это безопасность. Я даже говорил, что сам научу. Ты, Лёка, тоже говорил. Но Миче не разрешал нам купить Рики ролики, говорил, что поссоримся.

– Отстань, Чудила, – я повалился на подушку. – Ты всё об одном. Какие тебе ещё ролики?

– Кажется, он не о том, о чём мы ему толкуем, – догадался Малёк. – Кажется, с ним всё-таки что-то случилось. Ох, недаром Миче видели с Хротом.

– Да. Ещё ведь он подрался у Някки, на пристани, – напомнил Петрик. – Надо было доискать его до конца.

– Что я наделал? – спросил я у подушки.

– Слушай, говорят, Кохи очень сильно избит. Это ты его так?

– Вы спятили, да? – я снова сел. – Вы считаете, что я могу избить человека до такого состояния? Хотя нет. Могу. Его папочку.

– Ты был у Кохи? Ты его видел?

– Ты что, ходил туда с Хротом?

– И как он? Как Кохи?

Я застонал от жалости к своей вражине.

– Видал? – спросил Чудилу Малёк. – Вообще понять невозможно.

– И куда ты делся потом? – спросил у меня Петрик. – Где тебя только не искали!

– Зачем меня искать? – разозлился я. – Что я вам, дитё новорожденное? Куда я денусь?

Я болван. Я идиот.

– Кто бы сомневался! – сказали мои дорогие друзья. – Конечно, болван. Драться на пристани! – они оба сели ко мне на кровать.

– Не дрался я!

– А что ты делал?

– Сделал предложение Нате!

– О! Ого! Ну и ну! – они пришли в восторг. – Наконец-то, Миче!

– Да, сделал, а потом не сделал!

Они опешили:

– Это как?

Пришлось рассказывать всё с самого начала, иначе они бы не отцепились меня. И когда я закончил, Малёк высказал своё мнение:

– Да. Идиот, – он сник и расстроился. – Обидел Нату и сам себе сделал плохо.

– Но как же мне быть?

– Есть только один способ. Броситься на колени и умолять о прощении. Всё объяснить.

– Но Корки... Пираты... Но я – анчу... Я боюсь... – лопотал я.

Чудила обнял меня за плечи и стал утешать, как я бы утешал Рики, если бы он совершил ошибку и плакал.

– Сколько я тебя знаю, Миче, ты всегда боишься, – говорил он. – Боишься и боишься, но живёшь нормальной человеческой жизнью. У тебя даже не получается как следует запугать Рики, потому что ты не веришь в плохое.

– Я верю. Я трус.

– Это не твоя вера, а вера твоих предков. Ната полюбила тебя за смелость.

– Нет, Петрик, нет. Откуда она, смелость-то?

– Читай выше, – хмыкнул Малёк и погладил меня по голове. Чудила напомнил:

– Смелость просто жить и всех считать хорошими.

– Я всех не считаю...

– Тс-с, – шепнул Петрик. – Брось это. Сегодня ты пойдёшь к Нате и помиришься. Или ты её не любишь? Может, просто ищешь предлог отвертеться?

Отвертеться? Ну уж нет. Я знал, что не могу без Наты. Не могу, не проживу без неё жизнь, даже если её, этой жизни, очень мало осталось. Я пойду и помирюсь.

– Может, сегодня сразу посватаюсь? – я вскочил. – Да. Сегодня. А вы будете сватами. Если сейчас пойти на рынок...

– Миче, сегодня не выйдет.

– Вы на службе? А почему вы не на службе?

Дзинь-дзинь!

– Ну вот, – сказал Малёк, глянув в окно. – Пытались предупредить. Но не успели. Сейчас он в обморок упадёт.

– Миче, – подскочил ко мне Чудила. – На самом деле всё нормально. Могло быть хуже.

– Хуже чего?

Я глянул в окно. Та мама и папа вкатили в ворота такой специальный стульчик на колёсах, а на стульчике сидел мой Рики. С забинтованной левой рукой, с перевязанной ногой и с головой в бинтах.

Ну и прав был Малёк. Я едва не хлопнулся в обморок.

*

В этот день я всё равно пошёл мириться с Натой. Но меня не пустили в дом! Дескать, барышня, меня видеть не хочет. Потом я подослал парламентёром Малька.

Ему было сказано, чтобы не лез, куда не просят.

– Ты объяснил ей хоть что-нибудь?

– Я успел вставить словечко, – кивнул Лёка. – Она ответила, что придёт навестить Рики. Всё.

– Если бы я снёсся раньше, мы бы сейчас не поссорились. Почему я не понимал, что люблю её? Я так сильно боялся? Но я и сейчас боюсь, – бормотал я себе под нос. Малёк на это реагировал болезненно. Он говорил Чудиле:

– Миче меня доведёт, и я его придушу.

Но Лёка ещё был самым милосердным из этих извергов. Все прочие ругали меня на чём свет стоит, и всё за ролики.

Может быть, кто-то не в курсе роликовой проблемы, так я расскажу.

Уже говорил, что наш город – это сплошные склоны. Он стоит на Иканке – такой широкой и низкой горе причудливой формы. Все улицы, даже поперечные, ведут вниз, и довольно круты. Иногда это сплошные трамплины, иногда вдруг упираешься в тупик – улица делает резкий поворот. У заборов ветвятся крыжовник, малина, ежевика, шиповник и розы. Всё чрезвычайно колючее. Есть такие места, где ты идёшь по дороге и видишь сверху дворы улицы, расположенной ниже. Представьте, как весело навернуться оттуда в чужой колодец. Взять, допустим, самокат. Запросто можно затормозить. А ролики? Как их остановишь? Ребята, гоняющие по улицам, как-то останавливают. Для меня это остаётся непостижимым. Спросите: «Миче, сам-то ты катался в детстве?» Нет, не катался. Ролики изобрели только что. Какому ослу это в голову пришло? Покажите-ка мне его.

А порой из-за поворота выворачивают повозки, выносятся всадники, выскакивают собаки. У оград торчат колышки – это бабульки привязывают к ним рогатых коз, саженцы и цветочки. Колышки бывают железными. Кое-где город заканчивается обрывом, крутым, каменистым, с узкими лестницами, ведущими вниз. Ну, и если мой очень младший брат не сумеет затормозить и свалится оттуда?

У всех приятелей моего Рики были ролики. Как их родители решились, я не знаю. Все эти дети лихо гоняли повсюду, а я обмирал от ужаса. Нет, нет и нет. Что бы ни говорили наши с Рики мама и папа. Папа, например, вообще на ровном месте упал. Я сказал, что поссорюсь с ними, если они купят ребёнку ролики, а старший доктор Шу, я знаю это, шепнул родителям, чтобы они не спорили со мной, не травмировали мою впечатлительную душу. Рики я велел смириться с тем, что роликов у него не будет, а друзьям пригрозил, если они вздумают подарить моему сокровищу этот кошмар, я не буду с ними водиться.

Ну и вот все они, кроме самого Рики, теперь зудели и ругали меня. Если бы я потратил пару дней на обучение ребёнка, забыв о нелепых страхах, ничего бы не случилось. А так он вчера втихаря поздно вечером встал на ролики соседского мальчишки и с непривычки, да ещё в темноте, навернулся как раз в том месте, о котором я рассказывал. С дороги в чужой двор, вниз. Результат – сломанная рука, сильно ушибленная нога, ежевичные колючки по всему телу, царапины, синяки и порез на макушке. Царапины я ему быстро заговорил.

Действительно, могло быть и хуже.

Даже ужасней.

Например, родители хотели меня проучить и отвезти моего Рики из Лечебницы к себе домой, но он поднял бунт и потребовал ехать к Миче. Мой ребёнок хотел показать, что не сердится на меня, а очень даже понимает и любит. Он заполз в мою постель, пригрелся и дремал себе. Очень моего ребёнка удручала мысль, что продолжение работы над серёжками для директора школы откладывается на неопределённое время из-за сломанной руки. Я обещал помочь, но Рики хотелось самому выполнить всё с начала и до конца. Тем временем мама и папа вытянули из моих друзей, отчего я такой совсем никакой, отчего где-то шлялся всю ночь и почему поссорился с Натой.

Ну всё, решил я, сейчас начнётся по новой. Но нет, родители, как и Натин папа, пожали плечами и сказали, что это моё личное дело. Никакого участия. Я вечно за них переживаю, а им всё равно.

– Это потому, – горько сказала мама, – что ты пишешь стихи и их же под свою же музыку распевашь. Ты слишком чувствительный, прямо как девочка. Так нельзя. От этого твои несчастья. Дурь в голове.

Сговорились они, что ли, с дядей Тумой Мале? На днях я исполнял долг вежливости: по приказу отца навещал заболевшего начальника таможни. Пора запретить навещать болящих! Кашляя и чихая мне прямо в рот и в чай, который я для него приготовил, дядя Тума мне же ещё и выговаривал. Дескать, такой обалдуй я потому, что пишу стихи и клепаю золотые девчачьи цапки, и все мои несчастья от того же. Когда я спросил, где это у меня несчастья, и почему я их не замечаю, дядя Тума шумно высморкался раз пять и посоветовал мне не распускать сопли.

Можно углядеть высшую справедливость в том, что я не заразился и не улёгся в постель, и сопли не распустил.

– Клепаю золотые цапки, – подхватил я мамину мысль. – Да ещё и серебряные в придачу. Мужское ли это дело, мама? Или оно мужское только тогда, когда клепают папа, кормилец семьи?

От неё никак не ожидал обвинения в том, что писать стихи – это плохо. Помнится, она радовалась и гордилась, когда я притаскивал ей в коллекцию новый листок с рукописными четверостишиями, складывала в отдельный ящик. Может, мои стихи в последнее время недостаточно хороши? Но их с удовольствием печатает университетский журнал.

– При чём здесь твоя профессия, Миче? Ничего такого я не говорила. Но стихи и впрямь сочиняют странные люди. Однако, доктор Шу советует им потакать.

Вот как выбил маму из колеи несчастный случай с Рики. Вот до чего она на меня сердита.

Ловкач побыл у меня недолго. Пришёл, потолкался во дворе с сочувствующими соседями, послушал сплетни и испарился. Спешил куда-то. Он принёс хорошую новость: старый убийца Корк арестован за избивание старшего сына. Я очень сильно обрадовался: вот сошлют негодяя на каторгу – и никаких больше проблем. Может, моей семье не придётся покидать Някку.

Ловкач не выглядел довольным, когда сообщал мне такое прекрасное известие. Это отчего-то показалось мне подозрительным до последней крайности. Нет, я не сказал себе: «У Воки проблемы, оттого он так раздражён, сердит, даже груб. Отводит бегающие глазки, нервно поправляет очёчки и дёргает себя за белокрысые пряди. Помочь надо Воки». Я бы так сказал, если бы речь шла о Мальке, Чудиле или Шу-Шу. Но тут я подумал: «Дело нечисто. Всякий радуется, если негодяй получает по заслугам. Ловкач, похоже, не рад. С чего бы это?» Подумал, хотел попозже погадать, но меня отвлекли.

Вечером, когда все уgomонились и разошлись спать, я выполз в свежий и влажный сад постоять и подумать в тишине. Голова у меня разболелась, и весь я был какой-то потрясённый и сам не свой. И, если я глядел на дом, то видел, что он горит, я видел пожар, и мне приходи-

лось уговаривать себя, что это наваждение, мой вечный страх. Я отвернулся и стал смотреть на звёзды.

Отчего этот страх так усилился?

Глава 3. Трогательная забота

– Эй, анчу, – донеслось из-за забора, граничащего с переулком.

Опять Корки! Я уже не могу. Я хотел уйти в дом.

– Эй, иди сюда, поболтать надо.

Я подошёл. Я сжал кулаки. Я сейчас с ними поболтаю.

Встав у калитки, хотел сказать этим разнокалиберным Корковым прихлебателям что-нибудь нехорошее, но они меня опередили. Их было человек шесть. Что странно, не брехливая молодёжь, а их отцы, бородатые, угрюмые типы. Дело плохо, решил я. И предпочёл за калитку не выходить.

– Анчу, ты знаешь, что сделал, – сказал Крук, какой-то там семиюродный дядюшка.

– Что я опять вам сделал?

– Ты избил Кохи почти до смерти.

– Что? Я?!

От такой наглости мне стало просто смешно. Я расхохотался в их волосатые заросли:

– Отчего же арестовали не меня, а вашего благодетеля?

– А мы не знаем, отчего наш драгоценный король так с тобой носитя. Но кое-кто не намерен с тобой носиться. Думаем, ты не понял, отчего твой братец с горки слетел. Так вот. От тебя зависит, чтобы вскоре он не слетел с горки повыше и не сломал чего-нибудь посерьёзней. Понимаешь, нам очень не нравится, что Кырла посадили в тюрьму.

Я аж хрюкнул.

– Вы заговариваетесь. Бред несёте. Ха! Вашего Кар-Кара выпустили из тюрьмы, чтобы он столкнул Рики со склона? Вы чего, вообще, добиваетесь? И Рики тут при чём?

Да, откуда они знают, что у Рики сломана рука? Я стал лихорадочно вспоминать, когда узнал от Ловкача, что папочка Корк арестован. Сегодня утром.

– Нет, не выпустили из тюрьмы. Его арестовали вчера после обеда, – вякнули бородатые рожи.

Отчего они не бреются? Я знаю: потому что бороду с год как отрастил их благодетель. Он побреется – и они тоже. Он начнёт усы заплетать косичкой да с розовой ленточкой – и те туда же.

Ну, я вспомнил, что вчера после обеда. И чем мне это грозит?

– Только все должны знать, Миче Аги: Кырл пальцем не тронул своего сына. Это сделал ты, – просветили меня из темноты переулка.

Я присвистнул:

– Интересная теория!

– Дети Кырла скрывали всю эту историю, – пояснил Крук. – Не хотелось им скандала.

Кырл не позволял им пререкаться с тобой. Они сказали ему, что Кохи упал.

– Ха-ха! – прокомментировал я.

– Но ты обнаглел.

– Да что вы?

– И дети Кырла возмущены.

– Вот как?

– Не лезь к ним сейчас. Не задирайся.

– Да ни за что.

– Уповай на справедливый суд.

– Уповаю. Кстати, ведь есть свидетели, их много, и они знают, кто кого побил, кто куда упал, и в какое время это произошло.

– Если месть совершается быстро, свидетели могут и не понадобиться. Кохи поклялся отомстить.

– Ой, я дрожу! – издевательски бросил я. Мне угрожают мстью, но никто из них не видел Кохи, иначе бы они знали, что в таком состоянии невозможно даже мякнуть. Мне рассказывают дурацкую версию событий... Зачем?

– Видишь ли, анчу, – нёсся Крук, – Кырл нам дорог, а ты – нет. Ты любишь свою семью, ведь так? Ты не хочешь её лишиться? Так вот. Если ты убедишь свидетелей, что они обознались и ошиблись, мы убедим Кохи не мстить.

Они всё пытаются свалить на этого несчастного парня, который всеми силами хотел быть похожим на них, добивался любви и признания. Они уже отказались от него. Если откроется история с предательством, пиратами и амулетом, виноватым окажется Кохи, который пытался защитить своих Корков.

– То есть, вы хотите, чтобы я заявил, что подрался с Кохи и избил его. А ваш старый злыдень...

– Ну-ну!

– Ваш старый злыдень ни при чём, стало быть. Раз король со мной носитя, с этой стороны мне ничего не будет. А с вашей будет, если я не возьму вину на себя. Вроде как, все знают, что мы с Кохи время от времени любим подраться. Вы угрожаете моей семье. Я правильно изложил?

– Абсолютно, – заржали негодяи. – Сделай что-нибудь, чтобы Кырл побыстрее вышел из тюрьмы. Скажем, сроку тебе две недели. У тебя же высокопоставленные друзья в недрах дворца, – намекнули они не то на Чудилу, не то на Далима. – Ты увидишь, Корки могут быть благодарными. Настолько благодарными, что не тронут младшего Аги, а ведь это так просто. Надемся, ты понял это вчера вечером? – добавили бородачи и, посмеиваясь, пошли вверх по переулку, не дав мне возможности ответить.

Они угрожают лишить меня самого дорогого – моего Рики.

Они намекают на то, что вчера вечером организовали его падение в нижний двор. Для устрашения Миче Аги. Чтобы он плясал под их дудку и помог им выгородить главу клана.

Теперь я хлопочи за убийцу. Мне предложили вариант: взять вину за избиение Кохи на себя. Но, решил я, можно придумать и ещё что-нибудь. Можно, если подсуетиться, поднапрячься, если не одному.

Когда речь идёт о моей семье, я просто невменяемый делаюсь. Я бросился к папе (они с мамой заночевали у меня). Я растолкал его и зашептал:

– Па, мне надо отойти.

– Куда?

– Надо.

– К Натe? Ну-ну. Мириться хочешь?

– Да, хочу, – сказал я чистую правду.

– Давай-давай. Я вот тоже, когда с твоей мамой...

Кажется, он заснул. Я разбудил его снова:

– Па, ты не понял, я должен отлучиться.

– Да, к Натe. Я понял, – сонно пробормотал отец.

– Папа, проснись, – потребовал я. – Я ухожу, и ты должен охранять дом.

– Что я должен? – отец аж глаза открыл с перепугу.

– Вот, возьми мою саблю и охраняй дом. Вокруг творятся страшные дела.

– Какие дела?

– Страшные.

Папа сел.

– Сынок, – сказал он. – Ложись спать. У тебя были трудные сутки. Ты болен. Выспись. Утром сходишь к Натe, потом проводишь меня в Лечебницу...

– Что тебе там делать, па? – заподозрил я его в подвохе. – Ты уже давно здоров.

– А мне, – ответил он, – надо кое-кого навестить.

Я понял, кого. Его дружка, старшего Шу. Пусть-де пропишет мне успокоительных капель и прочитает лекцию, как быть хорошим мальчиком. Да я и сам с усам. Я сам могу лекции читать.

– Короче, па, – шёпотом рявкнул я. – Вот сабля, а я пошёл. Топор я положил тебе под подушку. Ружьё на стене. Утром спрячь его от Рики, если я не успею. Такая тяжёлая железяка – под кроватью. На тумбочке – плошка с перцем – его можно сыпануть в глаза. Только смотри себе не попади или маме.

– Миче, подожди! Ты что несёшь?

– Несу? Ах да. Это лом. Железный лом. Положи его с маминой стороны. Или нет, дай я сам.

– Миче, ты нездоров. Пстой-ка...

– Всё, пока. Вода на случай пожара вот здесь в вёдрах, в тазике у крыльца, в бочке и в Чикикукином корыте. Так, что ещё?..

Папа вскочил на ноги. Я попятился к двери.

– Я скоро вернусь, надеюсь, – сообщил я о своих планах. – Вокруг двора – магическая защита. Всё, пока.

Я быстро пробежал по садовой дорожке, папе не угнаться за мной. Поднял руку – и колокольчик не дзинькнул, когда я выскочил за калитку. Как я нёсся переулком, уходящим влево! Я выскочил на дорогу, с которой вниз наверху Рики... И подумал: да как тут можно, вообще наверху? Улица эта на удивление прямая и ровная, а если, как утверждает мой братец, их, ребят, было несколько, и все они клялись его учить и поддерживать... А он, тем не менее, свалился во двор соседей снизу... Только в одном месте. Прямо здесь, выкатываясь из заросшего подорожником переулка, идущего под уклон, на ровную дорогу, и не сумев затормозить.

Я сначала не понял, на что смотрю при ярком свете Ви и Навины. Наклонился. Провёл рукой по стволу молодого сливового деревца. И по стволу черешни на другой стороне.

Сколько времени здесь эта проволока, здесь, на этих стволах, поцарапанных с тех сторон, что обращены к заборам? Поцарапанных так, как бывает при сильном рывке. Тонкая-тонкая проволочка, за которую цепляются ролики, и мальчик, не умеющий кататься, летит вниз со склона.

Вот он, чуть-чуть опередив друзей, медленно катится по мягкой дорожке.

– Молодец! Хорошо! Здорово! – кричат ребята. Сделать так, чтобы они отошли – пустяки. Я бы сказал, встав среди переулка и раскинув руки:

– Он отлично катится, погодите-ка, пусть сам...

Кто-то должен помогать этому подлецу. Надо ведь вовремя натянуть проволоку, не раньше, а то вдруг споткнётся кто-то другой. Хотя, было уже довольно поздно...

Глядя сверху вниз, я понимал, что убиться насмерть здесь трудновато. Правда, Рики мальчик ещё, да к тому же на роликах.

Кто-то быстро обрезал проволоку, чтобы не расшиблись другие дети и не заподозрили чего взрослые. Очень просто: шаг в сторону, и нагнуться. Обрезать-то обрезал, но не отвязал от стволов. Может, нарочно, чтобы увидел я, сумасшедший старший брат?

Вскочив, я помчался снова. Короткой дорогой, срезая углы и перепрыгивая через ограды во дворах, где меня знали сторожевые собаки. И на одной из улиц я с облегчением попал в сильные лапы Чудилы.

Глава 4. Ночные визиты

– Миче, это я!

– Петрик, я попал в беду!

– Я знаю, знаю!

– Они и у тебя были?

– Разумеется, были. Идём ко мне.

– Да, Петрик, идём.

– Сказали, если я хочу, чтобы с тобой и с твоими ничего не случилось, я должен что-нибудь предпринять. Им нужен этот старый чёрт!

– Пойдём, спросим у Коркиных крошек, собираются ли они мстить. Это реально: не отправься я за амулетом – Кохи был бы здоров.

– Опомнись, Миче. Кохи был бы в тюрьме, как самый главный заговорщик. Он же соби-рался взять вину на себя. Миче, дети Корков мстить не будут.

– Но...

– Хочешь – побежим спросим. Хочешь?

– Да.

И, сменив курс, мы галопом помчались к госпиталю.

– Петрик, – сказал я у ворот, в которые не стоило и соваться по причине ночи, – можно, конечно, перелезть через ограду, но ты уж как-нибудь сам. Не могу я видеть Кохи таким.

– Миче, – призвал Чудила, – не чуди.

И мы полезли через ограду со стороны кустов и речки Дики. По – моему, до нас тут кто-то лазил. Понаставили досок, чтобы легче было карабкаться, помяли кусты, протоптали тропинку... Чудила быстро и уверенно привёл меня к этому лазу. А потом, также здорово, нашёл нужный корпус.

Ах да! Я вспомнил: Мадина! Чудила лазают к ней. Но я ничего не сказал, даже когда прокричав из-за скамейки ночной птицей, Петрик спрятался и стал ждать, затаив дыхание.

Из двери выскочила тонкая фигурка, закутанная в шаль. У Чудилы по лицу разлилось блаженство и глупая, счастливая улыбка. Он поднялся из-за скамьи, я тоже... И Мадина сна-лёту, мимо Петрика, бросилась мне на шею и даже расцеловала, хоть я и уворачивался. Я сразу понял: она мстить точно не будет.

– О, Миче! – тихонько, с радостным подвыванием, голосила Мадина. – О, спасибо, спа-сибо!

– Да тебе-то что я сделал? – в отчаянии пропищал я, пытаюсь удержать её на расстоянии: меня очень огорчил разочарованный вид Чудилы.

– За выхухоль! Спасибо! – не могла остановиться Мадина. – Ты оставил нам выхухоль...

– Чикикуку, – поправил я.

– Да, Чикикуку! Она спасла Кохи!

– В смысле? Совсем спасла?

– Совсем-совсем, – Мадина пыталась рыдать и смеяться одновременно. Теперь она повисла на Петрике, чему он был очень рад. Правда, повисела она на нём недолго, вспомнила о тайне, окружающей их любовь. Девушка говорила:

– Кохи совсем чуть не умер. И вдруг просто ни с того ни с сего пошёл на поправку. Все доктора удивлялись, все приходили смотреть. Чикикука всё вокруг увивалась – и Кохи стал выздоравливать! Честное слово! Очень быстро! Никто такого не ждал и не думал. О, Миче! Будь счастлив, Миче, да благословит Эя твою семью!

– Это понадобится, – пробормотал я. – Только я тут ни при чём. Это всё Чикикука.

Петрик и Мадина бросали друг на друга такие взгляды, что я сказал:

– Ну, я пойду, подожду там. Догоняй.

Я ждал не очень долго, но меня всего трясло от переживаний. Наконец явился мой дорогой дружок.

– Ты понял? – проговорил он. – О мести даже речи не идёт. Все они готовы на тебя молиться. А Кохи сейчас тем более не до ерунды.

Мы побрели по улицам вверх. Уже была полночь, наверное.

– Миче, – начал Петрик, неправильно истолковавший моё молчание, – ты ведёшь себя так, как будто знал... знаешь... ну...

– Что ты целуешься с Мадинкой? – усмехнулся я. – Да, знал.

– Ох, Миче! – и он ухватил меня за локоть, остановив и развернув к себе. – Ты, наверное, обижен? Я не рассказывал тебе. Я не говорил раньше никому, но как я мог? Пожалуйста, не обижайся. Теперь, наверное, можно рассказать. Да? Можно?

– Можно, можно, – подбодрил я.

Мой родной дружок был несчастен, моё сердце плакало от жалости к нему. Он действительно молчал много лет, я был первым, кому он рассказал о своей любви. Его словно прорвало. Он говорил горячо, он так сильно сжал мою руку, что остались синяки.

– Я не хотел. Но так получилось. Мы ещё в детстве почувствовали друг к другу симпатию. И сначала даже не таились особо, просто не хотели, чтобы дошло до родителей. Плохо понимали эти проблемы. Разногласия. Родовые. Семейные. Всё так сложно! Потом стали понимать, что нам действительно нельзя любить друг друга. Договорились, что попытаемся разлюбить. Она после школы специально училась в другом городе. Ты знаешь, я встречался с девушками, только ничего не получается. Мадинку люблю. Все эти встречи – для отвода глаз. И вот она вернулась домой, и мне уже надо на что-то решиться, но на что? Понимаешь, беда какая: она – Корк, а я вот, стало быть, Тихо.

– Да уж. Беда.

– Если я откроюсь родителям, тут два варианта. Они или взбеленятся и отправят меня прочь из Някки, или затеют переговоры и сватовство. Тогда взбеленятся Корки и быстро выдадут Мадинку замуж за другого. И уж поверь: они так её любят, что постараются найти дочке самого старого, злобного, вонючего уроды из всех возможных. Они и так могут это сделать в любую минуту. А я твержу ей, что вот-вот найду выход, что всё хорошо будет. Получается, что обманываю человека! Не может быть, чтобы всё хорошо было. Не для меня.

И это говорил Петрик, оголтелый оптимист!

Мне всегда казалось, что Петрик – хозяин любой ситуации, но видимо многолетнее молчание и необходимость что-то сделать как можно скорее прорвали плотину его долготерпения. Попросту говоря, нервы сдали, ведь он не видит выхода. Не может человек вечно держать себя в руках.

– Почему не может быть для тебя? – спросил я.

– О, Миче, разве Эя или Радо могут покровительствовать лгунам? Пусть я не по своей воле...

– Чудилка, мы придумаем что-нибудь.

– И ты туда же! Ты просто не знаешь. Просто не знаешь, что я обманываю не только Мадинку, но и другого... других дорогих мне людей. И тут уж точно придумать ничего нельзя. Я лгун.

– Не говоришь родителям о Мадинке? Может, всё же сказать, раз они нормальные люди? Пусть взбеленятся сначала, но потом помогут.

– Кажется мне, что они догадываются.

– Вот видишь!

– Почему тогда сами не поговорят со мной?

– Может думают, это у тебя пройдёт. Намекни им хотя бы, чтоб узнать их мнение.

– Нет. Не знаю. Не могу я, Миче. И, пожалуйста, запомни, что я лгун не по своей воле.

– Не путай меня. Никто не знает о твоей любви. Никто не заставляет тебя лгать родителям. Возьми и скажи – и Эя и Радо будут на твоей стороне. Или ты о чём? Молчать – это не значит лгать. Мы не обязаны отчитываться, даже перед самыми близкими, за каждое действие и за каждую мысль. Никто не обязан пускать их в свой внутренний мир до самых дальних закоулков. Иначе это не мир, а мощёная площадь, на которой ни единого укрытия для тебя. Как жить на пустом пространстве? Это написано в Книге Радо. Ты не лгун, Петрик, ты просто спрятался в укрытии. Всё будет хорошо. Знаешь что? Приходи, я погадаю. Цены умеренные.

Конечно, я не смеялся над ним. Я расписывался в своём бессилии. Чем тут можешь? Наверное, только сочувствием. Кто знает, какие на самом деле у Чудилки отношения с его родными?

И, потом, как это ему столько лет удавалось скрывать свои чувства и отношения с дочерью Корков? Ото всех скрывать, от меня! Ну и самообладание! Вот так конспирация!

– Ладно, – сказал Петрик. – Может, ты прав. Ты всегда прав. Может, сказать родителям – это единственный выход. Я подумаю. Ещё поговорим об этом. Спасибо, что выслушал. А сейчас надо что-то предпринять по поводу злыдня Кар-Кара.

Он отпустил мой локоть, провёл рукой по лицу, и снова стал обычным Чудилушкой, словно надел другую маску.

– Куда ты направился? – спросил он, завершая разговор о своей любви.

– К тебе.

– Да нет же. Мы идём во дворец.

– Как это идём? – испугался я. – Как это, во дворец?

– Тебя же приглашали, – хитро прищурился Петрик. – Молчи и топай за мной.

И вот вопрос: правильно ли мы поступаем, собираясь просить помощи у короля? Но я согласился, ведь стоит раз проявить слабость – и Корки сядут мне на шею.

Я шёл вверх по притихшей, залитой светом Навины, Някке, полной журчанья и шелеста, свежести и запаха ночных цветов, и пения цикад, и думал о Корках, старых и молодых, о своих проблемах и о Чудилкиной любви. И вдруг мне стало ясно, что под обманутыми им «дорогими людьми» Петрик понимает не родителей вовсе. Я сам поставил ему на вид, что он просто молчит, но не лжёт. Он сейчас дал мне понять, что обманывает МЕНЯ, и дело вовсе не в его отношениях с Мадинкой. И попросил запомнить, что не по своей воле. И так его это гнетёт, что он уверен в немилости Эи, в том, что она откажет ему в счастье за это. Странно.

– Петрик, – позвал я. – Если ты обманываешь в чём-то меня, не переживай. Я не стану обижаться. Значит, так нужно, я прав? Эя и Радо не оставят тебя. Я запомнил, что это не по твоей воле.

Мой друг приостановился на миг. И склонил голову, соглашаясь, что я всё правильно услышал и понял. И мы пошли дальше.

А цикады так пели среди ночи, что я сказал им мысленно:

«Всё-таки непременно должно быть всё хорошо. И у Петрика тоже, раз в мире такая красота!»

– Обязательно, – обернувшись ко мне, уверенно произнёс Петрик.

Эх, надо отвыкать от привычки высказываться вслух, когда задумаюсь.

*

– Петрик Тихо, – назвался мой друг, ещё только подходя к воротам дворца – и нас пропустили без звука. Теперь я не так робел, как в прошлый раз. Разглядывал красивую резьбу и ковку, картины и гобелены. Вот смотрите, предки нашего монарха были весёлыми людьми. Они улыбались от души, и я улыбнулся тоже. Я догнал Чудилу на площадке темноватой ночью лестницы.

– Слушай, Петрик, это что за сюжет?

– Где?

– Вот, на этой тряпочке.

Он засмеялся:

– Это очень, очень старый гобелен. Доисторических времён. Поэтому он в витрине за стеклом. Еон, предок нашего короля, тот, что первый из Охти правил Няккой, встречает свою будущую супругу. Она ожидала конца битвы в крепости неподалёку. Не уехала, спасаясь от врагов, а приехала к жениху в трудный час. Красивая женщина, да? Лапочка.

При свете Навины, глядящей в окно, мы рассматривали экспонат. Лицо будущей королевы было здорово подпорчено временем и даже чем-то фиолетовым, на голове – диадема и странная нашлёпка, наверное, вуаль, кисти рук походили на разводы или кляксы – поди тут пойми, хороша женщина или чуть красивей каракатицы. Королевский же предок почти не пострадал. Эти особенные брови вразлёт, тонкие черты лица... Но кисти его рук, особенно левая, были испорчены ещё хуже, чем у его невесты.

– Это дети порезвились, какие-то доисторические королевичи. Раскрасили чернилами руки. Чего ты замер, Миче?

– Подожди. Ведь гобелен – это ткачество. Это не рисунок. А это вот – просто чернила. Может, можно отстирать? С мылом?

– Нет. Испортится. Древние вещи нельзя стирать в корыте. А потом, зачем?

– Смотри. Король стоит в такой позе...

– Что удивительного? – не понимал Петрик. – Он хочет обнять свою королеву.

– А ты ведь помнишь, – не отцеплялся я, – в анчутских пещерах рельефы...

– В таком желтоватом зале с дырками для солнца? Да, я видел рельефы.

– А видел Очень Злого Шамана?

– Анчутка, там на каждом рельефе по десять шаманов. Откуда мне знать, который злее.

А что?

– Сам не знаю, – понурился я. – Очень Злой Шаман стоит также и ещё... Сам не знаю.

– Пошли, философ, – Чудила со смехом потащил меня дальше.

– Ты кто, Петрик? – спросил я.

– Самый злой шаман, – сознался приятель.

– Нет, я в том смысле, почему ты имеешь право вламываться ночью во дворец с проблемами своих друзей?

– Потому что я имею право, – пожал плечами Петрик и втолкнул меня в явно женскую комнату, забитую пальцами, клубочками, корзиночками, беспорядочно валяющимися книжками и мягкими игрушками.

– Чегой-то? – фыркнул я.

– Сиди и жди.

Я сел и стал ждать. И вот, пропустив вперёд свою королеву, в комнату вошёл наш король. Оба они позёвывали, оба были в халатах и тапочках, а у королевы вместо замысловатой причёски была просто коса. Следом прокрался Петрик.

– Вот он, Миче, – указал на меня мой дружок. – Корки обещали что-нибудь сделать с его семьёй, если он не добьётся освобождения Кар-Кара.

– Но, Миче, мой мальчик, старший паршивец едва не убил собственного сына, – королева протянула руку и коснулась моих, коротких ещё, волос.

– Собственного сына едва не убил, – зевнув, подтвердил король.

– Но ваше величество, – возразил я, – если он не выйдет из тюрьмы в течение двух недель, они подожгут мой дом. – (Тьфу, опять я о том же). – Они не хотят суда над чёртовым сыноубийцей. Они хотят, чтобы я сказал, будто это я побил Кохи, если не придумаю, как по-другому вызволить его папочку. Они устроили так, что мой очень младший брат упал и сломал руку, и весь в синяках.

– Чушь какая, – сказал король, зевая. – Ничего глупее не придумаешь. Ладно бы всё наедине, шито-крыто, но так... Слуги, дети, прохожие, доктора, кто там ещё? Да полно свидетелей!

– Вот именно, свидетелей полно! – кивнула королева.

– И со всем этим разбираться мне! Я должен взять вину за избиение Кохи на себя. Меня пытались запугать, устроив падение Рики с дороги в нижний двор. Дескать, в другой раз что-то посерьёзней будет. Рики – это мой очень младший брат. Что мне делать? Я не смогу уговорить такую прорву народа давать ложные показания, позориться на весь город тоже не хочу, – вскричал я. – Ваши величества! Пусть не будет суда. Просто выпустите злыдня, пожалуйста!

– Мы бы засадили эту дрянь в тюрьму очень надолго или отправили бы на каторгу, – мечтательно произнесла королева. – Но да. Жаль, что ты не хочешь. Стольких людей ты не уговоришь. Но, Миче, слухи всё равно уже гуляют по городу.

– Ну да. Гуляют, – согласился король.

– Да! И правильно! И очень хорошо! И все говорят: Кар-Кар избил сына. Вот и пусть говорят. А если виноватым выставят меня, а Кохи когда-нибудь потом заговорит о том, как оно всё было, и кто по правде его избил, милые родичи и его откуда-нибудь сбросят. Если я возьму вину на себя, придётся судить меня – разве это справедливо?

– Решено, – хлопнул в ладоши король. – Сколько у нас времени? Две недели? Пусть Кырл хоть это время проведёт в тюрьме. Дней через двенадцать-тринадцать мы его выпустим. Придумаем причину какую-нибудь. Ты доволен, сынок?

– Сынок, ты доволен? – улыбнулась королева.

Я оглянулся. Кого это тут называют сынком? Не заметив в этой стороне никого, кроме себя, я ответил:

– Доволен, ваши величества. Можно мне идти домой?

– А заночевать? – всполошилась королева. – Хочешь, останься здесь, поздно уже.

– Останься, Миче, – предложил король.

– Ой, нет, нет! – затрепыхался я. – Нет, мне надо быть дома. Я боюсь, что кто-нибудь что-нибудь сделает с Рики, мамой или папой. Правда, я дал папе саблю и ружьё, а ещё – топор, лом, железку и жгучий перец, но, боюсь, он не проникся и заснёт.

Трое моих собеседников переглянулись. Чудила, хихикнув, спросил:

– Что ты дал папе? Лом и железку?

Король и королева вздохнули и сокрушённо покачали головами:

– Кого ты боишься, Миче?

– Не знаю. Тех же Корков. Пиратов. Да мало ли кого. Вон, вчера я не дал убить волка, так мне пригрозили, что аукнется.

– Сегодня ты ночуешь здесь, – твёрдо сказал король. – Ступай в комнату Петрика и выспись. Нечего по улицам болтаться ночью. Если боишься, веди себя соответственно.

– Вот именно, соответственно, – поддержала королева.

– Но я не того боюсь, ваше величество! Мне бы домой...

– Спокойной ночи.

Король похлопал нас с Чудилой по плечам, королева поцеловала обоих. Они вышли, а Петрик поволок меня к себе.

– Они всегда так забавно говорят? – полюбопытствовал я шёпотом и оглянувшись.

– Ты тоже заметил? – обрадовался Чудилка. – Они как один человек. Очень любят друг друга.

– Твоя комната? Во дворце? Ты кто? Королевич?

– Ага. Точно, – со смехом подтвердил мой дружок.

– Нет, скажи правду, – потребовал я.

– Говорю. Растопырь уши. Я тот, кто, в числе прочего, собирает для наших монархов сплетни, поскольку сами они не могут носиться по рынку и трепаться на лавочке. Меня ценят, потому что я умный и обаятельный. И любят, потому что мои родители – друзья короля с королевой. Я в небольшом родстве с Далимом, а он в небольшом родстве с ними. Улавливаешь? Меня здесь знают с детства, вот и все дела.

– Отчего же ты вечно с нами, а не здесь? По долгу службы? Собирая сплетни?

Чудила поглядел на меня долгим укоризненным взглядом.

– Не обижай меня, Миче, ладно?

Я опустил глаза.

– Не буду. Прости.

*

Утром солнце ворвалось сквозь полузакрытые шторы.

– Петрик, вставай.

Никакого ответа. Мой дружок спал себе спокойно, и, наверное, ему снилась Мадина. Выражение его лица было точь-в-точь, как тогда, когда он её увидел. Как наш Чудила работает в тайной полиции? Вот честно, не понимаю.

– Чудик, подъём, мне домой надо.

– Ни свет, ни заря... – пробормотал он и отвернулся. И вдруг вскочил: – Проспали? Да? Уже на работу?

– Да-да.

– Встаю.

Его комната во дворце мало чем отличалась от той, которую он снимал в городе. Разве чуть больше интересных безделушек, книг и картин. А так – те же песочные тона и никаких особых вывертов в обстановке.

– Петрик, это кто?

– Где?

– Вот, на картине.

– Это – Красивая Горная Женщина.

– А! Сказочный сюжет. Красивых Горных Женщин не бывает.

– Повесь картину на место, она доисторическая, – рассердился Чудила. Я рассмеялся:

– Точно. Всё-то у тебя сказочное и доисторическое. Что делает эта колдунья?

– Читает то, что написано на камне. Такие, как она, умеют говорить с камнями особого сорта.

– Я тоже умею. С Чикикукой. С красной полусферой, в честь которой мы нашу зверушку назвали. Только у меня получалось по-другому.

Женщина на картине протянула руки к красноватой глыбе. От ладоней её к камню летело нечто вроде сероватого пламени, а на гладкой поверхности проявлялись фрагменты букв. Такие люди раньше жили среди анчу, но отличались от нас нормальным внешним видом, более высоким ростом и волосами необычного цвета. Считалось, что они и их мужчины не принадлежали нашему миру, а свободно приходили откуда-то и уходили, когда хотели. Вреда от них не было никакого. Они просто жили, где нравилось, часто даже на отшибе, заводили семьи, а некоторые занимались особым видом прорицания. Но когда анчу предпочли жить в городах среди прочих людей, Красивый Горный Народ в основном остался в горах и пещерах. Это вам не анчу – их почитали, к ним приходили за советом. Но почему-то их становилось всё меньше, и теперь считается, что всё, что я вам рассказал, просто легенда. Никто из моих современников не видел никого, кто причислял бы себя к этому народу. А я думаю вот что: если Красивые Горные Люди и вправду существовали, их потомки вслед за анчу, спустились всё-таки в долины и затерялись среди местного населения. Возможно, они утратили способность болтать с камнями, возможно, теперь уже не существует двери в их мир.

– Петрик, – позвал я, – раз мне удалось поговорить с камнем Чикикукой, может, я немного в родстве с теми людьми?

– Знаешь, – улыбнулся он, оторвавшись от созерцания себя в зеркале, – а может, так и есть. Но только что ты сказал, что того народа не существовало, и будто бы это сказка.

– Ну, а ты, Чудилка, видел при входе красную полусферу? Ты трогал её рукой?

– По-моему, это очевидно. Как иначе я смог бы так быстро отыскать Лалу Паг? Камень дал чёткие указания, выдал схему, и я понёсся. Зверушки Чикикуки не заметил, но какие-то животные явно бегали и шуршали то тут, то там.

Я обиделся:

– Вот как? А нам не сказал об этом.

– Хотел сказать. Но ты в этот момент решил испытать на мне новое заклятие Немоты. Кто тебя просил? Я говорил: не испытывай на мне ничего без предупреждения. Но ты опять за своё. И я забыл рассказать про камень от возмущения.

Я захихикал:

– Да, ты здорово ругался. Пришлось снова применить чары. Но я же тебе объяснил, что не смог удержаться. Нашёл новую формулу, а тут как раз ты. Искушения не сумел побороть.

– Вот про камень и не узнал, – подвёл итог Чудила. И вздохнул: – Очень неудобно жить на два дома. Думал надеть сегодня один костюм, приходится идти в другом.

– И накладно, Петрик. Что ты чудишь? Жил бы здесь.

– А вы будете приходить в гости?

– Если вся эта стража нас пропустит...

Чудила засмеялся:

– Не сомневайся, пропустит. Я лично распоряжусь.

– Ну, раз так, то придём.

– Ну, раз так, то я обдумаю этот вариант. Давай-ка, Миче, перекусим – и бегом по делам.

Я был не прочь перекусить. А бежать мне надо было не меньше, чем Чудиле, и так я вчера пробездельничал целый день.

Мы по-быстрому позавтракали в компании короля и королевы. Нам с Петриком не сиделось на месте, мы спешили, а они нас не задерживали. Что-то у них было не то. У королевы были красные глаза, будто она плакала. Грустной она была. Король, наверное, тоже, хотя и старался казаться весёлым и поддерживать непринуждённую беседу. Иногда, взглянув на свою королеву, он потом бросал сердитый взгляд на Чудилу, а тот опускал глаза и делал вид, что ни при чём. Хотя, если подумать, чем он успел их так расстроить за те часы, пока спал? Разговор сводился к одному: ко мне. Как я живу, что мне интересно, приду ли я на ежегодный бал в честь купеческого сословия?

– Видишь, Миче, из-за этой пиратской истории мы не поехали за город, поэтому бал будет прямо здесь, во дворце.

– Приду. Ещё ни одного бала не пропустил с тех пор, как подрос, – смеясь, ответил я. – Жалко, конечно, что в городе. Ваша загородная резиденция гораздо красивее, – ляпнул глупый Миче и прикусил язык. Но король с королевой пропустили мою бестактность мимо ушей.

– Это оттого, мой мальчик, что она гораздо современной, а этот дворец, как говорит Петрик, доисторический, – ухмыльнулся король.

– Точно, доисторический, – невесело улыбнулась его жена. – Ты на бал только Рики не приводи, а в другое время пускай приходит с тобой.

Потому она так сказала, что помнила, что я таскаю очень младшего брата за собой повсюду, и даже в пещеры анчу.

– С кем же он будет танцевать? С собственной мамой? – развеселились мы с Чудилой. Бал – это бал, а не детский праздник. На нём все взрослые. Ната, например...

Я набрался окаянства и решил, что имею право тоже задать вопрос. Я спросил:

– Ваше величество, говорят, в юности вы дружили с моим папой. Вы поссорились и больше не дружите?

Наш монарх, потрясённый моей наглостью, подавился и закашлялся и чуть не проглотил ложку. Королева постучала его по спине.

– Кто сказал? – выдавил из себя король и, сдвинув брови, взглянул на Чудилу.

Королева тоже взглянула, сдвинув брови.

– Это не он, – быстро вставил я.

– Я спрашиваю, кто сказал, что мы в ссоре? Миче, плюнь тому человеку на плешь.

Слыхали? А ваши короли выражаются также? Он продолжал:

– Мы, сынок, знали друг друга с детства. Вместе учились. Вот как вы сейчас. Учились и дружили. Я, моя будущая супруга, – он чмокнул её в макушку, а мне показалось, что она расплечется, – твой папа, Миче, и твоя мама. Отец твоего друга Лёки тоже учился с нами. Мы были очень близки, мы встречались бы и сейчас, но... Так уж получилось... Так сложились обстоятельства, что дальше такой тесной дружбы не получилось. Но мы сохраняем хорошие отношения и при случае рады поболтать.

Как-то это странно. Может, дело в том, что теперь бывшего Котофея называют «ваше величество», и он стесняется дружбы с анчу, чей старший сын бегаёт босиком по саду и на рыбалку с городской ребятнёй?

Грустно улыбнувшись, королева покачала головой:

– Дело не в том, что наше положение изменилось. Просто бывает так, что расходятся дороги. Может, и ваши с Петриком потом разойдутся. Это нормально. Это жизнь.

Мы с Чудилой глянули друг на друга. Это ненормально. Мы упрямо помотали головами. Наши дороги ни за что не разойдутся.

– Ой! Время! – вскричал Петрик. – Бегом! Скорей!

И мы побежали, провожаемые добрыми напутствиями хозяев дворца.

Глава 5. Душевная болезнь

– Ты куда? – крикнул я на бегу.

– Вниз. Хорошо тебе, Миче, работаешь на себя.

– Дисциплина всё равно должна быть, – выдал я прописную истину. – Люди, не соблюдающие дисциплину, разоряются. Но у меня ещё есть час.

– Хочешь к Натe? Дерзай. Но смотри, чтобы она не зашибла тебя цветочным горшком. А то наши дороги разойдутся прямо сегодня. Уф-ф! Я ещё со вчерашнего дня не отдышался.

– Чего ради бежим? Можно же ехать.

– Точно. Можно. Бегать – это уже привычка. Очень дурная.

Чудила хотел нанять извозчика на маленькой площади, что была прямо перед нами, а я собрался свернуть и идти к Натe. Между тем мы видели, что на улицах какое-то странное оживление.

– Народ кучкуется, – сообщил Чудила. – Может, праздник какой, а мы забыли?

– Нет, праздника вроде нет, – подумав, ответил я.

Народу становилось всё больше, а маленькая площадь оказалась просто забита людьми.

– Ладно, я побежал, – махнул я рукой, но тут меня окликнули:

– Ну что, Миче, доволен?

– Чем? – не понял я. Меня обступили знакомые и незнакомые люди. В одних глазах было любопытство, в других – гнев, в третьих – радость. – Что такое? – потребовал я ответа.

– Миче не знает, – сквозь зубы прорычал Нок, сын Крука Корка. Он еле сдерживался, чтобы меня не ударить. – Смотрите, он не знает, прикидывается овечкой. По твоему доносу арестовали отца.

– Зачем? – не понял я. – За что?

– К тебе пришли, как к нормальному, а что сделал ты?

– Что?

– Доносчик! – прошипел он мне в ухо. – Паршивый фискал.

– Я не понял, – прорвался к нам сквозь толпу Чудила. – Твой отец тоже кого-нибудь избил?

Я решил, что Нок сейчас бросится и придушит Чудилу за эти слова. Знакомый пекарь с Песочной улицы крикнул издалека:

– Так ведь, Петрик, ночью арестовали чуть ли не всех Корков и Коркиных приспешников. Не знал, что ли?

Мы с Петриком замерли, удивлённо вытаращившись друг на друга. Нас просветили: этой ночью произошло вот это самое.

– Тебя вызовут в суд, и будешь давать показания, – шепнул Чудила. – Показания против Корков. Мало тебе пиратов. Тогда уж знай, что твой папа не неудачно упал, а неудачно попался тому же Круку, когда тот в своей золочёной таратайке катил по вашей улице.

– Что? Что?! – вскричал я, готовый в этот миг растерзать и чёртова Крука и всех Корков. Ноку просто повезло, что он исчез из поля моего зрения. – Но Петрик, – пожаловался я, – нас обманули! Король обманул нас! Он не выпустит Кар-Кара. Вместо этого он арестовал его шайку.

– Может, это и к лучшему, да, может к лучшему, Миче. Хотя ведь так нельзя! Нам обещали!

– Дело не в этом, Чудик, – зашептал я ему в ухо. – Корки ничего такого не сделали, чтобы их арестовать прямо всех ни с того ни с сего. Никто, никто не знает, кто украл амулет Сароссе и пригласил к нам пиратский флот. Мы ведь не проболтались. Тогда что? Из-за чего? Те, кто остался, будут мстить.

– Миче!

– Да, бедный Миче! Я и так боюсь пиратской мести, а ещё Корки. Нельзя было так поступать! Слышишь, что кричат? Только и слышно моё имя. Это всё из-за меня! Это я виноват! Просил помощи – и на тебе! Бежим обратно! У меня семья, Петрик, я боюсь за неё!

– Но я же работаю! – сделал трагическое лицо Чудила. – Давай вечером.

– Нет! Вечером придут с факелами и сожгут мой дом. Будут смута, бунт и ужасная резня. А кто виноват? Миче.

Я развернулся и сразу же налетел на Нату. Она стояла в простом платье с удочкой на плече и ведром в руке, бледная, с широко распахнутыми глазами. Она слышала, что я тут выкрикивал в невменяемом состоянии.

– Ты! – задыхаясь от злости, прокричала она. – Вы!!! Это сделали вы! Миче, это переходит все границы. Я не думала, что ты трус, но ты – трус, и от трусости творишь такие вещи! Ты что наговорил? Ты куда ходил? Ты что сделал?

– Ната, тише, – попросил Петрик.

– Ната, всё не так! – вякнул я.

– Да все говорят, что Корки приходили к тебе, поговорить о Кар-Каре, а ты...

– Что, Ната? Что он мог такого сделать, что сказать, чтобы арестовали всю эту банду? Может быть, где-то там, наверху, раскрыли заговор – вот негодяев и посадили в тюрьму? Кто такой Миче Аги? Может, просто один из свидетелей?

Ната могла бы долго надрываться, но от слов Чудилы притихла.

– Заговор? – ахнула она.

– Ещё один? – не сдержался я.

– Что удивительного? Где Корки – там и заговор. Они всегда рвутся к трону. Не порите горячку. Марш по домам. Я всё узнаю и вечером скажу.

– Но Петрик! Вечером! – я умоляюще сложил ладони.

– Попробую раньше. Ната...

Она развернулась и скрылась в толпе. Я так и не помирился с ней. Где уж тут мириться! Чудила вытолкнул меня на улицу, ведущую к моему дому:

– Иди, сиди тихо и жди меня.

– Нет! – я вцепился в него. – Петрик, не уходи! Я умру от стыда. И мне страшно. Я знаю. Большая утрата – вот чего я боюсь. Она уже стоит на моём пути. Петрик, сделай что-нибудь, чтобы их выпустили всех. Петрик, так нечестно, мы ведь не просили об этом. О, если бы всё вернуть в начало! Если бы все всё забыли!

Чудила немного потряс меня за плечи.

– Приди в себя, Миче. Мы всё сделали правильно, всё, что смогли. Не наша вина, что всё опять не так. Не показывай свою слабость. Не говори о своём страхе. Только со мной говори. А то всё будет хуже. Веди себя как обычно. Не клади папе под подушку топор, иначе тебя отправят в сумасшедший дом. Ты понял? Я пойду на разведку. А с Натой мы помиримся потом.

Говоря так, Петрик меня потряхивал и постукивал о чужой забор. Я не мог успокоиться. Я прохрипел:

– Заговор? Ты говорил о заговоре... О новом заговоре, не о том, пиратском...

– Ну да. Был заговор. Потихоньку готовились его предотвратить. Когда Кар-Кар понял, что не дожждётся своих пиратских приятелей, он начал готовить что-то ещё – и это, наконец, не прошло незамеченным. Заметили, когда я был в море. Может, это был такой запасной вариант на случай провала.

– Но я не средство!

– Конечно, нет. Ты подожди, ладно. Я приду и всё тебе расскажу. Может, случилось то, чего мы не знаем.

– Ладно, – наконец уговорился я.

– Только не показывай, что боишься.

Петрик подозвал возницу.

– Езжай. Помни, что я сказал.

– Нет, ну видали? – взвыл женский голос из-за забора. – А чё ж это дееется? Уж дерутся прям тут! Караул!

Караул тотчас явился.

– Дерётесь? – спросил командир у нас с Чудилой. – Беспорядки на вверенной территории?

– Нет, – отказались мы.

Распахнулась калитка, выскочила бабка.

– Как нет? Вот ентот бил того, белого. Аж головой об забор стучал.

– Тьфу ты! – ругнулся Чудила и выпустил меня.

– Вы ехать будете? – возник возница.

Караул, однако, проявил служебное рвение.

– Кто это ехать? Писать протокол.

– Да, просто кол! Во как дрались, аж кол свернули, – надрывалась глуховатая бабка. – Кол, чтоб козу привязывать.

– Миче, езжай, я разберусь.

– Это я разберусь. Идите за мной, – приказал командир. Я попытался его вразумить:

– Меня никто не бил.

– Да, мне сын врыл. Врыл кол для козы. Хороший прочный кол.

Глухая глупая бабка!

– Эй, кто едет, садися, – голосил возница.

– Никто не едет, – хором заявил караул. Петрик подтолкнул меня:

– Миче, садись – и вперёд. Что стоишь? – он полез в карман за служебным удостоверением.

Возницу очень радовал замечательный скандал, он покрикивал весело:

– Али уже всех в тюрьму загребли и ехать не будем?

– И граблями гребли, и лопатой копали, на то он и газон, а они – драться.

Бесполезно доказывать старухе:

– Мы не дерёмся, а беседуем.

– Женщина говорит, вы били господина анчу головой о забор, – повернулся к Петрику командир.

– Служебная необходимость, – ляпнул Чудила, раскрыв удостоверение.

– Не он меня, а я его, – рывкнул я, придя, наконец, в себя. – Всё, пока, Чудик, я поехал.

– Пока, Миче.

– Эй, куда?

Возница взмахнул кнутом и – раз! – мы уже за поворотом.

– Оно и правильно, – обернувшись, прокричал дядька. – Мало народу пересажали, ещё им подай. А ты что, тот самый Миче?

Ну, вот опять!

– Никакой не тот самый, – вздохнул я и отвернулся.

*

Возле моих ворот стоял экипаж доктора Шу, отца моего приятеля, которого мы дразнили Шу-Шу и Шушик, чтобы отличать от родителя. Вроде как Шу номер два.

Моей первой мыслью было где-нибудь спрятаться, а второй – что ведь всё равно найдут, а у меня пропадёт рабочий день. Третья мысль была такой: надо побыстрее всех спровадить, прикинувшись хорошим и послушным, и заняться своими делами. Чудила прав: иногда лицемерие – это хорошо.

– Доброе утро, – произнёс я кротко, входя в столовую, где моё семейство и доктор Шу сидели за завтраком. Рики, бросив ложку, выскочил из-за стола, чтобы обняться.

– Доброе утро, сынок, – расширив глаза, прошептала мама. – Ты как себя чувствуешь?

– Прекрасно!, – бодро заявил я и тоже сел к столу.

– Как Ната? – таким же убитым голосом спросил отец.

– Чудесно! – улыбнулся я во весь рот. – С утра уже порыбачила.

– Ты был у Наты или... где? – осторожно поинтересовалась мама. Дядя Шу был более решителен.

– Какого чёрта ты это устроил, Миче? – спросил он. – Что ты такого сообщил о Корках, что их так резко арестовали?

– Я? С чего вы взяли, что сообщил я? Кто угодно мог сообщить. Говорят, будто у них был заговор. Я сам об аресте только сегодня услышал.

– Твой приятель Воки сказал нам, что вчера ночью тебя видели вместе с Чудилой, входящим в ворота двора.

Ладно, хорошо. Я рассказал им, в чём дело и добавил, что если был заговор, то ничего страшного, что Корков арестовали. Сам же я всего лишь просил выпустить негодяя Кар-Кара, потому что они угрожали расправой с моей семьёй. Я не знал, что делать, обратился к Чудиле, который вхож во дворец, куда он меня и отвёл. Я беседовал с королём, и тот обещал выполнить мою просьбу, то есть отпустить злобного Корка, чтобы у меня не было проблем...

– В полночь беседовал с королём?

Так уж получилось. Утром король даже ничего не сказал нам с Чудилой. Об аресте Коркиной банды мы узнали в городе только что. Петрик предположил, что это из-за заговора.

– Вообще-то поделом им, – разошёлся я. – Па, почему ты не сказал, что не просто упал, а что виноваты Корки?

Он отвёл глаза:

– Да уж, тебе, пожалуй, скажешь. Ладно, если надо прийти в суд, мы придём. Но, Миче, я не понял твоего поведения ночью.

– А что ночью?

– Ты всю комнату завалил колюще-режущими предметами, всяким металлоломом, и устави́л вёдрами с водой.

– Миче боится мести пиратов, – чирикнул Рики.

– Пиратов, Корков... Миче боится всего на свете, – начал закипать отец.

– Поэтому ты, Рики, ночевать будешь дома, – строго сказала мама.

– Нет! – возмутились и он, и я.

– Да. У ребёнка сломана рука, и ему нужен уход.

– Я могу ухаживать за Рики.

– Чего за мной ухаживать-то?

– Послушай, Миче, Рики всё-таки наш сын, а не твой.

Я вам передать не могу, как меня всегда огорчали эти слова!

– Да, – сказал я, опустив голову. – Только помимо ухода, Рики нужна защита.

– По-твоему, твои родители, Миче, не сумеют защитить своего младшего сына? – влез доктор Шу.

– Нет. То есть да, – сознался я. – Не сумеют.

– Хочу остаться с Миче, вы обещали, – захныкал мой братец.

– Сынок, Миче болен, ему самому нужен уход, – наконец-то высказал свою точку зрения дядя Шу.

– Отлично. Я буду ухаживать за Миче, – тотчас вызвалось моё сокровище.

– Рики, ты должен жить с мамой и папой.

– Нет, с Миче.

– Чем это я по-вашему болен, дядя Шу? – поинтересовался я. – Мне прописали микстуры, я уже чувствую себя хорошо, жара нет. Не надо было посылать меня навещать дядю Туму. Добром это кончиться не могло. Он и здоровый-то опасен, а уж когда чихает...

Доктор замаялся, но, в конце концов, выдал:

– Видишь ли, сынок, бывают такие болезни, незаразные...

– Да, душевные.

– Но Миче, ты знаешь эту свою особенность с детства... А с возрастом всё усугубляется... И когда мне показали всё то, что ты натащил ночью в спальню... И мы старались тебе потакать, и не разлучать с Рики, и не волновать тебя, и делать вид, будто верим, что есть какая-то опасность, и успокаивать тебя...

– Делать вид? – вскричал я, выйдя из себя от таких слов. – А Корки, приходящие ночью с угрозами, это не опасность?

– Но, Миче...

– Если Рики будет жить дома, я тоже вернусь домой, – заявил я.

– Слыхали? Ни у кого нет такого брата, как у меня, – с гордостью произнёс Рики.

– Прекрасно! – обрадовались родители. – Живи с нами, а этот дом мы выгодно сдадим.

– Нет, – сказал Шу, – живи тут. Ты должен высыпаться, а когда рядом Рики, ты, как я слышал, не спишь по ночам. Должен привыкать жить самостоятельно. А то ведь, слышал я, ты таскал ребёнка с собой даже в анчутские пещеры, а это небезопасно. И ты там стукнулся головой, а это не идёт на пользу, когда человек болен... душевно.

– И что? – спросил я о дальнейших планах этой троицы. Шу меня просветил:

– Пусть Рики живёт дома. А ты живи здесь. Я выпишу тебе лекарства... Собственно, я их уже привёз с собой...

– А следующий этап – сумасшедший дом? – любопытствовал я, уязвлённый до глубины души. Шу высказался честно и определённо:

– Не только это, Миче. Ещё и лишение права консультировать людей. Такое поведение не может пойти людям на пользу.

– До этих пор оно никому не вредило, – проговорил я, пытаюсь держать себя в руках.

– Нет? Посмотри, сынок, что делается в городе.

– Но это не я сделал!

– Но повторяют твоё имя. Миче, твой страх становится опасным для всех. Может, ты набросишься с топором на клиента, если он слишком близко подойдёт к Рики.

Я развернулся и вышел из столовой.

Я поднялся к себе в спальню. Может быть, доктор прав, и Миче Аги сошёл с ума окончательно? Он – зерно раздора, он умудрился начать смуту в городе, боясь сделать именно это. Он – страшный человек, опасный для общества и семьи. Место Миче в сумасшедшем доме.

Я долго-долго стоял перед зеркалом в спальне. Настолько долго, что у меня занемели и стали тяжёлыми ноги, когда кто-то осторожно сдвинул меня с места и посадил на кровать.

– Петрик? Что, уже вечер?

– Ещё утро, – ответил Чудила. – Я отправил восвояси всех твоих взрослых, а Рики велел вытирать со стола. Я сказал, что ты будешь хорошим мальчиком, пусть отвяжутся.

– Я опасен для Рики, – пожаловался я.

– Враки. Я убедил всех, что нет. Довели ребёнка до слёз. Я поклялся, что ты будешь пить всю ерунду, что привёз Шу, и они уехали. Рики останется здесь.

Я уткнулся лицом Чудиле в грудь.

– Спасибо, Петрик.

– Пожалуйста. Не забывай три раза в день выливать на грядку по ложке микстуры. Выбери самый больной корнеплод.

– Что ты узнал?

– Король сделал ошибку, вот что. Он поторопился отдать приказ моему начальству – и Корков арестовали без существенных доказательств. Но теперь уже все твердят о заговоре, раскрытом тайной полицией. Нас с тобой это не должно касаться. Наш дорогой король выкрутится. Корков пожурят и отпустят, как его величество и обещал. Зная, что всем известно о заговоре, Корки притихнут. Боюсь, что перестанут цепляться к тебе, и твоя жизнь станет скучной. Успокойся, Миче. Я же сразу сказал: может, всё к лучшему.

– Успокоиться?

– Да. Может, тебя это утешит, но вместе с именем Миче склоняют имя Петрика Тихо. Но я не переживаю. Подумаешь!

– Что мне делать?

– Первое, – начал загибать пальцы Чудила, – приберись в спальне родителей. Топор положи себе под подушку, но никому об этом не говори. Второе: вспомни, что у тебя рабочий день.

– Я опасен для клиентов, – простонал я, но Петрик лишь хмыкнул:

– Не чуди, – сказал он. – На-ка, выпей горячего чаю – и бегом!

– Куда?

– Поднимать флаг, конечно.

Глава 6. Тот самый день?

Прошло чуть больше двух недель, и наступил последний летний месяц. Это по календарю. Но у нас же не север, и мы не грустим по этому поводу. Ещё долго-долго будет жарко, ещё осенью мы будем купаться в море, ещё налетят в наш город стаи северян, желающих про-

длить лето и прибавить работы докторам из Лечебницы наверху. Уже закричат перелётные птицы, пересекающие море в сторону родины Далима, а мы будем совершать пешие и конные прогулки в горы, жечь костры и бродить по полянам босиком. Наши женщины варят варенье – и над улицами стоит сладкий запах. Цветут цветы в садах – о, как они цветут! Жужжат и мешаются ошалевшие осы, бегают и верещат мальчишки, радуясь, что всё ещё каникулы, на рынках шумно и интересно. Как ярко море! Как далёк маленький парус, жёлтый парус Натаиной лодки!

Я уже закончил приём. Я сидел в собственной лодке, а рядышком – Рики и, кто бы вы думали? Лала Паг. Я выделил обоим по удочке, а сам не сводил глаз с далёкого знакомого паруса. Устроившись на лавке, Чикикука поглядывала то на меня, то на Натину лодку.

– Правь к ней, – сказал Рики. – В море Нате некуда будет деваться.

– Она меня разлюбила, – грустно вздохнул я. – Разлюбила, не хочет мириться. Ну и подлом мне. Я не стану приставать к Нате, нехорошо это. Наши дороги разошлись.

– Но так нечестно! – Рики взмахнул удочкой и заехал Лале в лоб. – Должна же она немножко тебя понимать.

– Если не понимает, зачем она вообще тебе нужна? – спросила Лала. – Полюби другую девушку.

– Мала ещё рассуждать, – пробормотал я и отвернулся. Дети притихли. Наконец Рики подал голос:

– Миче, а Миче, может, она жалеет, что поссорилась с тобой?

– Если женщина называет мужчину трусом, значит, потом уже не пожалеет.

– Она плохая, – разозлился мой братец и получил за это подзатыльник.

Да, вначале я делал попытки помириться с Натой, но она не хотела меня видеть, не хотела говорить со мной, я понял, что уже ничего не вернуть. Мне было плохо, но я решил, что переживу. Я никогда не женюсь. В конце концов, так лучше для Наты. Её не убьют за то, что она моя жена.

– Он плачет? – шёпотом спросила Лала.

– Не лезь к Миче, – тотчас встал в стойку Рики. – Смотри – у тебя клюёт.

Я дошёл до того, что перестал выливать на грядку пойло доктора Шу, и пил его сам. Я просто понял, что не выживу, умру от недосыпа, тоски и страха, который усиливался день ото дня. Я вечером ложился с ним в постель и утром, просыпаясь, смотрел в его глаза. Я понял, что действительно болен, что не имею права связывать свою жизнь с Натой и делать её несчастной. Я задумывался о том, чтобы закрыть своё дело и вернуться в магазин отца. Мне казалось, что мои гадательные принадлежности говорят неправду и перестали меня слушаться.

– Будет один тяжёлый, даже опасный момент, – рассказывал я пожилому рыбаку, – который надо пережить. Если вы переживёте его, тогда можете смело открывать таверну там, где наметили, дела пойдут хорошо.

– Видать, в бурю попаду, – понимающе кивал рыбак.

Молодому вельможе по имени Тони, который повадился забегать ко мне, и даже просто так, а не затем, чтобы погадать, я посоветовал:

– У вас есть такие дела, с которыми надо разобраться не медля. Бумаги? Да, бумаги. Что-то, касающееся семьи. Разберитесь прямо сейчас, а то может быть поздно. Смертельная опасность. Какое-то событие может нарушить планы. Любовь? Отложите её на время.

– Как это, отложить? – возмутился Тони и даже перестал рисовать Лалу Паг. На картинке было мало портретного сходства, зато сразу становилось ясно: девчоночка порядочный сорванец. Портрет Рики он уже нарисовал и выдал ему через окно.

– Как отложить, я не знаю. Но в один из ближайших дней она вас подведёт. Серьёзная опасность... Ну, да я говорил.

Очнувшись, сам же испугался того, что сказал. Я попросил молодого человека ничему не верить и не взял с него денег.

– Я болен, – оправдывался я. – Немного не в форме. Ещё чаю?

– У меня другое мнение, – пожал плечами клиент. – Миче Аги не ошибается. Значит, что-то случится. И вон ту булочку, пожалуйста. И давай уже перейдём на «ты».

Получалось так, что я нагнетал обстановку. Я не хотел этого, но пареньку, бывшему почтальону, открывшему на углу небольшую лавчонку строительных материалов, я посоветовал:

– Брось всё и уезжай, Филька, дружок. Иначе тебя ждёт опасность и утрата.

– Утрата чего? Какая утрата? – всполошился он. – Очень большая утрата?

– Не знаю, – вздохнул я. – Но меня она ожидает тоже.

Видя, что я закручинился, большой, рыжий, поразительно умный Филькин пёс принялся лизать мне руки и лицо. Красивый, ухоженный зверь, любимец нашей улицы.

В один из дней я взялся из любопытства погадать на Аню и Малька. Их роман развивался со страшной скоростью. Влюблённый Лёка то и дело выпадал из нашей компании, чтобы побыть с Аней. Она же ходила такая вся красивая, с распушившимися пепельными волосами, в ярких платьях, которые так шли ей, с яркой восторженной улыбкой и с сияющими глазами, которые смущённо опускала при виде меня. Ей было немного неудобно от того, что я знал её прежней.

Так вот. Увидев, что выпало Мальку, я просто остолбенел.

– Петрик! – завопил я во двор поселившемуся у меня Чудиле. Когда он поднялся в мою комнату, я ткнул дрожащим пальцем в свои гадательные прибабасы. – Петрик, что это?

– Что именно? Это карта кризиса, как мы с тобой очень хорошо знаем.

– А вот?

– Ты что, Миче? Это опасность. То есть для твоего клиента это может закончиться или хорошо или плохо. С летальным исходом.

– Знаешь, кто клиент? Малёк.

– Да брось ты.

– Говорю тебе, что Лёка.

– Анчутка, зачем ты опять гадаешь без его разрешения?

Чудила очень огорчился и ходил сам не свой. Он жил у меня и был мне прямо как нянька. Думаю, только с этим условием доктор Шу оставил меня в покое.

И девять десятых моих предсказаний были такими. Одна десятая часть, где карты не показывали опасность, приходилась на иногородних граждан, собирающихся восвояси. Но и им грозили убытки, утраты и душевные потрясения. В Някке должно было случиться нечто ужасное. Заговор? Я не знал. Судя по девяти десятым, это было нечто грандиозное, что нарушит планы и исковеркает жизни.

Я сказал мужу маминой подруги, опять собравшемуся за товаром, чтобы он ехал скорее, иначе его здесь ждут неприятности. Мало того. Страшная опасность. Опасность для его семьи. Ехал бы он со всей семьёю.

Некоторые люди начали уезжать из Някки. С семьями, с ценностями, бросив дела. С каждым днём беглецов становилось больше. Я ждал, что за это мне влетит сильнее всего. На месте наших государей, я непременно, очень быстро, арестовал бы паникёра вроде меня. Мой собственный папа сказал мне в строгой форме, что если я ещё раз посмею заикнуться о том, чтобы и нашей семье бежать из города, если я ещё посмею дёргать Натину или Лёкину семьи, он примет меры. Я даже не стал спрашивать, какие. Я сказал, что моё дело предупредить, а они – как хотят.

– Это как же так, Миче? – поразился папа. Он приготовился к долгому пререканию со мной.

– Как ты не понимаешь, – встрял Рики, – он же Анчутка. Анчутки не бегут из дома, даже когда он горит. Они пытаются спасти ребят, котят и щенят, если те остались в избе. Мы с Миче не побежим.

– Ты думал, я схвачу Рики в охапку и первый рвану из города? Нет, не рвану. Может, ты не заметил, папа, но я не собирался бежать в ожидании нападения пиратов. Хотел только вас уберечь. Считаешь, если бы я не успел вернуться с амулетом или в море что-то пошло бы не так, я забрался бы в погреб и прятался там от Длинного Когтя, дрожа от страха? Хорошего же ты мнения обо мне. Нет, папа, я волшебник, и я собирался защищать Някку, и защищал бы, даже если бы не владел боевой магией. Ты не понимаешь, что мой страх – это страх за вас? Разве я заикнулся о том, что уеду? В то время, как я чувствую, что пиратская месть коснётся не только меня? В то время, как в Някке столько народа? Дети, щенки и котята? Я бы сказал вам в очередной раз: уезжайте. Но ты уже объявил, что вы остаётесь. В конце концов, у анчуток тоже бывают семьи, которые не покидают избу, когда она горит.

– Вот это да! – выдохнул Рики. – Вот это Миче!

– Да вы что, дети! – возмутилась мама. – Как вы смеете грубить отцу?!

Папа смотрел так, словно не верил своим ушам.

Я ушёл к себе и повалился на кровать совершенно без сил. Ожидание чего-то ужасного выматывало невероятно. Куда же я денусь, если Рики, Ната и ВСЕ ОНИ и не думают трогаться с места?

А однажды ко мне пришёл в качестве клиента сам капитан «Северянина». Я очень обрадовался, потому что знал его ещё старшим офицером.

– Миче, дружок, – обратился он ко мне после того, как я его угостил чаем с пирогом, – ты знаешь, у нас с женой нет детей. Мы решили взять на воспитание мальчишку или двух, а вся наша родня встала на дыбы. Погадай-ка, смирится ли она потом.

– Смирится, даже будет довольна ваша родня, дети принесут всем радость, – кивнул я, раскинув всё, что положено. – Но поторопитесь, иначе ваша жена может остаться одна. В смысле, и без мужа, и без ребёнка. Мало того. Она сама в опасности, причём, в очень большой.

Ляпнув такое, я зажал себе рот двумя руками.

– Я сказал «может», мне запрещено панику нагнетать, – выдавил я из себя.

Мой знакомый капитан помолчал немного, а потом вздохнул:

– Ясно. Судьба моряка. Не пугайся так, Миче, это издержки профессии. И когда это может случиться?

– На днях, – еле-еле прошелестел я. – Простите.

Моё душевное состояние становилось всё хуже, но, в отличие от ближайшей родни, клиенты на меня не сердились. Папины сёстры встали на мою сторону, и двое готовились к бегству в Айкри. Трое моих кузин, родившиеся волшебницами, объявили, что, если вдруг что, они будут защищать Някку вместе со мной. И не пора ли мне обучить их боевой магии?

Я спросил у капитана «Северянина» про Ловкача.

– Воки Тэрю? – переспросил капитан. – Но у меня не было такого матроса в походе на пиратов. У меня и сейчас такого нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.